

Колдовская сила

ДЖЕННИФЕР АЛБИН
ТКАЧИ
ВРЕМЕНИ

У шестнадцатилетней Аделис Льюис есть секрет: она хочет быть неудачницей. Ведь тогда ее не заберут в Гильдию. Тех, кто обладает редкой способностью ткать время, ждут там особые привилегии — они навсегда останутся прекрасными и смогут менять ткань реальности. Но ради этого избранные должны отказаться от всего, что им дорого. Аделис использовала свой тайный дар и соткала немного времени для себя. Теперь у нее есть час, о котором никто не знает. Много это или мало? Всего за час ей предстоит прожить целую жизнь. И узнать, насколько крепко сшиты прошлое и будущее.

Дженнифер Албин

ТКАЧИ ВРЕМЕНИ

*Посвящается Робину,
который потребовал, чтобы я написала книгу,
и Джошу, который помог моему замыслу
воплотиться в жизнь.*

Желдовская сила

ДЖЕННИФЕР АЛБИН

ТКАЧИ ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Они приходили ночью. Когда-то семьи давали им отпор и на помощь каждой такой семье поднимались все соседи. Но теперь мир восстановлен, ткацкие станки налажены и девушки мечтают о том, чтобы быть избранными. Они по-прежнему приходят ночью, но лишь для того, чтобы было меньше хлопот с толпой, из которой тянутся к ним жадные руки. Одно мимолетное прикосновение к Пряхе — уже благословение. Так они говорят всем.

Никто не знает, почему у некоторых девушек появляется этот дар. Конечно, существует множество теорий. Это может передаваться на генном уровне. Или девушки, сознание которых открыто миру, способны временами улавливать тонкое течение жизни. А может, дар дается лишь тем, чье сердце абсолютно чисто и невинно. Но я знаю то, о чем остальные даже не догадываются. Это проклятие.

С того момента, как родители узнали о моем призвании, мы начали тренироваться по ночам. Они учили меня быть неуклюжей, и я часами упражнялась для того, чтобы в нужный момент правдоподобно уронить чашку или опрокинуть кувшин с водой. Затем родители начали учить меня путать нити так, чтобы в моих руках они превращались в абсолютно непригодное к работе месиво. Это оказалось сложнее, чем ронять и опрокидывать разные предметы. Мои пальцы могли ткать плавные узоры из любого материала. К моему шестнадцатилетию, когда пришло время проходить тест, остальные девочки были уверены, что меня отошлют домой первой.

Неумеха.

Деревенщина.

Простофиля.

Возможно, во всем оказались виноваты их насмешки, вонзавшиеся мне в спину, подобно кинжалам. А может, все это был первый, замаскированный этап тестирования. В любом случае я изменила свое решение. Сегодня последний день экзаменовки, и я практически одна из них: мои пальцы грациозно сплетают нити уходящего времени.

Сегодня ночью они придут за мной.

Глава первая

Со дня на день осень готовилась вступить в свои права и окрасить листья в рыжий и ярко-алый, однако сейчас, в ярком полуденном свете, они переливались изумрудной зеленью. Солнце согревало мое лицо, и все казалось возможным. Но скоро лучи его должны были потерять свое тепло — лето заканчивалось, жизнь неумолимо двигалась по заданному кругу. Как бездушная машина. Как я.

Я стояла прямо у входа в академию, где училась моя сестра, и единственная ждала окончания занятий. Когда я только вступила на первый круг тестирования, Ами подняла свой розовый пальчик и заставила меня поклясться, что я буду по-прежнему встречать ее каждый день, несмотря ни на что. Это было непростое обещание, учитывая, что меня могли призвать и доставить к башням Ковентри в любой момент. И все же я исполнила его и продолжала встречать сестру каждый день. Каждой девочке в жизни нужен неизменный ориентир. Пускай это всего лишь кусочек шоколада в конце каждого месяца, пускай лишь окончание занятий. Я мечтала только о том, чтобы моя маленькая сестренка жила полной жизнью, хоть летняя жара и должна была скоро закончиться.

Прозвенел звонок, и девочки стайкой высыпали на улицу. Повсюду замелькала клетчатая форма, в тишине раздался переливчатый смех. У Ами всегда было гораздо больше друзей, чем у меня, и вот теперь она бежала вперед, окруженная стайкой девочек-подростков. Я помахала ей, и она тут же бросилась ко мне, схватила меня за руку и потянула в сторону дома.

— Ты сдала? — с придыханием спросила она, выскочив вперед.

Я на мгновение заколебалась. Если и был кто-то, кто был бы рад происшедшему, так это Ами. Если бы я сказала ей правду, она бы завизжала и яростно захлопала в ладоши. А потом бросилась бы мне на шею, и на миг ее радость стала бы моей радостью, заставив меня поверить в то, что все теперь будет хорошо.

— Нет, — солгала я, и лицо Ами погрустнело.

— И хорошо, — рассудительно кивнув, произнесла она. — Так ты сможешь по крайней мере остаться в Ромене. Со мной.

Гораздо легче было притвориться, что сестра права, и не думать ни о чем, прислушиваясь иногда к ее щебетанию, чем показать, что происходило на самом деле. Впереди меня ждала целая жизнь в качестве Пряхи и только одна ночь, чтобы побыть просто ее сестрой. Я не переставала вовремя охать и ахать, так что Ами казалось, будто я ее слушаю. На миг я представила, как сестренка становится взрослой и уверенной в себе. Кто знает, может, когда я уйду, ей не придется тратить кучу времени на поиски своего места в жизни.

Школьные занятия Ами заканчивались в то же время, что и обыкновенная рабочая смена, так что мама уже ждала нас дома. Она сидела на кухне, опустив голову, однако, как только мы вошли, тут же подняла глаза и внимательно посмотрела на меня. Сделав глубокий вдох, я медленно покачала головой, и мама с облегчением выдохнула. Она порывисто обняла меня, и я не поторопилась высвободиться из ее объятий, нежась в облаке любви. Именно поэтому я и не сказала им правду. Больше всего на свете мне сейчас нужна была их любовь — не восхищение, не огорчение, только любовь, которая делала меня частью семьи.

Мама отстранилась и заботливо поправила упавшую мне на лицо прядь волос. Она не улыбалась. Да, я якобы провалила тест, однако, несмотря на это, мама понимала, что наше с

ней время истекло. Даже если мне не пришлось бы уходить из дома, я все же должна была вскоре получить профессию, а потом и выйти замуж. Зачем же было говорить ей, что она потеряет меня сегодня ночью? Сейчас важно было лишь то, что происходило в этот момент.

Обыкновенный ужин за обыкновенным столом. Не было ничего особенного, кроме маминого фирменного блюда — жареной свинины. В коридоре тикали дедушкины часы, цикады за окном исполняли летнее крещендо, в отдалении шумела дорога, догорающий закат медленно перетекал в сумерки. Этот день ничем не отличался от сотни точно таких же, но сегодня мне уже не суждено было выскользнуть из своей кровати и прокрасться на цыпочках в родительскую спальню. Окончание тестирования — это еще и конец многих лет обучения.

Мы с родителями жили в ветхой хижине за пределами большого города. В свое время им предоставили право на рождение двоих детей и выделили соответствующее жилье. Мама рассказывала, что они подавали прошение еще на одного ребенка. Мне тогда было восемь, и родители еще не знали о моем предназначении, однако им отказали. Цена за свободное развитие каждой личности — жесткий контроль Гильдии над рождаемостью. Мама поведала об этом однажды утром перед уходом на работу. По ходу рассказа она поправляла тщательно завитые локоны; голос ее был начисто лишен каких-либо эмоций. Я просила ее о братике. Мама подождала, пока я дорасту до того, чтобы понять, а затем объяснила, что это было абсолютно невозможно из-за сегрегации. Только вот я все равно обиделась. Рассеянно гоняя еду по тарелке, я вдруг поняла, насколько все было бы проще, родись я мальчиком или родись мальчиком моя сестра. Держу пари, родители тоже хотели сыновей. Тогда им не пришлось бы переживать из-за нашего ухода.

— Аделиса, — мягко сказала мама, — ты ничего не ешь. Экзамены закончились. Я думала, у тебя наконец появится аппетит.

Маме очень хорошо удавалось выглядеть невозмутимой, но порой я начинала задумываться, не был ли толстый слой косметики на ее лице своеобразной уловкой. Возможно, эти наруганные щеки и на помаженные губы были ее личным способом держать марку. Ей ничего не стоило выглядеть вот так. Безукоризненно уложенные алые волосы, безупречный костюм секретаря. Она была воплощением всего того, что люди хотят видеть в женщине: красивая, ухоженная, покорная. До одиннадцати лет, когда они с отцом начали тренировать меня быть неуклюжей, я и не знала, что она может быть совершенно другой.

— Я в порядке.

Мой ответ получился невыразительным и неубедительным, и мне вдруг тоже захотелось иметь на лице слой макияжа, чтобы спрятаться под ним. Но до окончания тестирования девочки должны были выглядеть чистыми и невинными — как во внешности, так и в поведении. Общественная мораль гласила, что девочки со способностями к ткацкому ремеслу не имели права растерять их в мирской суете. Некоторые из моих одноклассниц были такими же нежными и утонченными, как моя мама. Я же была чересчур бледна. Кожа моя смотрелась тускло в обрамлении рыжеватых волос. Ах, если бы они были такими же ярко-алыми, как у мамы, или золотистыми, как у Ами! Но нет, мои волосы были тусклее засаленного пенни.

— Мама приготовила сегодня праздничный ужин, — заметил отец.

Голос его звучал мягко, однако я поняла: он хотел сказать, что я зря переводила еду. Я

посмотрела на картошку с двумя пересушенными кусочками мяса и почувствовала себя виноватой. У меня на тарелке лежал, должно быть, двухдневный рацион, а впереди нас еще ждал торт!

Торт принесли из пекарни. Он был огромным, залитым глазурью. Мама уже пекла нам небольшие тортики на дни рождения, однако они и в подметки не годились этому сказочному чуду с сахарными цветами и кружевными узорами. Я знала, что стоил он, как половина нашего недельного рациона. Его наверняка собирались доедать на завтрак еще много дней до следующей зарплаты. При виде тонкого белого узора на торте мой желудок жалобно заурчал. Я не привыкла есть сладкое и к тому же совсем не была голодна. Я едва сумела прожевать пару маленьких кусочков пережаренного мяса.

— Вот такой торт я хочу на день рождения, — выдохнула Ами. Она никогда прежде не видела ничего подобного. Когда Ами пришла сегодня домой из академии, мама пообещала, что купит ей похожий торт на день рождения. Для девочки, которая всю жизнь ходила в обносках, это стало бы небывалой роскошью, однако мама, видимо, хотела немного подсластить ее тяжелые ученические будни.

— Он будет поменьше, — сказала мама, — и ты не получишь ни кусочка, пока не съешь свой ужин.

Я не смогла удержаться от улыбки, заметив, как Ами принялась судорожно поглощать содержимое своей тарелки. Она запихнула в рот столько еды, что ей с трудом удалось все проглотить. Мама называла ее «едоком». Я бы хотела есть с таким же аппетитом, когда меня охватывало восхищение, или напряжение, или грусть, но у меня все было по-другому: нервы напрочь отбивали у меня желание есть, а одна мысль о том, что это был мой последний ужин с семьей, заставляла мой желудок сжиматься в комок.

— Ты купила его для Аделисы? — с набитым ртом спросила Ами.

— Закрой рот и ешь спокойно, — ответил отец, слегка улыбнувшись.

— Да, Аделиса заслужила сегодня кое-что особенное. — Голос мамы звучал абсолютно спокойно, однако лицо ее сияло, а на губах играла легкая улыбка. — Думаю, мы должны отпраздновать.

— Сестра Марфы Кроссикс на прошлой неделе провалила тестирование и до сих пор не выходит из комнаты, — заявила Ами, проглотив очередной кусок мяса. — Марфа сказала, что все вели себя так, будто кто-то умер. Ходили такие грустные. Ее родители даже выбили разрешение на свидания, чтобы хоть как-то ее взбодрить. Теперь у нее назначены встречи чуть ли не со всеми свободными парнями в Ромене.

Ами захохотала, однако остальные промолчали. Я изучала узор на торте, пытаюсь определить, в какой технике работал пекарь. Ами совершенно не замечала отрицательного отношения родителей к одобренному Гильдией плану обучения и брачным законам. С другой стороны, они еще ни разу не говорили с ней начистоту. Я была уже достаточно взрослой и понимала, почему они не хотели, чтобы я становилась Пряхой, хотя они всегда были крайне осторожны в выражениях при разговорах со мной.

Папа откашлялся и посмотрел на маму в поисках поддержки.

— Некоторые девочки и вправду сильно хотят попасть в Ковентри. Сестра Марфы, должно быть, очень разочарована.

— Я тоже хочу, — весело щебетала Ами, отправляя в рот целую горку картошки. — Нам показывали картинки в академии. Пряхи такие красивые, и у них есть все, чего только душа пожелает.

— Догадываюсь, — протянула мама, точными движениями разрезая мясо на маленькие кусочки.

— Не могу дождаться тестирования. — Ами мечтательно вздохнула, и мама нахмурилась, но сестренка была слишком возбуждена, чтобы это заметить.

— Эти девушки обладают массой привилегий, но, если бы Аделису призвали, мы бы больше никогда ее не увидели, — очень осторожно сказала мама.

Родители уже начали предпринимать робкие попытки настроить Ами на нужный лад, хотя пока это у них не слишком получалось. Ами могла часами болтать ни о чем с каждым, кто готов был ее слушать, поэтому разговаривать с ней на серьезные темы было практически невозможно. Мне же рассказы Ами о страданиях юных школьниц и программах, которые она смотрела по телевидению, даже нравились. Так я отдыхала перед долгими ночами тренировок и обучения тому, как следить за своим языком, чтобы не сказать лишнего. Свернувшись в постели вместе со своей маленькой сестренкой и лежа так, пока она не заснет, я только и чувствовала себя нормальной.

Но торт мог принести радость лишь на один вечер. А потом родители должны были еще долго готовить Ами к провалу на экзаменах. Она пока ни разу не проявила способностей к ткацкому мастерству, однако они все равно собирались тренировать ее. Хотелось бы мне знать, будет ли она и через четыре года так же страстно желать стать Пряхой?

— Марфа говорит, что, когда станет Пряхой, обязательно попросит, чтобы ее фотографии регулярно печатали в Бюллетене. Тогда ее родители не будут скучать. Думаю, я тоже попрошу об этом. — Лицо Ами было так серьезно, будто она и впрямь была уверена, что все сложится именно так.

Мама молча улыбнулась. Как и все девочки, Ами восхищенно рассматривала яркие картинки ежедневного бюллетеня, однако не слишком понимала, чем на самом деле занимались Пряхи. Само собой, она знала, что они ткут и тем самым поддерживают в порядке ткань этого мира, — все девочки узнавали это еще в академии. Но однажды наши родители должны были объяснить ей, что на самом деле желания и добрые намерения самих прях не имели ровно никакого значения — над всем властвовала коррупция. Абсолютная власть над всеми нами, включая и самих Прях, была сосредоточена в руках Гильдии. Впрочем, нас продолжали кормить и защищать. Я слушала своих родителей, но все равно не могла понять: разве забота о сытой и спокойной жизни других — это настолько плохо? Я понимала только одно: мой уход вот-вот собирался разбить им сердце, и у меня больше не будет шанса передать им весточку, чтобы показать, что со мной все в порядке. Наверное, мне тоже придется печатать свои фотографии в Бюллетене, как Марфе Кроссикс.

Мы молча доели все, что оставалось на тарелках, и все взгляды устремились к белому воздушному сооружению прямо перед нами. Маленький дубовый стол отлично подходил для нашей семьи. Обычно нам было удобно передавать друг другу тарелки и чашки и самим накладывать ужин, но сегодня маме пришлось обслужить нас, потому что торт занял собой почти все место. Я с завистью смотрела, как горели глаза Ами — возможно, она представляла, свой праздничный торт: ей ведь должно было исполниться целых тринадцать лет! Родители же чувствовали спокойствие и умиротворение — и радость.

— Мне жаль, что ты провалилась, Ади, — сказала Ами, посмотрев мне в глаза. Затем ее взгляд вновь обратился к торту.

— Аделиса ничего не провалила, — поправил ее отец.

— Но ее ведь не выбрали.

— Мы и не хотели, чтобы ее выбрали, — отозвалась мама.

— А ты хотела, чтобы тебя выбрали, Ади? — невинно спросила Ами.

Я неуверенно покачала головой.

— Но почему? — удивилась сестра.

— Ты сама хочешь такой жизни? — спокойно спросила ее мама.

— Почему вы все против Прях? Я не понимаю, что мы вообще празднуем. — Ами, не отрываясь, глядела на торт. Она никогда еще не говорила с нами так грубо.

— Мы ничего не имеем против Прях, — резко оборвала ее мама.

— И против Гильдии, — добавил папа.

— И против Гильдии, — кивнув, повторила мама. — Но если ты пройдешь тестирование, то уже никогда не сможешь вернуться сюда.

Сюда — это в малюсенькую двухкомнатную квартирку, где среди соседей одни девчонки, а на то, чтобы встретить мальчика своего возраста, можно даже не надеяться. В дом, где в стенах устроены тайники и за стенными панелями хранятся книги и другие сокровища, на протяжении сотни лет передававшиеся от матерей к дочерям. Мне всегда особенно нравилось радио, хотя оно и не работало. Мама рассказывала, что когда-то по радио можно было услышать музыку, разные истории и даже новости — прямо как на нынешнем телевидении, только без видеоряда. Я спросила однажды, зачем мы храним эту бесполезную штуковину, и мама ответила, что помнить прошлое всегда полезно.

— Но Пряхи живут, как в сказке, — возразила Ами. — Они ходят на вечеринки и носят красивые платья. Пряхи наделены властью.

Последние слова словно повисли в воздухе, и родители с грустью переглянулись. Власть? Никто не мог быть уверен в том, что ему разрешат иметь детей. Никто не в силах был изменить существующий режим. Никто не выбирал свой путь и свою роль в обществе. Разве такая власть была истинной?

— Если ты думаешь, что они могут влиять... — тихо начала мама, но тут папа закашлялся.

— Они едят торты, — со вздохом произнесла Ами и тяжело навалилась на стол.

Папа бросил короткий взгляд на ее несчастное лицо, откинул голову и захохотал. Спустя мгновение к ним присоединилась и моя вечно серьезная мама. Даже я почувствовала, что вот-вот готова была разразиться таким же хохотом. Ами изо всех сил пыталась страдать дальше, однако уголки ее губ неудержимо расползались в улыбке.

— Твои косметические пробники придут на следующей неделе, Аделиса, — повернувшись ко мне, сказала мама. — Я научу тебя всем этим пользоваться.

— Видит Аррас, мне бы лучше уметь наносить косметику. Разве не это главная забота девушки? — Шутка вырвалась у меня прежде, чем я успела ее обдумать. У меня была дурацкая привычка сыпать остротами, когда я нервничала. Судя по встревоженному лицу мамы, эта шутка мне не слишком удалась.

— А я сразу приступлю к организации твоих свиданий, — подмигнув, заявил папа, и напряжение, повисшее между нами с мамой, тут же ушло.

Вот тут я уже и вправду рассмеялась, несмотря на ледяной ужас, сковавший все мышцы моего тела. Родители ни за что не стали бы торопить меня с замужеством, как это часто бывает в других семьях, даже если бы мне прислали постановление сделать это не позже восемнадцати лет. Но мое приподнятое настроение сохранялось недолго. О замужестве, которое и раньше казалось мне чем-то совершенно нереальным, теперь можно было и вовсе

забыть. Пряхи замуж не выходили.

— Ну а я помогу тебе подобрать в кооперативе подходящие оттенки косметики, ладно? — напомнила Ами. Она изучала каталоги и фотографии моделей с того самого момента, как научилась читать. Мама редко брала нас с собой в городской кооперативный магазин, а когда такое все-таки случалось, мы покупали скучные товары для дома, а не восхитительную косметику.

— Я слышал, ко дню назначений они собираются увеличить количество учителей в войсках, — посерьезнев, сказал папа.

Я всегда мечтала быть учителем. Не секретарем, не няней, не рабочим на фабрике — ни одна из этих женских профессий не оставляла места для творчества. Даже в академии, находящейся под жестким контролем Гильдии, было куда больше возможностей для самовыражения, чем в стенографировании мыслей какого-нибудь бизнесмена.

— Ох, Ади, из тебя выйдет замечательная учительница, — вставила свои пять копеек Ами. — Что бы там тебе ни поручили, лучше не просиживать штаны в офисе. Мы только что закончили класс стенографии — такая скукота! Да еще и кофе целыми днями подавать! Правда, мам?

Ами вопросительно посмотрела на маму, и та коротко кивнула. Моя сестра была слишком рассеянна, чтобы заметить короткую вспышку боли, промелькнувшую в маминых глазах, но я ее разглядела.

— Я готовлю огромное количество кофе, — признала мама.

У меня ком подступил к горлу: заговорив, я бы, наверное, расплакалась.

— Уверена, тебе пришлют назначение на учительскую должность, — сказала мама больше для того, чтобы сменить тему, а потом хлопнула меня по руке.

Должно быть, я выглядела неважно. Я попыталась представить, как чувствовала бы себя, если бы мне и вправду оставалась всего неделя до дня назначений, и не смогла. Я ожидала, что меня будут целый месяц тестировать, затем отчислят и припишут на какую-нибудь должность. Так было до первого раза, когда я оказалась у станка, — огромной автоматизированной машины, на которой ткалась ткань Арраса. Тогда все пригодные девочки впервые увидели этот станок. Мне просто нужно было делать вид, что я не замечаю узора, как остальные, и говорить проктору заученную ложь. Если бы я не начала скользить по нитям, меня бы отчислили, и тогда назначение зависело бы только от моей академической успеваемости. Я годами добросовестно училась стенографии, домашнему хозяйству и хранению информации. Однако ни одному из этих умений не суждено было мне пригодиться.

— Нам нужна новая учительница, — прервала ход моих мыслей Ами. — Миссис Свондер ушла.

— Она ждет ребенка? — делано безразлично спросила мама, и взгляд ее потускнел.

— Нет, — покачала головой Ами. — Директор Диффет сказал, что с ней случилось недоразумение.

— Недоразумение? — нахмурился папа.

— Ну да. — Ами кивнула, глаза ее внезапно округлились. — Не знаю никого, с кем еще случалось подобное.

В ее голосе слышались нотки испуга и восхищения. Никто из нас не знал ни одного человека, с которым случалось недоразумение, потому что недоразумений в Аррасе не бывало вообще.

— А директор Диффет не рассказал, что произошло? — спросила мама так тихо, что я едва различила ее голос в абсолютной тишине комнаты.

— Нет, но нам сказали ни о чем не беспокоиться. Подобные недоразумения случаются крайне редко. Гильдия обязательно проведет расследование, и все будет улажено. Интересно, она в порядке? — с надеждой спросила она.

Что бы ни сказал папа, сестренка готова была поверить. Я тут же вспомнила себя в ее возрасте, когда абсолютное доверие каждому родительскому слову давало сладкое ощущение комфорта и безопасности.

Отец улыбнулся плотно сжатыми губами и коротко кивнул. Взгляд мамы пересекся с моим.

— Странно, правда? — Мама наклонилась к папе так, чтобы Ами не расслышала ее вопроса, но это было совершенно не обязательно: Ами и так уже полностью погрузилась в изучение торта.

— Недоразумение? Конечно.

— Нет. — Мама покачала головой. — То, что директор им сказал.

— Похоже, дело плохо, — шепотом ответил папа.

— Не смогли скрыть какие-то махинации?

— Мы у себя на станции ничего подобного не слышали.

— Из девочек сегодня тоже никто ни о чем таком не упоминал.

Мне тоже хотелось поучаствовать в разговоре, но я не знала ничего интересного. Улица за окном погрузилась в ночной сумрак. Я видела темный силуэт растущего во дворе дуба, но больше ничего. Оставалось так мало времени, а мы тратили его на обсуждение того, что случилось с миссис Свондер.

— Пора есть торт! — громко воскликнула я.

Мама вздрогнула, затем обвела внимательным взглядом все тарелки и согласилась со мной.

Папа разрезал торт старым ножом для резки хлеба. Глазурь размазалась по тарелке, а красные цветы распались на маленькие розовые комочки. Ами чуть не с ногами залезла на стол, и мама пустила по кругу тарелки. Не успела я поднести кусочек ко рту, как мама остановила меня.

— Аделиса, да будет благословен твой путь. Мы гордимся тобой.

Мамин голос прервался, и я поняла, насколько был важен для нее этот момент. Как же долго ждала она этого дня: тестирование подошло к концу, и теперь передо мной простиралась целая жизнь. Я не решалась поднять глаз. Мама сказала нам есть торт, а сама принялась вытирать с лица потеки туши.

Отправив кусочек в рот, я с трудом проглотила его. Он оказался настолько сладким, что встал мне поперек горла, а нос страшно зачесался. Заглушить эту сладость удалось, только выпив разом полстакана воды. Потом пришел черед Ами, но ее мама не остановила. В конце концов, это мое тестирование завершилось сегодня. С завтрашнего дня родители собирались начать готовить сестру к провалу на экзаменах.

— Девочки, — начала мама, но мне уже не довелось узнать, что она хотела сказать.

Раздался громкий стук в дверь, а затем топот. Уронив вилку, я почувствовала, как кровь отлила от лица и прилила к ногам. Я словно приросла к стулу.

— Аделиса, — выдохнул папа и ни о чем не спросил, уже зная ответ.

— Времени нет, Бенн! — взвизгнула мама.

Ее невозмутимое спокойствие разрушилось, однако она тут же вновь взяла себя в руки и стиснула руку Ами.

Послышался странный нарастающий гул, а затем в комнате раздался голос:

— Аделиса Льюис была призвана, чтобы служить Гильдии двенадцати. Да благословенны будут Пряхи и весь Аррас!

Все соседи высыпали на улицу: ни один человек в Ромене не пропустил бы призыв по собственному желанию. Бежать было некуда. Здесь меня знала каждая собака. Я встала, чтобы открыть дверь призывной группе, но папа толкнул меня в сторону лестницы.

— Папочка! — в Голосе Ами звучал ужас.

Я бросилась к сестре и крепко схватила ее за руку, а затем, скрючившись, пошла вслед за ней и за папой в подвал. Я понятия не имела, что он задумал. Наш подвал был всего лишь сырым, наполненным скудными припасами погребом. Мама подбежала к несущей стене и спустя мгновение отодвинула в сторону часть кирпичей, за которыми оказался узкий тоннель.

Мы с Ами застыли на месте, непонимающе глядя в проход. В глазах сестренки читался тот же ужас, что сковывал мои конечности. Мир перед глазами начал расплываться. Я абсолютно не понимала, что происходило вокруг. Реальна была лишь липкая ладошка Ами в моей руке, и я крепко-крепко сжимала ее ради нас обоих. Наконец я пришла в себя, но в этот момент мама вырвала Ами у меня из рук, и я закричала так, будто провалилась в пустоту.

— Ади! — воскликнула Ами, пытаясь вырваться из маминых объятий.

Страх в ее голосе отрезвил меня, и я прокричала в ответ:

— Все хорошо, Ами. Иди с мамочкой.

Мама вздрогнула и на мгновение ослабила хватку. Я не могла припомнить, когда в последний раз называла ее мамочкой, ведь я всегда считала себя слишком серьезной и взрослой для таких пустяков. По лицу мамы покатались слезы, и она отпустила Ами. Сестра прыгнула ко мне в объятия, и я вдохнула запах ее свежeweымытых волос, удивившись тому, как сильно колотилось ее сердце. Мама обняла нас обоих, и я всем телом ощутила тепло ее рук. Но все закончилось слишком быстро. Она торопливо поцеловала меня в лоб, и они ушли.

— Аделиса, сюда! — Папа подтолкнул меня к еще одному проходу, такому же, как тот, через который ушли мама с сестренкой. У самого входа мы остановились, папа крепко перехватил мою кисть, и я ощутила на запястье обжигающий холод металла, а затем холод сменился обжигающим жаром. Когда папа отпустил руку, я тут же принялась дуть на ожог, пытаясь погасить жар.

— Что... — Я вгляделась в лицо отца, попытавшись понять, зачем надо было меня клеймить, а затем перевела взгляд обратно и увидела на коже бледный кружок циферблата наручных часов. Его едва можно было разглядеть.

— Надо было сделать это давным-давно, но... — Папа сдержал чувства и плотно сжал челюсти. — Это поможет тебе не забывать, кто ты есть. А теперь, малышка, тебе пора уходить.

Я вгляделась в глубину тоннеля, ведущего в пустоту.

— Куда он ведет? — от страха мой голос сорвался. Спрятаться в Аррасе было невозможно, и к тому же, это считалось государственной изменой.

Над нами раздался топот ботинок по деревянному полу.

— Иди, — умоляюще произнес папа.

Люди зашли в столовую.

— Еда осталась на столе! Они не могли далеко уйти.

— Осмотрите весь дом и выставьте кордоны на улицах.

Топот переместился в район кухни.

— Папа... — Я обняла отца, отчаянно надеясь, что он пойдет со мной или выйдет отсюда по какому-нибудь другому тоннелю.

— Я знал, нам ни за что не удастся скрыть, насколько ты особенная, — пробормотал отец, уткнувшись в мои волосы. Дверь в подвал распахнулась настежь.

Но я не успела сказать, как мне жаль, что я их подвела, и как сильно я его люблю: топот раздался уже на лестнице. Я нырнула в провал. Отец передвинул часть стены на место, и вокруг стало темно. Сердце мое сжалось от страха. А потом отец остановился. В тоннель все еще просачивался свет из подвала. Я не могла пошевелиться.

И тут кирпичная кладка начала рушиться и проход снова осветился. Подавив рвущийся наружу крик, я бросилась вперед, в темноту. Останавливаться было нельзя. Попытавшись забыть отца, мать и Ами, оставшихся в другом тоннеле, я пошла между холодных земляных стен.

Только вперед.

Я повторяла это снова и снова, больше всего на свете опасаясь того, что, замедлив ход, опять впаду в оцепенение. Но каким-то образом мне удавалось продвигаться все дальше и дальше во тьму до тех пор, пока в ногу мне не впилась холодная сталь. Я закричала, но сталь лишь глубже вошла в кожу и начала тащить меня назад, к свету, к людям в тяжелых ботинках, к Гильдии. Я попыталась сопротивляться, но тиски были слишком крепки и каждая попытка вырваться оборачивалась лишь тем, что металл еще сильнее впивался мне в голень.

Бороться было бесполезно.

Глава вторая

Как только меня вытащили из тоннеля, кто-то тут же вонзил мне в раненую ногу тонкую иглу. Я еще некоторое время отбивалась, а затем вдруг стала удивительно спокойной. Один из офицеров помог мне подняться, и я благостно улыбнулась ему. Еще никогда я не чувствовала себя такой счастливой.

— Подлатайте ее, — рявкнул спускавшийся по ступенькам высокий чиновник.

Он сильно отличался от остальных, одетых в стандартную военную униформу. Этот человек был значительно старше, но еще не потерял привлекательности. Линия его подбородка была чересчур совершенна, чтобы смотреться естественно, а седина в волосах выдавала возраст. Все в нем: и глаза, и нос, и зубы — было выше всяких похвал. Это могло означать лишь одно — он заменил их, воспользовавшись одной из своих привилегий. Такие лица показывали только в новостях. Я рассеянно разглядывала его, пока медики освобождали мою ногу и прочищали рану. Несколько женщин уже вытирали мое заплаканное лицо и приводили в порядок волосы. Мне было так хорошо, что хотелось спать. В сознании меня удерживало лишь ощущение холодного бетонного пола под босыми ногами. Туфли я потеряла еще в тоннеле.

— Вы вкололи ей слишком много, — проворчал чиновник. — Я приказал подготовить ее к телевизионному репортажу, а не вырубить начисто.

— Прошу прощения. Она так яростно сопротивлялась, — ответил один из офицеров, и в голосе его послышалась насмешка.

— Исправьте.

Еще одна игла воткнулась мне в руку, и я перестала улыбаться. Спокойствие не покинуло меня, но эйфория почти сошла на нет.

— Аделиса Льюис? — спросил чиновник, и я кивнула. — Ты понимаешь, что происходит?

Я попыталась сказать «да», но губы не слушались, и я снова кивнула.

— Наверху нас ждут телевизионщики и практически все твои соседи. Мне не хотелось бы накачивать тебя дурью, но, если ты будешь вести себя так же, как раньше, я позволю им это сделать. Ты понимаешь, о чем я говорю? — Чиновник кивнул в сторону медиков, которые занимались моей раной.

— Да, — удалось пропищать мне.

— Хорошая девочка. Об этом мы поговорим позже, — добавил он, указав рукой в сторону тоннеля. — Твоя задача сейчас — улыбаться всем и выглядеть взволнованной от оказанной тебе чести. Справишься?

Я лишь молча таращилась на него.

Чиновник смешно дернул головой, чтобы активировать вживленный над левым ухом микрочип. С помощью него обладатель микрочипа мог легко подключиться к другому такому же пользователю или даже к телевизионной панели. Я уже видела в городе людей с этими штуками, но мой отец, будучи механиком, не обладал правом на вживление микрочипа. Мгновение спустя я приобщилась к этому чуду научной мысли.

— Эннокс, они у тебя? Нет, держи ее. — Обернувшись, чиновник показал рукой на проход, в котором скрылись мама и Ами. — Давай-ка представим, что мой коллега сейчас удерживает кое-кого, кого ты очень любишь. И от того, как ты выступишь на телевидении,

зависит, выживет она или погибнет. Получится теперь выглядеть взволнованной от оказанной чести?

Я улыбнулась ему самой широкой, самой блистательной улыбкой, какую была в состоянии из себя выдавить.

— Неплохо, Аделиса, — заметил чиновник, но тут же нахмурился, издав грозный рык. — Вы что, все с ума посходили? Это же призыв. На ней не может быть никакой косметики!

Пока он честил своих ассистентов, я попыталась осмотреться и найти отца. Его нигде не было видно. Я обшарила глазами стены, но не сумела отыскать больше ни одной трещины в кирпичной кладке, за которой мог скрываться другой тайный проход. Правда, всего двадцать минут назад я не подозревала и о существовании первых двух тоннелей.

— Теперь готова? — спросил чиновник одного из медиков.

— Дайте ей еще минутку.

— Я в порядке, — с улыбкой заметила я, упражняясь перед телеэфиром. Однако после этих слов мой желудок судорожно сжался и вся съеденная пища подкатила к горлу. Согнувшись пополам, я извергла на пол недавний ужин.

— Фантастика! — воскликнул чиновник. — Интересно, будет у меня когда-нибудь квалифицированная команда?

— Сейчас ей станет лучше, — сказал один из медиков, попятившись.

Чиновник грозно сверкнул глазами в ответ и потащил меня к лестнице. На последней ступеньке он покрепче перехватил меня за локоть и придвинул к себе.

— Все должно быть реалистично. От этого будет зависеть ее жизнь.

У меня не хватило мужества спросить чиновника, кого именно он имел в виду — мою сестру или мою мать, ведь его ответ лишь сказал бы мне, кто был уже мертв. Я поднялась наверх и попыталась проморгаться под светом бьющих в лицо ламп. Горели абсолютно все светильники, кухню и столовую тщательно обыскивали. На пути к входной двери я вдруг поскользнулась на чем-то темном и липком. Один из офицеров тут же схватил меня за руку, но глаза мои все же устремились к полу. Жидкость была почти черной, и вытекала она из огромного жесткого мешка.

Я посмотрела на человека, стоявшего позади меня.

— Сейчас не время, детка, — прошипел он. — Ты должна выступить в шоу, а иначе одним таким мешком у нас станет больше.

Не в силах оторвать взгляд от страшного мешка, я все-таки пошла дальше. Я попыталась сказать, что ноги мои были испачканы в крови, но чиновник уже отдавал какие-то приказы своей команде.

— Стоп, — скомандовал стражник у двери.

Чиновник сделал шаг вперед, оглядел меня, вздохнул и вышел на крыльцо, где его встретил грохот аплодисментов. Я обернулась, чтобы еще раз взглянуть на сумку, но стражник уже подошел к столу и заслонил ее от меня. Краем глаза я заметила, что он пожирал остатки нашего торта.

— Эй, — вскрикнула я, и все взгляды обратились ко мне. — Это ведь половина недельного рациона! Оставьте его моей семье.

Офицер переглянулся со своим товарищем, и на лицах обоих промелькнуло сочувствие, однако кусок торта он все же вернул на место.

— Благословенный Ромен! Меня зовут Кормак Паттон и... — Грубый чиновник

обратился к толпе прямо с нашего крыльца. Раздался еще один взрыв аплодисментов, и он подождал, пока шум стихнет.

— Всегда он делает паузу для аплодисментов, — сухо заметила косметолог.

— Благословенный Ромен! Меня зовут Кормак Паттон, — тихонько передразнил каждое слово своего босса ее друг, и они рассмеялись, вынудив стражника шикнуть на них.

Кормак Паттон. Посол Ковентри из Гильдии двенадцати и один из самых обаятельных красавчиков на телевидении. И как я могла не узнать его? Похоже, мне действительно вкололи какую-то наркоту. А может, я просто не привыкла к тому, чтобы знаменитости заявлялись ко мне в подвал. Он нравился даже моей маме. Что до меня, так я не видела в нем ничего притягательного. Конечно, он всегда появлялся на экране в элегантном черном смокинге, да и лицо его было довольно недурно, но ему было как минимум сорок. А может, и больше, учитывая, что на сорок он выглядел все время, сколько я себя помнила.

Я никак не могла осознать, что в эту минуту он действительно стоял на моем крыльце.

— Нам выпала честь призвать сегодня к служению Аделису Льюис, — проревел Кормак. Младший офицер подтолкнул меня поближе к нему. — Пусть Аррас расцветет под ее пальцами.

Толпа эхом повторила благословение, и мои щеки залила краска. Я с трудом натянула на лицо сияющую улыбку и мысленно приказала ей застыть на месте.

— Помаши им, — прошипел Кормак сквозь стиснутые зубы, не меняя при этом своей фирменной улыбки.

Я застенчиво взмахнула рукой, продолжая улыбаться толпе. Через секунду нас уже окружили офицеры, и мы быстро направились к мотокарете. Толпа у меня перед глазами слилась в одну сплошную массу, и теперь я видела только руки. Офицеры постарались отшвырнуть напиравших зевак назад, я отскочила в сторону. Повсюду, куда ни брось взгляд, передо мной возникали скрюченные пальцы, пытавшиеся ухватить меня за юбку или волосы. Дыхание мое участилось, Кормак нахмурился. Наркотики, которыми меня накачали, должно быть, оказались не слишком действенными. Вспомнив об угрозе чиновника, я сделала счастливое лицо.

Такой длинной мотокареды в Ромене я никогда не видала — разве что по телевизору. Обычные горожане передвигались на мотопактах, но мотокареды управлялись шоферами. Я постаралась сосредоточиться на нашей карете: стоило только добраться до нее, как вся эта публичная кутерьма подошла бы к концу. Офицер провел меня к задней двери и помог мне усесться. Как только дверь надежно отгородила меня от ликующей толпы, я тут же снова нахмурилась.

— Вот так гораздо лучше, — пробормотал Кормак, повернувшись ко мне. — Ты у нас последняя на сегодня.

— Тяжелый выдался денек? — резко бросила я.

— Нет, но вынести такое бремя, как ты, оказалось нелегко, — огрызнулся он, наливая себе в стакан янтарную жидкость и даже не думая о том, чтобы предложить мне глоток.

Я погрузилась в молчание. Бремя. Образ упакованного в мешок тела вновь возник у меня перед глазами, и я почувствовала, как по щекам покатались горячие слезы.

Я отвернулась к окну, чтобы он не видел, как я плачу. Стекло было затемнено, так что нас снаружи совсем не было видно, однако толпа не расходилась. Соседи что-то живо обсуждали, указывая на наш дом. Люди перешептывались, передавали друг другу последние новости. В Ромене уже десять лет никого не призывали. На следующий день меня должны

были показать по роменскому телевидению. Мне было интересно, что они собирались сказать о моих родителях. О сестре.

Кормак допил последние капли и тут же склонил голову набок, чтобы принять вызов.

— Здесь, — недовольно сказал он. Кормак был спокоен, однако безразличие на его лице вскоре сменилось выражением легкой досады.

— Зачистите это, — сказал он. — Нет, зачистите вообще все.

Голова чиновника откинулась назад: разговор был окончен. Он повернулся ко мне.

— Тебе повезло.

Я пожалала плечами, не желая показывать свои чувства. Я не знала, что такое зачистка, и не была уверена, что хочу это знать, учитывая, каким тоном был отдан приказ.

— Ты даже не представляешь, — добавил он. — Ну, как твоя нога?

Он бросил взгляд на то место, где клещи впились в мою голень, но рана уже затянулась.

— Похоже, отлично. — Я старалась говорить так, чтобы мой голос не звучал удивленно, но получалось у меня плохо.

— Набор для заживления, — пояснил он. — Одна из многочисленных привилегий Пряхи.

Я не ответила, и он повернулся к бутылке, чтобы налить себе еще. Мои глаза вновь обратились к окну. Мы почти покинули границы Ромена, и мне не верилось, что вернуться назад мне было уже не суждено. Картинка перед глазами подернулась туманом, и веки мои стали медленно смыкаться. Наркотики, которыми меня накачали, действовали как снотворное. Однако еще до того, как мои глаза закрылись, дорога за окном превратилась в тонкую полосу, а затем пропала вовсе.

Офицер разбудил меня, как только мы добрались до станции Нилас, и протянул мне пару туфель. Другой офицер проводил меня до туалета и остался стоять на страже у входа. Затем меня привели в крошечную дамскую комнату и дали мне смену одежды. Все, что было надето на мне до этого, забрали. Я одевалась как можно медленнее. Туман в моей голове рассеялся еще не до конца.

Но долго задерживаться было нельзя. Станция Нилас была расположена в столице Западного Сектора, и с нее путешественники могли добраться в три другие столицы Арраса. Все здесь находилось под строгим контролем полиции. По всем четырем секторам могли перемещаться лишь самые влиятельные бизнесмены — работникам ранга моего отца это не разрешалось. Я еще никогда не выезжала за границы Ромена. Наверное, мне полагалось быть взволнованной, однако я чувствовала только тупую боль от своих мыслей. Кормак сидел на складном стуле прямо у входа в дамскую комнату.

— Ты уже бывала когда-нибудь на пересадочной станции, Аделиса? — дружелюбно спросил меня Кормак, поднявшись мне навстречу, как только я вышла обратно в здание вокзала.

Я покачала головой. У меня совершенно не было желания притворяться друзьями.

— Конечно-конечно. Мало кому из граждан сейчас позволено пересекать границы. — Он улыбнулся, и я впервые заметила морщинку на его совершенно гладкой коже. Под «гражданами» он явно подразумевал женщин и городских рабочих.

Кормак ускорил шаг, и я постаралась не отставать. Мы прошли мимо палатки чистильщика обуви, небольшой гардеробной и маленького кафе. Кормак жестом предложил мне зайти в ресторан. Официант проводил нас к столику на втором этаже помещения,

откуда нам открылся прекрасный вид на толпившихся в зале ожидания путешественников. Все они ждали своего разрешения на выезд. Мир вокруг кипел и бурлил: то и дело слышался стук каблуков, доносились обрывки разговоров и шуршание бюллетеней. Энергия жизни здесь была через край.

— Мисс, я должен проверить вашу карточку привилегий, — насмешливо произнес официант.

Я оглядела свою простую одежду и поняла, что у меня с собой не было даже удостоверения личности, однако Кормак ответил прежде, чем я успела что-то сказать.

— Она моя гостья. Хотите посмотреть мою карточку? — рассеянно спросил он.

Официант взглянул на него, и на лице его тут же появилась угодливая улыбка.

— Посол Паттон, прошу прощения. Я вас не узнал. Смотрел только на девочку.

То, как он произнес последнее слово, заставило меня поежиться.

— Не стоит оправдываться. Полагаю, вы здесь нечасто встречаете юных леди. — Кормак рассмеялся, и официант ответил ему тем же.

— Нас не проинформировали, что мимо будет проезжать призывная команда, иначе мы бы, конечно, подготовились, — скромно добавил молодой человек.

— Операцию назначили в последний момент, так что не получилось разослать обычные оповещения.

— Так значит, она... — во взгляде официанта появилось восхищение.

— Она Избранная. Обращайтесь с ней так же, как с любой из Прях. — В голосе Кормака послышалось предупреждение, и юноша поспешно кивнул.

Официант всем своим видом показывал особенное рвение, вот только заказывать сама я не решалась. И, словно зависшего по стойке смирно официанта было недостаточно, взгляды всех остальных мужчин в зале тоже обратились ко мне. Взгляды эти были бесстыдны и принадлежали хозяевам этого мира, и, осмотревшись, я вдруг поняла, что видела лишь море костюмов и фетровых шляп. Единственной женщиной на вокзале была гардеробщица в небольшой гардеробной, мимо которой мы недавно прошли. В этом месте позволено было находиться только мужчинам. Конечно, я знала, что путешествовать могли лишь крупные бизнесмены, однако ни разу не задумывалась о том, что сегрегация проявлялась даже на вокзале. Я принялась нервно тереть полу своей рубашки и неожиданно заметила, как же было жарко.

— Вот развратники, — хихикнул Кормак. — Да уж, сейчас женщин встретишь нечасто. Не в сопровождении мужей.

Только спустя минуту до меня дошло, что он говорил обо мне. Это я была женщиной. Я была одной и без сопровождения.

— Предлагаю тебе поесть. Насколько я помню, после работы наших никудышных медиков в желудке у тебя ничего не осталось. Я почему-то всегда надеюсь, что они знают, сколько эссенции надо вколоть девочке весом сто пятнадцать фунтов, однако они вечно дают либо слишком много, либо слишком мало. Но тебе повезло. На станции Нилас прекрасное кафе. — Он кивнул в сторону двери, ведущей на кухню. — Еще неизвестно, когда тебе удастся поесть в следующий раз.

— Я не слишком голодна, — ответила я. Передо мной на тарелке лежала абсолютно нетронутая баранья отбивная. Кормак тоже не съел ни кусочка, хоть и говорил о том, что поесть необходимо, однако в его случае это было связано с повышенным интересом к бурбону.

Кормак наклонился вперед и посмотрел мне прямо в глаза.

— Это я понял. Но ты послушайся моего совета, съешь что-нибудь.

Я вспомнила нашу столовую, белый торт и лужу крови на полу и покачала головой. Сейчас я жаждала лишь ответов на свои вопросы.

— Ешь, и я все тебе расскажу.

Понимая, что аппетит пропадет вовсе, как только я услышу ответы на свой вопросы, я задохнулась в рот пару кусочков и проглотила их, а затем вновь перевела взгляд на Кормака.

— Они мертвы? — Голос мой звучал безжизненно, и я почувствовала, что теряю последнюю надежду.

— Твой отец — да, — тихо ответил Кормак. На его лице не отразилось ни раскаяния, ни сожаления. Он просто констатировал факт.

Я опустила глаза и сделала глубокий вдох.

— А мама с сестрой?

— Сестра под арестом, а о твоей матери я ничего не знаю.

— Значит, ей удалось уйти? — с трудом произнесла я, недоумеваю, как им удалось поймать Ами. Несмотря на то что случилось с отцом, у меня вновь появился луч надежды.

— Пока да. Когда «Вэлпрон» выветрится, ты расстроишься сильнее.

— Может, я гораздо сильнее, чем вы думаете, — ответила я, хотя в тот момент вообще ничего не чувствовала.

— В таком случае я бы удивился. «Вэлпрон» — это успокоительное. — Глаза Кормака сузились, и он положил вилку на стол. — Так какой у вас был план?

— План?

— Не глупи, Аделиса, — прорычал он. — Мы нашли четыре тоннеля, которые расходятся под землей в разные стороны и выходят на поверхность неподалеку от вашего дома. Куда вы собирались идти?

— Я понятия не имею. Я не знала о них. — Это было правдой. Вряд ли я смогла бы солгать в тот момент, даже если бы захотела. Кроме того, я на самом деле не представляла, до какой степени родители хотели спрятать меня от Гильдии. Как давно они вырыли эти тоннели и куда собирались по ним бежать? Но Кормак смотрел на меня так, будто думал, что я знала куда больше, чем говорила ему.

Он фыркнул, а затем продолжил есть. Или, точнее, пить.

— Само собой, ты не знала. И на экзаменах ты провалиться тоже не пыталась.

Наши глаза встретились. Мне хотелось спросить, что он знал об этом, но я промолчала.

— Я видел по телевидению фрагмент вашего тестирования. Ты начала прясть случайно, — пояснил он.

— Я не представляла, что делаю, — ответила я, и это была чистая правда. Никогда раньше я не работала на станке и ни разу не видела пряжей этого мира — таких тонких, пронизывающих все вокруг, — это оглушило меня. Нас тестировали, нам задавали вопросы, давали задания, связанные с обыкновенным ткацким мастерством, но ни одна из моих одноклассниц не прошла этих тестов. Для этого требовался особый талант, которым они, видимо, не обладали и который я все детство училась подавлять.

— Сомневаюсь, — заметил Кормак, опустив стакан на стол. — Все произошедшее было случайностью по другой причине. Станок не был включен. Девочка, которая способна ткать время без помощи станка, — удивительная редкость. Для этого требуется исключительный талант. Мы чуть не забрали тебя прямо оттуда.

Мне вдруг ужасно захотелось спрятаться под стол. Я знала, что выдала себя, но даже не представляла, до какой степени. Это был полный провал.

— Ладно. Ничего не говори. У твоей матери не было шансов выбраться, — холодно добавил он. — Нам пришлось все зачистить, когда уехала телевизионная команда.

— Зачистить? — Я вспомнила обрывок услышанного в мотокажете разговора. Разговор этот был коротким, конец его терялся в зыбком тумане, Кормак злился. Потом я вспомнила, что было до этого. Перед моими глазами пронеслись образы собравшейся за столом семьи. Белый торт. Холодная, черная грязь.

— Я поражен, до чего же ты невинна. Я бы сказал... очаровательно. — Он подмигнул мне, и на этот раз я заметила тонкую россыпь морщинок вокруг его глаз. — Отрезок пришлось зачистить и соткать заново. Нет смысла тратить время на объяснения, куда исчезла целая семья, особенно если случились такие ужасные события.

— Учительница моей сестры, — пробормотала я.

— Миссис Свондер, — согласно кивнул он. — Досадная неприятность, однако не настолько значительная, чтобы потребовалась полная зачистка.

Я пыталась обдумать услышанное. Гильдия распределяла продукты, социальные роли и дома и контролировала рождаемость. Но в Аррасе годами не происходило преступлений. По крайней мере, я ни о чем таком не слышала.

— Постойте, вы что, хотите сказать, что зачистили память всех людей в Ромене?

— Ну не совсем, — усмехнулся он, сделав последний глоток бурбона. — Только немного подправили. Когда люди попытаются вспомнить что-либо о твоей семье, все будет как в тумане. Теперь история такова: ты была единственным ребенком, а родители твои получили разрешение перебраться поближе к Ковентри — это на случай, если кто-то захочет что-нибудь выяснить о тебе, чего, впрочем, не произойдет.

— Вы просто заставили все исчезнуть, — прошептала я.

— Ночью проблемы решаются просто. Спасибо комендантскому часу, — ответил он, отправляя в рот кусочек стейка. — Знаю, для тебя это звучит ужасно, но это лучше, чем паника среди населения.

— Вы хотите сказать, — прошептала я, наклонившись вперед, — что нет никакой нужды сообщать людям о том, что вы убили их соседей.

Слабая улыбка пропала с лица Кормака.

— Однажды ты поймешь, Аделиса, что все это делается ради безопасности людей. Зачистить память всех жителей какого-нибудь городка — это не шутка. Мне это дается нелегко. Большинству Прях на такое просто не хватит таланта. На твоем месте я бы не забывал, что такой приказ пришлось отдать из-за тебя.

— Я и не думала, что в Аррасе стоит переживать о безопасности. Вам ведь для этого и нужны такие, как я? Не так ли? — вызывающе бросила я, схватив столовый нож, лежавший у моей тарелки.

— Как я уже говорил, твое невежество просто очаровательно. — Теперь, однако, Кормак уже не выглядел таким беспечным. Его черные глаза блеснули яростью. — Пряхи обеспечивают безопасность — и следуют при этом моим приказам.

Это не только постоянные вечеринки и работа на станке. Гильдия требует преданности. Никогда не забывай об этом.

Услышав предупреждение в его голосе, я выпустила нож из руки. Клацнув, он упал на свое место.

— Надеюсь, ты наелась, — бросил он, поднимаясь с места. По-видимому, двух съеденных мною кусочков было достаточно, чтобы он остался доволен.

Я тоже встала. У меня не было другого выхода.

Несколько лет назад одна из живущих по соседству девочек была признана неадекватной. Такое происходило крайне редко, учитывая, что в Аррасе крайне отрицательно относились к любому отклонению от нормы. Мой папа сказал тогда, что иногда детей забирали из семей. Некоторые из них возвращались, но чаще всего этого не происходило. Та девочка вернулась, но после этого она всегда была как в тумане, словно витала где-то в облаках и никогда не спускалась на землю. Наверное, думая обо мне, соседи теперь ощущали себя в таком же тумане, будто я никогда и не существовала. Наркотики все еще оставались в моей крови, но даже они не смогли заглушить боли, пронзившей все мое тело до кончиков пальцев при этой мысли.

Как оказалось, наш обед был всего лишь проявлением дружелюбия со стороны Кормака, потому что нам не нужно было стоять в очереди за разрешениями на перемещение. В них не было необходимости. Я разрывалась между чувством вины, которое охватывало меня при мысли о доброте Кормака, и желанием выяснить его мотивы. Он стал проталкиваться сквозь толпу ожидающих своего отъезда мужчин, и я последовала за ним. Некоторые ворчали, однако другие тут же одергивали их.

— Мне нужна пара мест, — сказал Кормака мужчине за столом, протягивая карту привилегий.

Я была абсолютно уверена в том, что мужчина его узнал, однако тот взял карточку и изучил ее, после чего вбил код на встроенной в стену коммуникационной панели. Спустя несколько секунд из коридора появилась одетая в небесно-голубой костюм молодая женщина, которая проводила нас внутрь.

— Посол Паттон, не хотите ли чего-нибудь перекусить? — сияя розовой помадой, спросила девушка.

— Я уже ел, спасибо, — подмигнув, ответил он.

Меня она не спросила.

Купе Кормака находилось прямо напротив моего, и я ожидала, что он молча направится туда. Однако, прежде чем уйти, он обратился ко мне в последний раз.

— Аделиса, я очень надеюсь, что ты успеешь как следует отдохнуть.

Я смотрела в конец коридора. Этот человек вел себя так, словно был моим отцом. Он указывал мне, когда есть, когда спать. Но именно из-за него отца у меня больше не было.

— Ты знаешь, что не заслуживаешь того, как с тобой будут обращаться.

Голос его звучал участливо, однако «Вэлпрон» уже терял свое действие, и я готова была наброситься на него. Мне не нужна была фальшивая доброта.

— Ты даже не представляешь, во что ввязалась, — сказал Кормака, взглянув мне в лицо, и со вздохом отворил дверь в купе. — Надеюсь, ты научишься слушаться, пока еще не станет слишком поздно.

Я не удостоила его ответом. Зачем мне эти высокомерные рассуждения? Не отрываясь, я смотрела ему в спину, пока дверь за ним не захлопнулась. Проводница подвела меня к следующему купе и вошла в него вслед за мной.

— Ты в первый раз перемещаешься, — безразлично сказала она и показала мне на стул, стоящий на небольшой платформе в центре комнаты. — Тебя может затошнить или вырвать. Неловко усевшись, я оглядела пустое помещение.

— Вот так. — Проводница наклонилась и застегнула ремни у меня на груди.

— Это еще зачем?

— Нужно, чтобы ты как можно меньше двигалась, пока мы будем перемещаться. Но ты можешь читать, есть или пить, — пояснила она, выдвигая из подлокотника небольшой столик. — Только не вставай.

Я опустила взгляд на ремни и удивленно приподняла бровь.

— Прости. — Она посмотрела на меня густо подведенными глазами, и я поняла, что проводница говорила искренне. — Я не получила разрешения что-нибудь тебе предложить.

— Все в порядке, — пожала плечами я. — Вы тут, похоже, нечасто встречаете девочек.

Девушка затянула ремни и проверила пряжку, а затем отошла. Засомневавшись, она посмотрела на стенные часы с обратным отсчетом времени: у меня было еще две минуты до начала перемещения.

— И все же, — она на миг замолкла и оглянулась. — Наверное, мне лучше промолчать.

— Что? — Медикаменты явно перестали действовать: теперь я ощущала панику.

— Да, женщины перемещаются крайне редко, только Пряхи и жены министров. Но им всегда дают все, что они только пожелают, — прошептала она.

— Я ничего не понимаю, — медленно произнесла я.

Она наклонилась вперед и сделала вид, будто поправляет ремень.

— Они всегда приходят при полном параде, и мы даем им бюллетени и разные модные каталоги. Но ты...

Я непонимающе посмотрела на нее, пытаясь осознать ее слова.

— Мое начальство строго наказало привязать тебя ремнями и обездвижить.

— Обездвижить?

— Да. — Она вздохнула и с симпатией посмотрела на меня. — Мне жаль.

Проводница выпрямилась, и спустя мгновение на голову мне опустился стальной колпак. Я закричала, однако звук этот просто испарился. Девушка успокаивающе коснулась моей руки, и мне стало немного легче. Затем на моих запястьях защелкнулись металлические наручники.

— Твое перемещение займет всего час, — доверительно сообщила проводница, но я едва расслышала ее голос сквозь толстый слой металла. — Удачи, Аделиса.

Жаль, я не спросила, как ее зовут.

Шлем на голове ограничил мне обзор, однако в нем были прорези для глаз. Комната казалась нелепой. Голая, с белыми стенами, не считая часов в углу.

К горлу подкатила тошнота. Пол вдруг ушел из-под ног, и желудок перевернулся, но я не упала. Шлем удерживал голову в вертикальном положении, шея была вытянута, и рвоты не было, хотя я чувствовала позывы. Закрыв глаза, я постаралась глубоко дышать, чтобы стало легче. Когда я вновь посмотрела вокруг, комнаты за железными прорезями для глаз уже не было. Там лишь мерцали и кружились огни. Эта картина успокоила меня, и я постаралась сосредоточиться на сияющих нитях, которыми была заполнена перемещающая камера. Сверкающие дорожки тянулись через всю комнату, серые нити пронизывали ее тут и там, превращая все окружающее в одну яркую материю, отливающую золотом и серебром. Где-то сидела девушка, которая переплетала ткань этого места в ткань комнаты в Ковентри, тем самым перемещая меня. Сотни миль преодолевались без единого движения. Процедура была тонкой и сложной, а потому доступной лишь самым влиятельным людям Арраса. Несколько лет назад по телевидению показывали специальный репортаж об этом процессе.

Огни постепенно начали угасать, и медленно, очень медленно из сверкающего потока появились серые стены, а лучистая канва обрела очертания конкретной комнаты. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем последние лучи растворились, но наконец шлем сняли с моей головы, и я почувствовала безмерное счастье.

Вокруг меня тут же выстроился эскорт из одетых в парадную форму офицеров. Тот, что снял с меня шлем, задумчиво посмотрел на железные кандалы. После часа перемещения запястья ужасно болели, и я уже собиралась сказать об этом, но тут вперед вышел молоденький блондин в дорогом костюме и поднял руку. Он наклонил голову набок, и я поняла, что его имплант включен. Несмотря на молодость, юноша, похоже, был здесь главным. Внешность его была такой, что, напечатай его фотографию в ежедневном бюллетене, мои одноклассницы пересмотрели бы тот выпуск от корки до корки, хихикая и передавая журнал друг другу. Я же, стоя рядом с ним, чувствовала лишь любопытство.

— Вколите ей успокоительное.

— Сэр? — переспросил офицер, не в силах скрыть изумления.

— Она хочет, чтобы ей вкололи успокоительное, — оборвал его блондин. — Хотите спросить ее зачем?

Офицер отрицательно покачал головой, однако, когда вперед вышел медик со шприцем, парень виновато отвел голубые глаза.

Глава третья

Когда мне было восемь, живущая по соседству девочка Бет как-то нашла упавшее птичье гнездо. Оно лежало прямо на границе, разделяющей наши дворы. Мне не разрешали заходить к ним, а она ни разу не бывала у нас. Эта граница стала для нас серьезной преградой, которая вставала между нами везде и всюду: дома, в академии и даже в компании соседских девочек, с которыми мы играли. Бет подговорила и остальных подруг не общаться со мной, так что я оказалась в изоляции. Ее подначки заставляли меня робеть и смущаться перед ней, и, вместо того чтобы сделать шаг вперед, я всякий раз испуганно отходила назад. И в тот день, когда я увидела, как она толкает палкой упавшее гнездо, я молча наблюдала за этим со стороны, пока не заметила внутри голубоватый проблеск.

— Стоп, — слово это прозвучало едва слышно, уловить его можно было с огромным трудом, однако на улице было очень тихо, и Бет подняла голову. Наши взгляды встретились, и палка замерла в воздухе.

— Что ты сказала? — спросила она тоном, который должен был тут же поставить меня на место.

Однако голубые блики всколыхнули что-то внутри меня, и я повторила приказ — на этот раз громче.

Бет подошла ближе к границе, но пересекать ее не стала. Вместо этого она подвинула гнездо палкой на мою сторону.

— Вот, — насмешливо сказала она. — Держи свое драгоценное гнездо. Оно теперь абсолютно бесполезно, потому что мама-птичка больше в него не вернется. Им не нужны их яйца, если кто-нибудь потрогал их.

Во мне клокотала ненависть, но я лишь молча стояла на своей стороне и смотрела, как она уходит домой. Бет открыла дверь и в последний раз оглянулась на меня. Во взгляде ее сквозило пренебрежение. Потом я еще долго смотрела на гнездо, из которого на траву выкатились два яйца. Глядя на них, я подумала о нас с сестрой — две сестренки, два потерянных воробушка. Затем, набрав в руки побольше сухих листьев, я осторожно положила яйца обратно в гнездо и аккуратно установила его в ветвях дерева, растущего на нашем дворе. И все же этот скромный жест не смог успокоить горевшую в моей груди ярость.

Я смотрела на гнездо и ужасно переживала из-за того, что не могу защитить эти маленькие жизни, вплетенные в паутину всего сущего. Дерево и гнездо вдруг подернулись сияющей рябью, и я увидела нити, пронизывавшие все вокруг. Тогда я потянулась и провела пальцами по одной из них. Конечно, я и раньше слышала о ткани жизни, однако впервые увидела воочию эти горизонтальные линии, переливавшиеся всеми цветами радуги и формировавшие каждую мелочь в окружающем мире. Я все глядела на них и наконец заметила, что они медленно двигались вперед, все дальше и дальше от меня. Это была не просто ткань бытия, это были нити времени. Интуитивно я ухватилась за одну из золотых нитей и поразилась, до чего шелковистой она была. Я попыталась оттянуть ее назад, к тому моменту, когда мама-птичка еще защищала своих малышей. Но нить ускользнула. Что бы я ни делала, нити продолжали двигаться вперед. Пути назад не было.

Мама-птичка так никогда и не вернулась. Каждое утро я проверяла голубоватые яйца до тех пор, пока однажды это не заметил папа. Тогда гнездо исчезло. Я не дотрагивалась до яиц, но, видимо, мама-птичка просто не знала, где искать исчезнувшее гнездо.

Кругом была тьма и сырость. Проводя ладонью по полу моей камеры, я чувствовала то ребристую, то гладкую поверхность. Неизменно оставалось лишь одно: она всегда была холодна. Подозрения моих родителей насчет Гильдии имели под собой основания. Интересно, знала ли моя мама, где я? Я представляла, как она кружит по пустому дому, как та птичка, напрасно пытающаяся отыскать свое гнездо.

Если, конечно, мама все еще была жива! Сердце мое на мгновение замерло. К горлу подкатил комок, перед глазами всплыла картина упакованного в мешок окровавленного тела. Ами тоже была у них. Мысль о том, что они могли сделать с ней все, что угодно, заставила мой желудок сжаться в комок. Ни разу за все прошедшие годы тренировок родители не попытались мне что-либо объяснить. Они лишь твердили, что боятся меня потерять. Отец отговаривался повышенной ответственностью, которая возлагается на человека, наделенного большой властью, однако все это долетало до меня в сухих, коротких фразах. Каждый раз, когда отец становился чуть более резким в своих высказываниях, мама шикала на него. Гильдия давала нам еду, контролировала погоду и следила за нашим здоровьем. Правительство всегда казалось мне человеческим, но теперь мне необходимо было поверить, что Ами находилась у них в руках. Какие бы преступления я ни совершила, они должны понимать, что сестра была ни при чем. Только теперь я осознала, как сильно я заблуждалась насчет Гильдии и своих родителей. Ами забрали по моей вине. Это мои руки выдали меня на тестировании. Я водила пальцами по шершавым камням до тех пор, пока подушечки не покрылись кровавыми трещинами.

От фактов не убежишь. Родители научили меня скрывать свой талант. От меня требовалось лишь умело притворяться в течение месяца тестирования, и тогда мне удалось бы ускользнуть от системы. Если бы я не была так эгоистична и труслива, если бы не боялась расстроить мать и отца в вечер призыва, ничего из этого могло бы и не случиться. С другой стороны, я даже представить себе не могла, как бы тогда все обернулось. Допустим, я бы рассказала родителям, что сдала экзамен, смогли бы мы тогда убежать? В голове то и дело всплывали воспоминания из детства: родители всегда были очень сильными, но при этом мало с кем общались. Они были абсолютно счастливы друг с другом. Папа постоянно оставлял маме маленькие любовные записочки по всему дому, но, если я вдруг находила такую, это вызывало во мне чувство непонятого протеста. Он относился к ней с таким уважением, которое не часто встретишь в Ромене. Я всегда думала, что их сближает нежелание видеть меня Пряхой, ведь это могло разделить нашу семью, а, кроме семьи, у нас больше ничего и не было. Однако за чудесным фасадом нашего дома скрывались секреты — взять хотя бы мое обучение, которое проводилось втайне от Ами. Родители говорили, что она не поймет, и использовали при этом тот же многозначительный тон, которым обсуждали мое «состояние».

Пребывая в крошечной тьме, я теперь ясно видела только одно. Я просто не хотела считать их действия государственной изменой. Я игнорировала значение их слов, слышала то, что хотела услышать, но не то, что они пытались мне сказать. А теперь я потеряла последний шанс узнать моих родителей по-настоящему. Теперь мне осталось лишь складывать в голове обрывки воспоминаний.

Никто не приходил проведать меня. У меня не было ни воды, ни пищи. Не было и света. С Пряхами так не обращались — видимо, меня наказывали за предательство. В академии нам рассказывали о Ковентри и показывали картинки этих чудовищных башнеподобных

сооружений, в одном из которых я, видимо, и находилась. Однако внутри жутких башен Ковентри должны были скрываться чудесные комнаты, красиво убранные, с водопроводом. В моей камере не было даже туалета. Мне приходилось справлять нужду в углу. Запах плесени поначалу перекрывал запах испражнений, однако вскоре все изменилось, и теперь резкая вонь била мне прямо в ноздри. В темноте запахи имеют свойство обостряться, и от смрада у меня уже сводило горло.

Лежа на полу, я пыталась представить свою камеру. Я воображала, что в ней было окно, сквозь которое внутрь проникали солнечные лучи. Кор-мак говорил, что меня доставят в Западный комплекс, где проживала большая часть Прях всего Арраса. Он находился на берегу Бесконечного моря, так что если бы я могла выглянуть наружу, то, скорее всего, увидела бы сосны или даже океан. Ромен был всего в нескольких часах езды от океана, но я ни разу не покидала границ города. Количество людей внутри каждого поселения строго регулировалось, чтобы не повредить хрупкую жизненную паутину, поэтому города всегда находились под неусыпной охраной — для нашего же блага.

Эти комплексы, стоявшие на берегах Бесконечного моря, были расположены в каждом из четырех секторов Арраса. Они-то и контролировали все происходящее. В академии нам показывали лишь упрощенную карту, на которой были отмечены все сектора и их столицы: четыре совершенных треугольника суши, окруженных безграничным океаном, и башни Ковентри, расположенные в четкой симметрии, словно кончики креста. Больше нам видеть не разрешалось. Гильдия не хотела, чтобы школьники допускали мысль покинуть родные города. Нас учили, что, если в один момент с места сорвется слишком много людей, это может нарушить четко структурированную целостность Арраса, поэтому каждое перемещение должно было получать одобрение соответствующих органов, чтобы никто не подвергся опасности. Однако Пряхи обладали привилегией более свободного перемещения, и это ставило их в один ряд с влиятельными бизнесменами и политиками. Только это и привлекало меня в ремесле Прях — возможность увидеть мир, — но тот факт, что больше я никогда не смогу вернуться домой, сводил на нет всю ценность этой привилегии.

Если подумать, других достоинств в жизни Прях не было вовсе. Я больше не могла заставлять себя выдумывать это дурацкое окно, ведь солнца не было. Не было времени. Не было шума насекомых. Я не знала, сколько уже находилась здесь, и думала, не мертва ли я. Я решила заснуть и не просыпаться. Если бы это была загробная жизнь, и бы не видела снов. Но мне не везло: сон мой прерывался жуткими кошмарами. И я снова лежала, вглядывалась в темноту и старалась справиться со своими мыслями. Мой разум вопил от несправедливости происходящего.

А затем дверь распахнулась и внутрь ворвался свет. Он ослепил меня, но потом перед глазами постепенно начали вырисовываться очертания комнатки.

— Аделиса?

Неужели это было мое имя? Я не помнила его.

— Аделиса! — уже не так робко, но по-прежнему скрипуче.

— Отнеси ее в клинику и проведи регидрацию. Через час она должна быть у меня в салоне. — Скрипучий голос проинструктировал кого-то, кого мне не было видно. Второй человек молча направился ко мне. Я услышала стук ботинок о камни, затем меня перебросили через плечо.

— Ну и вонь. Никогда не думал, что из такого тщедушного тельца может выйти столько дерьма, — рассмеялся мужчина, радуясь своему остроумию. — Ладно хоть легкая.

Мне хотелось ответить, что голодание всегда сильно сказывается на весе человека, однако оценивать его глупое чувство юмора не было никакого желания. Кроме того, я была еще слишком слаба, чтобы защищаться.

— Что-то маловата ты для того, чтобы тебя выбирали в Пряхи.

Я промолчала.

— Знаешь, а ведь тебя выбрали еще в процессе тестирования, — продолжил он.

Я начала считать локоны у него на голове. Они были так темны, что казались черными, однако при ближайшем рассмотрении я заметила, что на самом деле волосы были каштановыми. Этот мужчина совсем не походил на других городских парней, выхолощенных до такой степени, что подбородки у них становились одинаково квадратными и гладкими, без единого следа растительности. Даже мой отец каждую ночь брился и полировал ногти. Этот парень пах потом и физическим трудом. Должно быть, он работал больше многих мужчин в Аррасе, ведь меня он нес так, словно я и вовсе ничего не весила. Сквозь тонкое платье я чувствовала, как перекачивались мускулы у него под кожей.

— А ты не слишком многословна, — усмехнулся он. — Что ж, хорошо. Приятно ненадолго избавиться от гнета этих привилегированных крыс, раздающих приказы налево и направо. Хотелось бы мне, чтобы все они онемели, прямо как ты.

— Думаю, даже немые девочки, — прохрипела я, — имеют больше привилегий, чем те отбросы, которым приходится тащить их вонючие тела наверх.

В этот момент я упала и наконец поняла, что мое заключение было очень долгим: удара о каменный пол я просто не почувствовала. Я была настолько готова к чему-то подобному, что тут же села и снизу вверх посмотрела на парня. Оказывается, мои глаза уже привыкли к свету настолько, что я смогла разглядеть отвращение на его лице.

Он выглядел так же, как и пах. Его лицо и шею покрывал толстый слой грязи, но под ним клокотала ярость. Темно-синие глаза, ярко выделявшиеся на грязном лице, пылали, и на мгновение я ощутила странное чувство в животе и снова потеряла дар речи.

— Ты уже можешь идти сама. Я делал тебе одолжение, — прорычал он. — Я-то думал, может, ты другая. Но не беспокойся, ты быстро освоишься среди них.

Я с трудом сплотнула и поднялась на ноги. Устоять на них оказалось непросто, но у меня еще осталась гордость, чтобы не оправдываться и ни о чем не просить. И все же я не могла отрицать, что теперь, когда я наконец-то его увидела, мысль о том, что он дотронется до меня, уже не казалась мне столь неприятной. Девочки не должны были заговаривать с мальчиками по пути домой и уж точно не должны были позволять им оказывать какую-то помощь. Большинство родителей, и мои в том числе, крайне редко вывозили дочерей в город, чтобы избежать слишком раннего контакта девочек с другим полом. Вот только, когда меня коснулись руки этого парня, по всему моему телу словно прошел электрический разряд, и вызвано это было вовсе не скромностью, которую годами воспитывали в нас в академии. Меня охватило желание сказать ему что-нибудь умное, но слова не шли, и я старалась сконцентрироваться на своих шагах. Это было непросто.

— Можешь пожаловаться на меня, когда окажешься на месте. Вполне возможно, они порвут меня на кусочки за то, что я оскорбил новую призванную. — Его слова звучали жестоко, и я с удивлением отметила, что они больно ранили меня. Я обидела его, приравняв к своим мучителям, а он ответил тем, что поставил меня вровень с остальными членами Гильдии.

Он шел так быстро, что я едва поспевала за ним. В мои ноги как будто впивались сотни

иглок, но я старалась не отставать. Обернувшись, он увидел, что я ковыляла совсем рядом, и сильно удивился.

— Наверное, уже жаждешь заполучить всю эту навороченную косметику, — ворчливо добавил он, и мне снова захотелось как-нибудь обозвать его. — У Прях самые лучшие косметологи, — продолжил он. — Это одна из привилегий. И все новообращенные бедняжки страстно желают испробовать их искусство на себе. Должно быть, это тяжкое бремя — шестнадцать лет ждать, пока тебе позволят пользоваться помадой.

Я ненавидела, что со мной обращались, как с глупенькой городской девочкой, высшим счастьем для которой было раскрасить лицо, завить волосы и вступить в мир работающих людей. На фотографиях некоторые Пряхи были так накрашены, что напоминали пластиковых кукол, но разговаривать об этом не было никакого желания. Этот парень мог думать, что ему угодно. Он был никем. Я попыталась повторить это про себя еще раз, но получилось фальшиво. Я сама себе не верила.

— Раз тебя посадили под замок, — продолжил он, явно не нуждаясь в моих ответах для поддержания разговора, — значит, ты пыталась бежать. — Наши глаза встретились, и его взгляд как будто потеплел. — Думаю, в тебе есть немного огня, девочка.

Так и было.

— Ты всех девушек немногим младше себя называешь девочками?

— Только тех, которые выглядят, как девочки, — ответил он, специально подчеркнув обидное слово.

— Ну ладно. И сколько же тебе? Восемнадцать? — возмутилась я. Неужели он думал, что грязь на лице скрывала его возраст?

Он ухмыльнулся и покачал головой.

— Я рассудителен не по годам.

Я не спросила почему. Мне не хотелось слишком сблизиться с ним — смысла в этом не было. Мы пошли дальше, однако он, не отрываясь, смотрел на меня. Должно быть, он ходил этой дорогой много раз и знал каждый поворот.

— Позволь, я понесу тебя, — предложил он, и в голосе послышались нотки участия.

— Я в порядке, — чересчур резко ответила я, но при мысли о том, что он снова дотронется до меня, шею начала заливать краска.

Он фыркнул и заглянул мне в лицо.

— Итак, ты пыталась бежать?

Я не отводила глаз от двери в конце коридора.

— Дай угадаю, ты думаешь, я донесу на тебя? — Он схватил меня за руку, и мы остановились. Парень склонился ко мне так, чтобы его слова не разносило эхо. — Если ты бежала, то не имеет значения, из-за чего. Ничего не имеет значения, если ты признаешься. Они тебя заметили и наблюдают. Так что послушайся моего совета, притворись, что ничего не знаешь.

Глаза его вспыхнули, словно пламя. Он действительно беспокоился обо мне.

— Но тебе-то какая разница?

— Они убьют тебя, — просто сказал он. — А девочку, у которой хватило ума бежать, не часто встретишь в наши дни.

— Они и тебя могут убить за такие разговоры, — прошептала я в ответ, и в голосе моем прозвучали отчаяние, страх, все то, что я пережила в камере. Парень как будто понял все невысказанное, что я молча произнесла про себя, и наклонился еще ближе. У меня

перехватило дыхание.

Но он лишь пожал плечами.

— Если ты им расскажешь. А ты этого не сделаешь.

Я попыталась скрыть свое разочарование, но он был прав. Доносить на него я не собиралась. Только вот почему — из-за того, что он назвал меня умной, или из-за того, что у нас появился общий секрет? Ни один из нас не был тем, кого мы ожидали увидеть.

Он открыл дверь, и за ней оказался ярко освещенный этаж с чисто-белыми стенами. Мне было странно видеть такое великолепие после заточения в холодной, пропахшей плесенью камере. Мой проводник взмахнул рукой, а затем, как только я переступила порог, прошептал так тихо, что я едва смогла разобрать:

— Кроме того, здесь есть вещи пострашнее смерти.

Кудахтанье косметологов Ковентри слилось в моих ушах в непрерывный гул. Парень оставил меня на верхней площадке лестницы, а девушка проводила в душ. Вода была настолько холодной, что мне показалось, что я больше никогда не смогу согреться, если не подыграю. И теперь я сидела, опустив глаза, тихая, послушная каждому их действию. Было совсем не плохо. Мне дали пушистый белый халат, и, хотя мне и хотелось ненавидеть все это, ощущение того, как мыли и расчесывали мои волосы, принесло мне некоторое облегчение. Наверное, я просто одичала.

Женщина яростно постригала меня, в то время как остальные втирали в мое лицо крем. Бровям придали форму дуги и тут же подчеркнули их карандашом. Затем лицо покрыли молочно-белым тональным кремом, а поверх присыпали пудрой. Я помню, как тщательно моя мама проделывала то же самое, поясняя мне каждый шаг. И всякий раз она, не переставая, щebetала, что мне, когда я вырасту, понадобится гораздо меньше косметики, ведь кожа у меня была удивительно чиста. Она бы ужаснулась, увидев, что они нарисовали сейчас на моем лице. Я представила, как она врывается в комнату и спасает меня от пудры, ярких румян и карандаша для подводки глаз.

— Она жутко костлявая, — заметила женщина-парикмахер, расчесывая мои влажные волосы с огромным количеством геля.

— Она ведь была в камере? — полувопросительно произнесла ее коллега.

Подняв глаза, я ожидала увидеть одно выражение лица — порочное и высокомерное, — однако обнаружила лишь маску безразличия. Голос у нее сорвался и выдал тем самым ее замешательство, однако вовсе не это заставило меня пристально взглянуть в ее лицо. Косметолог была потрясающе красива, и поспорить с ней в этом могла бы лишь женщина-парикмахер. Кожа одной была нежна, как свежий мед, а черные миндалевидные глаза густо подведены. Другая была бела лицом: золотистые косы венцом лежали у нее на голове. Губы ее были красны, как свежая кровь. Я отвела взгляд. Что же они думали о моих тусклых медных волосах и бледной коже? Я больше не смотрела на них; они же все смыли и нанесли макияж заново. Все это время я хранила молчание. Женщины продолжали обмениваться сплетнями, но ни разу не обратились ко мне. Я не знала, чем это было вызвано — тем, что они считали меня намного выше или намного ниже себя. Завершив свое дело, они оставили меня одну на стуле, и я наконец отважилась снова поднять глаза и увидеть свое отражение в зеркальных стенах комнаты. Я смотрела на себя саму со всех сторон и оттого начала казаться себе чужой. В простом белом халате я была похожа на маму — выглядела старше и намного красивее. Я выглядела, как женщина.

Поднявшись, я сделала несколько шагов по направлению к холодному стеклу. Зеркала никогда не привлекали меня, однако теперь они меня успокаивали. Сотни моих отражений взирали на меня, как бы подтверждая мое существование. Я повторяла про себя собственное имя и пыталась увязать его с той женщиной, чьи рыжие локоны ниспадали на белый халат, а изумрудно-зеленые глаза на гладком, безупречной формы лице сияли золотой подводкой. Это было лицо незнакомки. И в то же время мое. Аделисы.

Пока я разглядывала себя, не в силах пошевелиться, сбоку вдруг раздался треск, и я оглянулась, не понимая, каким образом могла повредить зеркало. Однако на его месте вдруг обнаружилась стеклянная панель. Внутри зашла женщина, и панель бесшумно закрылась позади нее. На ней был эксклюзивный костюм, а черные, цвета воронова крыла волосы были собраны в пучок. Возраст из-за количества косметики определить было невозможно, однако очертания скул, дуги бровей, чересчур высоко поднятые над неестественно фиалковыми глазами, внешне добавляли ей лет. Но манера ее поведения, некая аура власти, дорогой костюм — все это говорило о том, что женщина эта была не обыкновенной Пряхой.

Она заговорила не сразу. Вместо этого она смерила меня с ног до головы оценивающим взглядом, а я задумалась, позволено ли говорить с Пряхой, и вспомнила юношу, который вывел меня из камеры. «Притворись, что ничего не знаешь». Впрочем, я вряд ли смогла бы просто молчать день за днем.

— Поздравляю с назначением, — прошептала она так тихо, что даже в пустой комнате мне пришлось напрячь слух, чтобы ее понять. Я задержала дыхание, чтобы оно не заглушило ее слова. — Немногим выпадает эта честь, Аделиса. Ты должна гордиться собой. — Улыбка не изменила выражения ее фальшивых глаз. — Меня зовут Мэйла, и в мои обязанности входит встреча и обучение призванных. Мы работаем и с другими девушками. Завтра начнутся ознакомительные занятия. Ты чуть не пропустила их.

— Я прошу прощения, — пробормотала я, не в силах поднять глаз от стыда.

— Сядь, — приказала Мэйла, махнув рукой в сторону единственного стула. — Жизнь Пряхи — это честь. Ты можешь делать то, чего другие не могут. Тебе дается сила.

В ее тихом голосе появилось лихорадочное возбуждение.

— Но, Аделиса, — Мэйла склонилась к моему уху, — ты не должна думать, будто в твоих руках власть.

Мое сердце отстукивало барабанную дробь. Ее послали, чтобы сломать меня или начать это делать, но прием не должен был сработать. Я коснулась большим пальцем шрама в виде песочных часов на запястье и вспомнила последние слова отца. Эта женщина не в силах была меня запугать. Воспоминание об отце породило в моей груди новую волну ненависти, которая быстро распространилась по всему телу, но я поняла, что мне нужно подавить свое желание наброситься на лживую женщину.

Мэйла стояла позади и гладила меня по волосам. Я старалась дышать как можно медленнее. Она улыбнулась, и множество ее отражений тоже растянуло накрашенный рот в улыбке, демонстрируя два ряда совершенных зубов.

— Мы стоим выше всех в Аррасе. — Голос ее теперь звучал спокойно, она говорила нормальным, повседневным тоном. Мэйла стряхнула отрезанные волоски с моих плеч. — Но ты принадлежишь Гильдии.

Принадлежишь. На этом слове я тяжело сплотнула, словно попытавшись забыть его горечь.

— У тебя будет все. — Она наклонилась ниже и положила подбородок мне на плечо,

коснувшись моего нового лица холодной, влажной рукой. — Ты будешь молода и прекрасна. — Она потрепала меня по щеке, а затем разразилась тонким, словно звон колокольчика, смехом, точно мы были закадычными подругами. — Ох, Аделиса, жизнь, которая тебя ждет...

Мэйла со вздохом выпрямилась и принялась рассматривать наши отражения в зеркале. Легким движением она вытащила откуда-то тонкую палочку, и я отшатнулась. Мэйла снова захохотала и взмахнула палочкой. На кончике сигареты вспыхнул огонек, который тут же появился и в сотне отражений.

— Я почти завидую, — сказала Мэйла.

— Я весьма польщена, — эти слова дались мне непросто.

Улыбка Мэйлы стала шире — я начинала играть по ее правилам.

— Ну конечно, ты польщена. Только дурак может не хотеть такой жизни.

Она резко обернулась вокруг своей оси, и отчего-то это не показалось мне глупым. Она стала выглядеть лишь еще более внушительно. Более властно.

— Здесь ты красавица, Аделиса. Здесь у тебя есть шанс совершить что-то, а не прислуживать мужчинам, как остальные. Здесь, — задумчиво добавила Мэйла, — ты больше, чем просто секретарь.

По тому, как она посмотрела на меня, я поняла, что Мэйла намекала на мою мать, и заставила себя выдержать ее взгляд.

— Но есть одна вещь, о которой нельзя забывать. — Она наклонилась ко мне, и сигаретный дым ударил мне прямо в нос. — Отсюда не убежать, Аделиса Льюис.

Теперь лицо мое было надежно скрыто под слоем косметики и из зеркала на меня смотрела моя мама.

«Не позволяй ей увидеть твою боль. Ничего ей не показывай».

— Здесь негде спрятаться. — Ее сладкий шепот удивительно напоминал шипение. — Здесь нет даже смерти. Так что выбирай сейчас, на какой ты стороне.

Мысленно я вернулась назад и вспомнила слова своего проводника, который сказал, что бывает кое-что и похуже смерти. Я знала, что это: холодный камень и пылающая тьма.

— Конечно. — Мой ответ был настолько прост, что ничем не мог меня выдать.

Улыбка Мэйлы превратилась в самодовольную усмешку, и я была уверена, что это была единственная настоящая эмоция, которую она решила показать.

— Что ж, хорошо. — Она похлопала меня по плечу, роняя пепел на белый халат. — Твоя комната ждет тебя.

— Мэйла, — тихо, но твердо начала я, — ты знаешь, что случилось с моей матерью и сестрой?

Я не могла не спросить об этом даже под страхом обнаружить перед ней свою слабость. И все же я старалась выглядеть сильной.

— Могу себе представить, — усмехнулась она, оставив меня предаваться жутким фантазиям, а затем подозвала своего ассистента. Им оказался парень, и это сильно удивило меня. Наверное, у девушек здесь были дела поважнее. Мэйла что-то прошептала ему на ухо, бросая на меня через плечо короткие многозначительные взгляды.

Ее помощник проводил меня в новые апартаменты. Как только мы попали в жилой отсек, стерильный вид исчез и все изменилось. Во-первых, бетонный пол сменился гладким деревянным. Затем стены: они уже были не белыми, а ярко-алыми, гранатовыми. Мы прошли мимо обитых бархатом диванов и мраморных колонн и вошли в сияющий

бронзовыми панелями лифт. Все это чем-то напоминало мне здание муниципалитета Ромена. Я вздрогнула. В каждом углу регистрационного зала высились жуткие, вырезанные из камня фигуры. Они словно нависали над людьми, прекрасные и пугающие.

Все здесь было пронизано бьющей через край энергией, но слишком далеко от реальной жизни. Лифт ехал бесшумно, мы поднимались все выше и выше, но мой проводник молчал. Я стояла у него за спиной и смотрела, как блестели и завивались его золотистые волосы. Прическа была не из тех, что одобряла Гильдия, однако, должно быть, должность мальчика на побегушках при с толь могущественной Пряхе давала свои преимущества.

Моя комната оказалась на пятнадцатом этаже, в конце коридора, за дверью сливового цвета, стены были обиты прекрасными резными панелями в кремовых и золотистых цветах. В дальнем конце комнаты полыхал камин, над которым висел портрет женщины, удивительно похожей на новую меня. Разбросанные тут и там коврики были украшены замысловатыми узорами, а вокруг столиков красного дерева громоздились шелковые зеленые и алые подушки.

— Я присмотрю, чтобы тебе принесли ужин. Ты пропустила вечерний прием пищи, — сказал юноша.

Я оглядела комнату, а когда повернулась к нему, он широко ухмыльнулся.

— С-с-спасибо, — выдавила я.

— Здесь лучше, чем в камере, правда? — заметил он, и я более внимательно посмотрела на него: это был тот самый парень, который приказал накачать меня успокоительным в комнате перемещения. Он был выше меня, а плечи его были достаточно широки, чтобы он мог работать телохранителем. Однако, несмотря на сильное тело, на лице его все еще виднелся детский пушок. Его волосы вызвали в моей памяти отрывочные воспоминания о той ночи, в которую меня призвали.

— Ты... — внезапно поняла я.

— Прости за это, — сказал он, и дурацкая улыбка сошла с его лица. — Приказы есть приказы. Если тебя это хоть немного успокоит, ты еще легко отделалась. Я Эрик.

Я холодно посмотрела на его протянутую ладонь. «Ну конечно, давай будем друзьями. Ты всего лишь бросил меня одну в холодной камере, без еды и воды».

При этой мысли мой желудок сжался от голода, напомнив, что в последний раз я ела в кафе станции Нилас.

— Спокойнее мне не стало.

Эрик рассмеялся и покачал головой, в очередной раз показав, каким же болваном он был.

— Я прослежу, чтобы тебе послали побольше еды. Утром начнется обучение.

Я уже готова была отказаться от ужина и от чудесной комнаты с экзотической мебелью. Мне хотелось лишь забиться в какую-нибудь щелку и медленно умереть от голода, но, если бы я так поступила, некому было бы защитить Ами и найти мою мать. Так что я просто отвернулась от Эрика. Дверь за ним захлопнулась, и я осталась одна в этом новом и странном для меня мире.

Глава четвертая

На рассвете я открыла глаза и обнаружила себя лежащей среди мягкого атласа и хлопка. Моя кровать была настолько велика, что ее изголовье занимало целую стену. Напротив кровати расположились мансардные окна, выходящие на Бесконечное море. Я представила, как мои ступни погружаются в его воды, но не смогла понять, покажется ли красно-оранжевая в рассветных лучах вода холодной и будет ли она покалывать мои израненные ноги.

Еще никогда за всю свою жизнь я не чувствовала себя так уютно. В ногах у меня стоял поднос с частично съеденными деликатесами. Мама неплохо готовила и всегда старалась сотворить нечто пристойное из того, что удавалось достать в городе, но прошлым вечером я впервые попробовала утку в сливочном соусе, рис с шафраном и абрикосами и шоколадный торт. Названия блюд были выбиты на маленьких табличках, прикрепленных к каждой из серебристых тарелок.

Вдали, на горизонте виднелись подсвеченные розовым грозовые облака. Намечалось небольшое представление. Похоже, вот-вот должен был пойти дождь. Рассмотрев ткань мира, я увидела, как приближались ко мне нити дождя и молний. Я потянулась, чтобы открыть окно, но пальцы мои неожиданно коснулись нитей, приближавших ко мне темные облака. Между мной и тканью мира не было оконного стекла. Но как такое возможно? Я попыталась понять, каким образом могла управлять надвигавшейся бурей прямо из своей комнаты. Может быть, окно было ненастоящим? Подойдя поближе, я поняла, что и само окно, и разыгрывавшаяся за ним сцена были фальшивкой. Они были как бы наложены на ткань комнаты, как художники порой накладывают поддельную картину на забытый шедевр. Если хорошо присмотреться, сквозь фальшивый набросок по-прежнему просвечивала настоящая канва. Я понимала это еще и потому, что золотые нити настоящего в искусственной картинке не двигались. Время в окне застыло на месте, потому что окно это не являлось частью Арраса. Оно было всего лишь программой, имитирующей настоящее окно с настоящим пейзажем за ним. Едва убедившись в этом, я с головой ушла в работу. Шторм клокотал в облаках, они наливались влагой. Все это казалось мне настолько реальным, что я уже готова была увидеть капли на своих пальцах. Материя в моих руках становилась все тяжелее, и я отпустила нить, удивленная тем, сколько ткани было у меня на коленях. В воздухе раздался раскат грома, и по фальшивому стеклу начали бить капли. Ах, если бы только я так же легко могла соткать слезы на своем лице! Они избавили бы меня от ноющей боли в сердце. Но слезы не приходили, и я просто смотрела на дождь, который я своими руками обрушила на море.

Я даже не заметила, что не одна в комнате, пока незваная гостья не откашлялась. Я удивленно обернулась. Гостья была немногим старше меня, но ее медовые волосы были аккуратно собраны на макушке по местной моде, а черный, скроенный по фигуре костюм облегал гибкий стан. Она казалась гораздо мягче и добрее всех женщин, которых и здесь видела, а макияж у нее был нанесен так, чтобы подчеркнуть достоинства, а не привлечь к лицу повышенное внимание. Девушка буквально излучала дружелюбие. Я же полулежала на кровати — со следами нестертой со вчерашнего дня косметики и подносом с объедками в ногах.

Она вскинула руку, как бы говоря, что мне не было нужды вставать.

— Я не хотела тебя смутить. Думала, ты еще спишь. Меня назначили твоей наставницей. Можешь звать меня Инорой.

— Нужно куда-то идти? — слова вырвались у меня прежде, чем я успела что-либо сообразить. — Я оденусь!

На слове «оденусь» меня словно окатило холодной водой. Я по-прежнему была в том же белом халате, что и накануне, и другой одежды у меня не было. Прошлую ночь я провела в кровати, разглядывая хитросплетения судьбы, и потому не знала даже, был ли в комнате шкаф.

— Аделиса, — спокойно, но твердо сказала Инора. — Сядь и успокойся. Скоро подадут завтрак. Я пришла, чтобы все с тобой обсудить.

Я сжалась в комок, все еще смущаясь собственного неведения.

— Включая твою одежду, — добавила она, словно догадавшись, о чем я думала.

Я уселась на большую подушку в центре комнаты. Спустя некоторое время появились подносы с едой, и мои апартаменты наполнились манящими ароматами. Официант расставил тарелки на маленьких столиках рядом с камином. Моя гостья улыбнулась и села на один из стульев. Официант подкинул дров в камин.

— У тебя, наверное, миллион вопросов, — мягко произнесла Инора.

Я кивнула, и мой желудок издал жуткий стон. Голод и нервы — понятие несовместимое.

— Ты голодна, — продолжила она, указывая на мои трясущиеся руки. — Ешь, а я буду говорить. Когда закончишь, задавай вопросы.

Было в этой девушке что-то простое и невинное. Меня не покидало ощущение, что ей, в отличие от Мэйлы, можно было верить. Я нашла в себе силы, чтобы начать медленно, как можно приличнее есть.

— Я буду твоей наставницей, пока ты будешь учиться прясть. Я одобренная Гильдией Пряха и помогаю Пряжнице. Я готова отвечать на все твои вопросы, давать советы и оказывать моральную поддержку. Первые несколько лет в Ковентри могут потребовать от тебя некоторой... гибкости.

Я заметила, как тщательно она подбирала последнее слово, однако уловила также, что, в отличие от другой Пряхи, каждое слово которой дышало ядом, эта девушка говорила от чистого сердца. Она просто не хотела меня пугать.

— Кто такая Пряжница? — вопрос вырвался у меня прежде, чем я успела проглотить еду, и, несмотря на мягкую улыбку моей собеседницы, я постыдилась своего поведения.

— Скоро узнаешь. Пока у нас есть более важные темы для обсуждения.

Внезапно одна из дверей в мою комнату распахнулась, и несколько просто одетых девочек внесли внутрь яркие матерчатые свертки.

— Благодарю. — Инора протянула маленькую карточку, и одна из девочек с реверансом вернула ее обратно. Они исчезли так же быстро, как и появились.

— Твои стилисты сняли мерки еще прошлым вечером, так что это первые ласточки твоего будущего гардероба, — пояснила Инора, разворачивая один из свертков и доставая изумрудно-зеленое платье и графитно-серый костюм. Я услышала, как она пробормотала что-то вроде «чудесно» себе под нос.

— Я, конечно, знаю, что мы должны выглядеть подобающе, но зачем мне такие нарядные вещи? — спросила я, когда она достала еще одно атласное вечернее платье.

— Разве они не прекрасны? — произнесла Инора, снова взглянув на меня.

— Прекрасны. — Это было правдой. — Но куда мне их надевать?

Я вытащила великолепное серое платье. Само собой, я понимала, почему работающие женщины должны были выглядеть опрятно в присутствии своих начальников. Мама обычно одевала в офис костюмы с золотыми пуговицами и отложным воротничком. Но представить себе, как и буду пряхсть в вечернем туалете, было выше моих сил.

— Это одна из привилегий. Каждая из входящих в состав Гильдии девочек посещает приемы; кроме того, есть еще репортажи для бюллетеня. Тебе представится случай надеть их, но для повседневной работы ничего столь экстравагантного не требуется, — объяснила Инора. — Иногда Гильдия находит талантливых девочек, которые недостаточно искусны, чтобы работать на станках. Отправлять их в уборщицы или кухарки было бы слишком большой растратой, так что они становятся портнихами.

— Что, если я не хочу это носить? — с вызовом спросила я.

Инора пристально посмотрела на меня и только затем ответила:

— Ты хочешь унижить таланты этих девочек?

Почему бы просто не послать их домой? — Я тут же поняла, что вопрос был неудачным, и пожелала взять его назад. Инора недовольно сверкнула глазами, а затем перевела взгляд на стойку с одеждой.

— Никто не может вернуться домой, — наконец ответила она, проводя трясущимися пальцами по моим новым вещам, и на этот раз голос ее прозвучал резко.

— Да, я это знаю.

— Но для тебя это не будет проблемой, — быстро добавила она, явно пытаясь поднять нам настроение. — Ты должна знать, что все сказанное тобой останется между нами.

Эта фраза показалась мне подозрительной — так ведь, наверное, и говорили шпионы, — но нутро мое подсказывало мне верить этой девочке, и я согласно кивнула.

— Вот и хорошо. — Инора пересела поближе ко мне и понизила голос. — Аделиса, я видела, как ты ткала без помощи станка. Ты уже делала такое прежде?

Я не сразу поняла, что она имела в виду утренний шторм.

— Да, но не часто.

— И тебе не нужны были инструменты? — напряженно прошептала она.

— Нет, — смущенно ответила я. — Я всегда умела это делать. Но ведь окна фальшивые...

Она заговорщически кивнула.

— Конечно. Стекло можно разбить, а Гильдия заботится о безопасности Прях. Там находится огромный экран, имитирующий окно. Специальная программа периодически меняет на нем виды. Настоящих окон нет нигде. Почти на всех стенах здесь вот такие экраны с изображениями. Там сменяются времена года и все такое. Большинство девочек даже не замечают, что это всего лишь программа.

— Все выглядело очень реально, но я не поняла, почему могу его потрогать, — пробормотала я.

В шоколадно-карих глазах Иноры вспыхнул страх.

— Ты должна поверить мне. Никогда и никому не показывай, что ты умеешь. Всегда пользуйся станком, не позволяй себе ткать просто так даже в одиночестве.

Я удивленно вскинула брови. Ее слова напомнили мне слова парня, вызволившего меня из заключения. Он тоже говорил, что надо молчать. Уже два совершенно незнакомых мне человека пытались помочь мне остаться в живых. Я подумала было рассказать Иноре о том,

как я выдала себя на экзаменах, и о том, что Кормак уже обо всем знает, но засомневалась.

— Так значит, это всего лишь фальшивые экраны? — уточнила я.

— По сути да, но более совершенные, чем те, что мы используем дома. Изображение более реалистично.

Она была права. Я думала, это окно настоящее, пока не коснулась его. Тогда я поняла, что им можно манипулировать. Но то, как я управляла штормом, все же обеспокоило меня.

— Если кто-нибудь другой коснется его, он тоже сможет его изменить?

— Я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь делал что-то подобное, — призналась Инора. — Все Пряхи здесь работают только на станках. Именно поэтому ты никому не должна рассказывать о том, что я сегодня увидела. Ты понимаешь?

Я не слишком понимала, чем мои способности могут мне навредить, если я уже и так была заперта в Ковентри, однако согласилась молчать.

— Умница, — выдохнула Инора, а затем вернулась к обсуждению насущных проблем. — Твои стилисты должны быть здесь в семь тридцать. Пожалуйста, прими душ к этому времени. Мытье не входит в их работу. Если ты хочешь, чтобы тебе кто-нибудь помог, я могу прислать слугу.

— Чтобы помыть меня? — неверяще спросила я. — На случай, если я не знаю, как это делается?

Мое изумление было встречено коротким смешком.

— Некоторые Пряхи предпочитают, чтобы кто-то другой...

— Делал за них грязную работу?

— Что-то вроде того, — ухмыльнулась Инора.

Я почувствовала, как мое доверие к ней сильно возросло. Несмотря на все мои попытки соблюдать осторожность и быть недоступной, Инора начинала нравиться мне. Может, это тоже было частью их коварного плана? Может, они хотели сперва подарить мне друга.

— Валери — твой главный стилист, — продолжила она. — Она добрая и никогда не сделает из тебя чучело.

Я окинула внимательным взглядом лицо и волосы Иноры.

— Она и твой стилист тоже?

— Была... — отозвалась Инора, и слова ее прозвучали так, словно тема эта была для нее болезненна. Впрочем, может, я просто задала слишком личный вопрос. — Ты будешь учиться весь следующий месяц, — добавила она.

— Так долго? — переспросила я, разламывая маленькое пирожное, чтобы вытащить из него орехи и сухофрукты.

— У всех выходит по-разному, — пожала плечами Инора. — Некоторые осваивают все гораздо быстрее, но каждой нужен по меньшей мере месяц, чтобы проверить себя в деле.

— А если я провалюсь?

Инора поджала губы и всмотрелась в череду туфель для моего гардероба.

— Тогда меня отправят шить одежду для других Прях? — с надеждой спросила я.

— Да, бывает и так, но многие становятся слугами здесь, в Ковентри.

— И они-то в буквальном смысле и делают грязную работу, — тихо пробормотала я. Иерархия прояснилась. Теперь я поняла, почему первым делом нужно было занять свое место.

— Да, такое случается. Многие призванные испытывают от работы огромный стресс и уже не могут обеспечить нужную точность.

Мне жутко не хотелось этого признавать, но в таком распределении была доля здравого смысла. Вряд ли кто-то хотел, чтобы чьи-то трясущиеся руки касались ткани мира. Это могло привести к катастрофе.

— Но как нас обучают?

— Ткать? — спросила Инора.

— Да. — Я закусила губу. — Что, если я ошибусь?

— Ну, я не слишком переживаю за твои способности, но в любом случае за тобой будут приглядывать. Пряжи работают по образцам Пряжницы. Как только ты приобретешь опыт, освоив разные модели, работа станет для тебя очень простой. А потом ты научишься рвать и переделывать ткань.

— Рвать? — слово будто застряло у меня на языке. И не была уверена, что хотела выяснить его значение.

— Все не так страшно, как звучит, — произнесла Инора, но ее словам недоставало убедительности. — Это означает лишь вырывание тонких и слабых нитей.

— А под «нитями» ты подразумеваешь людей?

Она на мгновение замолчала, прежде чем ответить.

— Да.

— Значит, когда рвешь ткань, кого-то убиваешь? — Я вспомнила, как моя мама плакала в больнице, после того как нас всех попросили выйти из палаты бабушки. Больше мы бабушку никогда не видели.

— Это гораздо гуманнее, чем следовать естественному ходу событий, — добавила Инора, и ее карие глаза увлажнились. — В прошлом люди наблюдали, как умирали их любимые, а потом хоронили их тела.

— И что происходит с людьми, когда их нить выдергивают? — прошептала я, вспомнив, как тонкая рука бабушки стиснула мою, перед тем как всех нас выгнали в коридор. Ее пожатие было таким сильным.

— Если честно, я не знаю, — ответила Инора. — Извини, это не в моей компетенции.

Она сказала это таким тоном, что мне стало понятно: разговор окончен.

— Ты дважды упомянула Пряжницу, — сказала я, меняя тему в надежде, что она ответит еще на какие-то вопросы. — Так что же она делает?

Инора улыбнулась, и что-то в ее взгляде подсказало мне, что ответ заранее отрепетирован.

— Пряжница служит Гильдии, собирая свежие материалы для ткани Арраса, и руководит нашей работой.

— Выходит, я буду работать под ее руководством? — Мне вдруг захотелось спросить, не Мэйла ли была Пряжницей, но, если это действительно она, лучше мне было об этом не знать.

— Нет, — устало ответила Инора. — Ее работа крайне сложна и требует времени. Она общается лишь с самыми влиятельными чиновниками и наделенными высокими полномочиями Пряжами. Тебе еще многое предстоит узнать, Аделиса.

Почему-то ее ответ меня не удивил, но я решила сдержаться и не говорить того, что вертелось у меня на языке.

— Извини, что засыпала тебя вопросами, — произнесла я вместо этого. Мне хотелось понравиться Иноре. Мне нужны были союзники, но ее последний ответ оставил после себя горькое послевкусие.

— Я не могу тебя винить. Тебе предстоит еще немало изменений.

Она выделила слово «изменения», и я поняла, как по-дурацки оно звучало. С полным желудком и у теплого огня легко было забыть о недавнем заключении, но сомнения уже проникли в мою кровь и теперь отвоевывали все новые пространства моего сознания. Я ненавидела себя за то, что на мгновение забыла, что они сделали со мной — со всей моей семьей, — всего после двух перекусов и ночи отдыха.

Инора поднялась и приказала мне встать. Затем она начала перебирать наряды, бормотать что-то и отвергать одно платье за другим. Передо мной мелькали шелк и атлас, и каждый наряд казался откровеннее предыдущего. Никогда раньше я не носила ничего столь открытого. Мои обнаженные руки смотрелись бы некрасиво в этих платьях, не говоря уже о моей плоской груди. В панике перед всеми этими одежаниями без рукавов я начала хрустеть пальцами. Инора заметила это и отвела меня в ванную. Мама поступала точно так же — когда я расстраивалась, она просто переключала мое внимание на что-нибудь другое. Теперь, когда «Вэлпрон» больше не действовал, воспоминания о семье причиняли мне пульсирующую боль, которая становилась все более острой. Почти невыносимой.

— Инора, — прошептала я, когда она махнула рукой в сторону автоматического выключателя, — ты знаешь, что случилось с моей семьей?

Инора покачала головой, но в ее глазах я разглядела понимание.

— Я попытаюсь что-нибудь разузнать, но сейчас тебе нужно готовиться к занятиям.

Ванная комната оказалась столь же огромной и вычурной, как и моя спальня. В одном конце приютился маленький туалетный столик. Мне даже не хотелось представлять, сколько времени мне придется за ним проводить. Кругом были мрамор и фарфор. Посередине возвышалась ванна, к которой вели мраморные ступеньки. В ней запросто можно было плавать. Она уже была наполнена водой, и я в который раз удивилась, как им в Ковентри удавалось предупреждать каждое мое желание. Хотя я не была уверена, что мне хотелось знать ответ. Я не видела ни кранов, ни сливных отверстий и просто попробовала ногой воду — не обжигала ли она. Мне хотелось погрузиться в горячую ванну. Казалось, за нее после ночей в камере я могла бы продать душу.

— В твоем профиле значится, что ты любишь воду, так что все это сделали для тебя. — Инора показала на удивительный бассейн. — Включая вид на океан.

— Мне бы достаточно было и обыкновенного душа, — прошептала я.

— Если хочешь, можем все поменять... — усмехнувшись, ответила она, но я тут же помотала головой, вспомнив побитую душевую кабину в нашей семейной ванной.

— Все просто чудесно, — ответила я.

— Думаю, так и должно быть. — Хихикнув, Инора взяла меня за руку и проводила к стулу в дальнем углу. — Валери уже готова приступить к твоему макияжу.

Я вздохнула и, покоровшись судьбе, плюхнулась на стул. Валери была почти такой же красавицей, как Инора и Мэйла. Но черты Валери были восточными. Миндалевидные глаза были аккуратно подведены. Даже стоя на каблуках, она казалась ниже большинства из нас. Я начала понимать, почему за Пряхами так тщательно ухаживали. Они просто не могли позволить себе выглядеть хуже, чем их собственная прислуга. Глядя на стоявшую рядом со мной тележку, снизу доверху заваленную различными инструментами, я побоялась даже подумать о том, сколько времени Пряхи тратили на свой туалет, добиваясь совершенства.

Целый час мне накладывали макияж, завивали и укладывали волосы, после чего Инора добавила последний штрих к моему сегодняшнему образу. Она принесла мне ярко-зеленый

костюм с пышными рукавами и зауженной юбкой. Смотрелся он просто, но беспронитивно. Я втиснулась в эту красоту, а потом Инора протянула мне туфельку на высоком каблучке, и мне пришлось взяться за край кровати.

— Давай сначала другую, — сказала я, возвращая лодочку обратно. — Дай, пожалуйста, сначала левую.

Моя новая подруга удивленно приподняла брови.

— Ты суеверна? Никогда еще о таком не слышала.

— Нет, не суеверна, — покачала головой я. — Бабушка часто говорила мне, что первой следует обувать левую ногу, потому что левая нога у меня сильнее правой. А иначе я могу не удержаться на ногах. — Я надела туфлю и продемонстрировала, как устойчиво я в ней стою.

— Так ты левша? — спросила Инора.

— Да, как и моя бабушка.

Воспоминание о бабушке ранило меня, но это уже была не боль — лишь ее призрак. И, хотя этот призрак жил во мне уже много лет, он сильно отличался от сумасшедшей паники, охватывавшей меня при мысли о моей семье.

Инора протянула мне вторую туфлю, а Валери подтолкнула меня к зеркалу. Сегодня отражение уже не вызвало у меня шока, как это было вчера, но все-таки эта девушка с сияющими волосами и пылающим взглядом совсем не была на меня похожа. Казалось, будто я влезла в чужую кожу.

Валери и Инора стояли у меня за спиной, словно гордые родители. Моя новая наставница положила руку мне на плечо.

— Аделиса, ты великолепна.

— Но это не я, — убежденно сказала я, разглядывая тронутые красной помадой губы.

— Это только пока, — прошептала в ответ Инора. Таким же тоном я говорила с Ами, когда пыталась убедить ее сделать то, чего она терпеть не могла, — например, съесть брюссельскую капусту. Интересно, приглядывал ли за ней сейчас кто-нибудь? Я почувствовала, как к горлу подкатил комок, но отражение мое не изменилось.

Теперь, когда я была одета, Инора проводила меня в тренировочный класс. Я постаралась запомнить дорогу — коридор, этаж. Кто знает, возможно, когда-нибудь мне позволят ходить здесь одной. Сегодня мы уже не зашли в тот стерильный коридор, где я побывала вчера. Вместо этого Инора привела меня в прекрасный сад, со всех сторон окруженный стенами Ковентри. Сверху падал солнечный свет, который образовывал в центре яркое пятно. В тени пальм росли маленькие колючие сосенки. Животные безбоязненно бегали у самых моих ног. Это был самый дикий из всех искусственных садов, какие я видела. И в тот момент, когда я уже решила, что все вокруг на самом деле было лишь изображением на экране, я вдруг заметила его. По телу пробежала дрожь.

Он стоял, склонившись над тачкой, и лоб его был обвязан грязной тряпкой, чтобы пот не стекал на глаза, но все-таки это был он. Парень из камеры. Кто он — садовник, часть эскорта? Чем еще он занимался здесь и почему? Он поднял глаза и пристально взгляделся в нас. Я буквально ощутила возникшую между нами нить, ее можно было пощупать пальцами. Парень внимательно изучил мой новый костюм и лицо. Сначала он показался растерянным, а потом по чертам его пробежала тень. Нет, это был не гнев и не ненависть. И даже не похоть.

Это было разочарование.

Глава пятая

Инора провела меня мимо юноши, и мы направились к двери в другом конце сада. Я изо всех сил боролась с искушением оглянуться. И что я должна была сделать? Все объяснить? Начать оправдываться? Может, он решил, что я подожгу весь комплекс и сбегу, голодная и холодная?

— Аделиса, — голос Иноры прервал ход моих мыслей.

— Что, прости?

— В первые дни старайся быть внимательнее, — со вздохом произнесла она, подтолкнув меня в другое крыло комплекса.

— Я просто... — Я не знала, как объяснить охватившее меня при виде этого юноши чувство. — Откуда здесь парни?

— Есть много работы, которая нам не под силу, — безразлично заметила Инора.

Я согласно кивнула, однако таким дешевым объяснением купить меня было невозможно.

— У Прях тяжелая работа, — тихо сказала Инора. — Мужчины следят за тем, чтобы все здесь исправно функционировало и... — голос Иноры оборвался, словно она не знала, как продолжить.

— И? — переспросила я.

— Они нас охраняют, — закончила моя спутница.

— А мы в опасности? — удивилась я.

— Кто, мы? Нет. — Я почувствовала фальшь в ее голосе. — Гильдия считает, что в комплексе не должны находиться одни женщины.

Инора не лгала, когда сказала, что будет отвечать на все мои вопросы, однако меня удивляло, насколько откровенной она была. Впрочем, это было объяснимо, учитывая тот факт, что она знала мой самый большой секрет.

— Сегодня ты будешь вместе с остальными призванными. Заведи подруг, — сказала Инора, меняя тему нашего разговора.

— Как будто первый раз в первый класс, — пробормотала я, разглядывая стайку болтавших у большой дубовой двери женщин.

— Да, — сказала она, а затем взяла меня за плечи и развернула так, что наши взгляды встретились. — Но тебе придется жить среди этих девушек всю оставшуюся жизнь.

Я судорожно сглотнула. Мои школьные занятия закончились не так давно, и лица одноклассниц все еще стояли у меня перед глазами. Эти девочки жадно изучали стандарты красоты, присущей призванным, и каждая изо всех сил пыталась затмить остальных. Раз в неделю кто-то придумывал какой-нибудь эквивалент декоративной косметики. Но мне все это было совершенно безразлично. Припудрить носик? Нет, спасибо. Косметика и всякие украшения были хороши, когда надо было поднять настроение, и абсолютно необходимы во взрослом мире, где не было такого жесткого разделения по половому признаку, но в школе вся эта кутерьма больше напоминала балаган. С другой стороны, даже за толстыми стенами академии мы чувствовали себя намного лучше, если нам удавалось хорошо выглядеть.

Мы подошли к стайке девушек, и я попыталась изобразить на лице искреннее любопытство. Все стояли рядом с дверью, в ничем не примечательном коридоре, и с нетерпением издали, когда нам разрешат войти. Девушки уже успели разбиться на группки и

теперь оживленно щебетали. Передо мной оказалась весьма разношерстная компания: нежная девушка с тщательно заплетенными черными косами, другая, с кофейного цвета кожей и короткими, практически сбритыми волосами, еще несколько девушек с платиновыми локонами и в приталенных блузках. Я попыталась понять, нервничали они или пребывали в эйфории. Готовы ли они были продать душу за полную ванну и теплый очаг? Стали ли бы делать все, что прикажет Гильдия?

Два юных швейцара распахнули двери, и мы зашли в просторный зал, посреди которого ровными рядами были расставлены стулья. Все они были повернуты к гладкой белой стене. Все заняли свои места. Многие девочки продолжили болтать и хихикать. Я заметила, как светловолосая девушка коснулась волос подруги. Они неплохо знали друг друга. Этих девочек никто не держал под замком, и они явно познакомились раньше. За последние дни я успела многое пропустить.

Рядом со мной на стул опустилась девушка с черными как смоль волосами. От нее сильно пахло кокосом. Вблизи ее кожа казалась рыжевато-коричневой; ее длинные ноги облегла строгая юбка-карандаш. Девушка была настоящей экзотической красавицей, выше меня на целый фут даже без каблуков. Мне понравилось, как непринужденно она держалась. К моему огромному удивлению, она вдруг заговорила со мной.

— Они поделили нас на две группы. Ты будешь в моей.

— Я что, выгляжу такой потерянной? — робко спросила я.

— Да нет, ты выглядишь ошарашенной, — ответила она. — Нетрудно понять, что ты новенькая, учитывая, что большинство из нас жили в одной комнате.

— Вместе? — еле слышно спросила я.

— Не каждой выделяют собственную комнату. — Моя новая собеседница улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы.

— Прошу прощения, мне показалось, ты смотришь на меня чересчур снисходительно, — извинилась я, недоумевая, откуда ей было столько известно о моей жизни. — Я Аделиса.

— Знаю, — отмахнулась она. — Меня зовут Приана, и моя мать работала горничной в маленькой гостинице для бизнесменов. Она-то и научила меня, что, если нужно узнать свежие слухи, нужно завязать отношения со слугами. В настоящий момент самые интересные слухи касаются твоей персоны.

Я вспомнила юношей и девушек, которые приносили мне еду, разжигали огонь в камине и приносили одежду и ощутила себя настоящим снобом. Вот так, наверное, они меня и воспринимали: заносчивая молодая призванная, жадная до власти. Еще ни разу мне в голову не приходила мысль, что эти люди могли быть источниками информации. Или шпионить за мной.

— Я запомню.

— Будь осторожна, — сказала Приана так тихо, что наш разговор потерялся в окружающем шуме. — При твоем уровне они будут особенно тщательно отбирать всех, кто о тебе заботится. А учитывая твою историю...

— Мой уровень?

— Девочка, неужто ты и впрямь думаешь, что все мы купаемся в роскоши? Не пойми меня превратно, я всем довольна, но в Ковентри только и говорят о том, что обычную призванную поселили на верхних этажах башни.

— Похоже, мне срочно нужно подружиться со служанкой, — пробормотала я. Мой мозг не справлялся с количеством новой информации. У меня появилась свежая мысль насчет

того, почему мне оказали повышенное внимание, и это никак не было связано с фаворитизмом.

Приана окинула меня скептическим взглядом, не в силах поверить, что я и в самом деле была такой наивной, как казалось. Однако продолжить разговор нам не удалось, потому что на белой стене перед нами вдруг появился переливающийся всеми цветами радуги дисплей. Затем изображение начало уменьшаться в размерах и постепенно превратилось в силуэт женщины. Это была трехмерная голограмма, и выглядела она настолько реально, что казалось, будто это не обычная запись, а настоящий, живой человек.

— Добро пожаловать на первое занятие, — с улыбкой приветствовала нас голограмма. — Быть призванной, чтобы служить Гильдии двенадцати, — большая честь, а всякая честь имеет свои привилегии. Западный Ковентри постарается, чтобы адаптация к новой жизни прошла для вас легко и приятно. Каждая из вас получит свою наставницу на время обучения. Она будет отвечать на все ваши вопросы, научит вас выглядеть и вести себя достойно новой должности.

Я оглядела своих соседок. Большинство девочек, не отрываясь, смотрели на экран. Приана перехватила мой взгляд и ухмыльнулась.

— Аррас зависит от таких девочек, как вы, — продолжила актриса. — Гильдия — это сложная организация, на плечах которой лежит бремя заботы о целом мире, и вы — ее лучшая часть. За время обучения вам придется выполнить множество заданий, которые позволят оценить вашу точность, искусность и преданность нашей цели — сохранению целостности Арраса. Пока вы будете знакомиться с новыми для вас гранями прядильного искусства, за вами будут внимательно наблюдать, оценивая поведение и решения каждой из вас. Все это делается ради безопасности комплекса. Эта информация конфиденциальна, и мы надеемся на вашу преданность Гильдии двенадцати. Все вы были направлены сюда, потому что имеете большой потенциал и можете стать Пряхами, однако ваше положение в Ковентри будет напрямую зависеть от ваших успехов, которые будут отображаться на специально установленных панелях.

Несколько девочек что-то изумленно пробормотали. Им еще даже не назначили наставниц. Мне было почти жаль, что некоторым из них пришлось бросить самое дорогое и любимое только для того, чтобы стать слугами. Но только почти.

— Что бы ни произошло, если вас призвала Гильдия, значит, для вас здесь всегда найдется место. Западный Ковентри способен обеспечить работой любую девушку, и на каком бы месте в списке вы ни оказались, вы всегда сможете пользоваться многими привилегиями. Природа вашего обучения такова, что ни одна из вас не сможет вернуться обратно, к обычной жизни, однако вы обретете и дом, и работу здесь. Отныне и навеки.

— Что все это означает? — прошипела за моей спиной Приана:

— Это означает, — сказала я, наклонившись к ней так, чтобы нас никто не слышал, — что некоторым из нас предстоит отскребать полы на кухне.

Глаза ее округлились, и Приана неверяще покачала головой.

— Ты не спрашивала у своей служанки, как она получила работу по чистке твоего туалета?

— Теперь точно спрошу.

Я не могла даже представить, что кто-нибудь мог заставить бывшую призванную рассказать о своем провале. Одно дело — смеяться над неудачами других, и совсем другое — над собой.

— Ваши обязанности будут зависеть от вашего мастерства. Каждая Пряха Гильдии будет иметь множество возможностей проявить себя, — голограмма умолкла. За ее спиной вдруг возникло изображение огромной машины. Это был станок, такой же, как и на тестировании, только крупнее. Неслышно вращавшиеся колесики и шестеренки были соединены с замысловатыми серебристыми трубками, обвитыми множеством сияющих разноцветных нитей. По опыту я знала, что золотые нити были нитями времени и, если сильно напрячься, можно было разглядеть, как они сплетались в канву вокруг меня. Сквозь эту канву тянулись и другие нити, создававшие яркое, насыщенное полотно.

До этого момента я видела станки только во время тестирования. Там мне приходилось изо всех сил бороться с желанием потрогать ткань, и, кажется, мне почти удалось забыть о своем даре. Но сегодня он возродился к жизни. Изображение на экране вновь изменилось. Вместо колесиков нам теперь показывали часть ткани на станке. Затем на месте этой ткани возникла улица, дом, а затем и вся жизнь какой-то семьи. После этого на мониторе вновь появился тот же кусок ткани, что и вначале.

— Пряхи работают рука об руку с мужчинами, кураторами Гильдии двенадцати. В комплексе Западного Ковентри ваша работа будет связана с основами плетения, поддержания и изменения основной ткани. Наш комплекс полностью обеспечивается едой; погодные условия всегда благоприятны. Некоторые особенно искусные Пряхи выполняют для нашего сектора специальные задания. Вас доставили сюда на основании результатов тестирования. Если вы проявите способности в иной области, Гильдия может выписать вам разрешение на перемещение в другое место и на другую позицию. Все четыре Ковентри работают в тесном сотрудничестве для поддержания физического единства ткани Арраса и обеспечения процветания нашего мира. Ковентри расположены так, чтобы контролировать разные части всеобщей ткани. В каждом из комплексов Пряхам даются свои задания, но все они одинаково важны. Наиболее умелые Пряхи выполняют тонкую работу, контролируя тем самым ключевые моменты жизни Арраса.

Мир и согласие в Аррасе зависит от вашей работы на станках. Точное следование образцам обеспечивает ровное течение городской жизни. Мы должны постоянно проверять состояние ткани, своевременно выявляя слабые места. Это позволяет вовремя заметить нечто неадекватное поведение, а также события, которые могут поставить под угрозу безопасность наших граждан. Существуют специальные технологии, позволяющие зачищать и обновлять нити, поврежденные неблагоприятными происшествками. Мы работаем в тесном контакте с академиями всего мира и можем выявлять будущих нарушителей гармонии еще в детстве. Все это позволяет пресекать на корню формирование ложных, преступных взглядов. Всякая проблема, возникающая в переплетении нитей, должна быть вовремя обнаружена, и ответственность за это лежит на вас.

Так вот, значит, что имел в виду Кормак, когда смеялся надо мной в кафе. Аррас был вовсе не таким мирным местом, как внушали нам телевидение и чиновники, по крайней мере, не в естественном своем проявлении. Чего бы ни предполагала эта процедура зачистки, именно ее провели в Ромене, чтобы скрыть следы моего не слишком удачного призыва. Интересно, смогли ли бы горожане жить так же спокойно, узнав, что отклонения от нормы все же существовали, просто их стирали из всеобщей памяти? Или что нити их детей в любой момент могли быть зачищены только потому, что учитель усомнился в них? Впервые я по-настоящему обрадовалась, что никогда не буду работать в академии, и в полной мере осознала, зачем всех нас держали в золоченой клетке с фальшивыми окнами.

Такая информация не должна была выходить за пределы этих бетонных стен.

На экране мелькали картинки с видами Арраса, по-видимому, призванные сгладить впечатление от услышанного. Я с интересом рассматривала их, однако, к моему разочарованию, силуэты больших городов удивительно напоминали виды Ромена: тот же бетон и небоскребы с тысячами окон в центре, те же четкие спиралевидные завитки улиц жилых кварталов с невысокими домами и магазинами. Отличались только растения. В Ромене росли вязы и густые кустарники и повсюду были разбиты клумбы с бело-желтыми цветами. В тех городах, что показывали сейчас на экране, можно было заметить пальмы, сосны, папоротники и высокую желтую траву. Все эти растения я видела только на картинках во время уроков в академии. Различия между городами были минимальны, и все же сам факт того, что весь Аррас лежал передо мной как на ладони, приводил меня в трепет.

— Добро пожаловать в Западный Ковентри, и да будут благословенны ваши руки! — напоследок произнесла женщина.

В конце на экране возникла фотография башенного комплекса, который нам не меньше сотни раз показывали в академии. Это был Западный Ковентри, где я как раз и пребывала. Несколько девочек восхищенно вздохнули, мне же показалось, что окружавшие нас цемент и бетон вдруг всем своим весом навалились на мои плечи. Ничего восхитительного в этом комплексе не было и в помине. Он был промышленным. Обнесенным высокими стенами. Он привлекал тем, что олицетворял собой, — обещанием привилегий и власти. Именно это и приводило остальных в трепет. Но я видела лишь небоскреб без окон, упирающийся в безоблачное небо. Никто и никогда не мог убежать отсюда.

— Плохо выглядишь, — прошептала Приана, как только экран вновь стал белым. — Тебя мутит от мелькания фотографий?

Я покачала головой, тронутая ее участием.

— Я в порядке, просто у меня выдались непростые дни.

— А я вот готова к работе со станком. С самого тестирования до ужаса хочу попробовать! — усмехнулась Приана, и ее карие глаза сверкнули при мысли о нашем будущем.

— Тебе что, еще ни разу не довелось на них поработать? — изумилась я.

— Нет, — спокойно ответила Приана. — До сих пор нам давали только уроки измерений и этикета. Были еще телеуроки в маленьких группах... Скажем так: нам раз сто повторили о необходимости соблюдения целомудрия для поддержания наших способностей.

— Ну, думаю, это проблемой не станет, — рассмеялась я, удивившись ее разочарованному тону.

— Ты что, меня разыгрываешь? — воскликнула она, округлив глаза. — Ты уже его видела?

Она показала на дверь, и я обернулась, сразу заметив Эрика, который приглашал всех на следующий урок. Иноры не было видно, и я решила, что большинство Прях как раз было занято своими прямыми обязанностями.

— Его? — безразлично спросила я.

— Да ладно тебе, он великолепен, — жарко прошептала она. — Если половина офицеров хоть вполовину так же красива, как этот, им придется каждый день показывать мне свое глупое видео о стандартах невинности.

Я вынуждена была с ней согласиться. Сегодня светлые волосы Эрика были зачесаны назад и кончики их доставали до плеч. На нем был темный костюм в полоску. Я задумалась,

что именно заставило Мэйлу взять его в свой эскорт — способности или исключительно внешность? И все же Приана, на мой взгляд, вела себя уж слишком вызывающе. Я не могла не заметить и реакцию всех остальных девушек на его появление. Одни выглядели смущенными, другие подались вперед, но все смотрели только на него. Это было не так уж удивительно, учитывая сегрегацию. Никто из нас еще ни разу не общался с юношами своего возраста, так что встреча с Эриком была едва ли не первым нашим контактом с противоположным полом. Мне не хотелось смущаться перед парнями, как остальные девочки, словно стесняясь своей женственности. Но, может, именно поэтому я отпускала острые шуточки в их присутствии, а странный юноша из камеры заставил мое сердце биться чаще.

— Да, он ничего, — дружелюбно сказала я. — Только волосы у него чересчур длинные. Странно, что ему разрешили ходить так.

— Что ж, похоже, у тебя со стандартами целомудрия проблем не будет, — усмехнулась Приана. — И потом я слышала, что в некоторых прибрежных деревнях вроде Саксона волосы обычно носят длинными. Ой, нам пора!

Большинство девочек уже вышли в коридор. Эрик шел впереди, а замыкали колонну несколько других офицеров.

— Дамы, сегодня я проведу для вас экскурсию по нашему комплексу. Как вы уже знаете, я ассистирую Мэйле — Пряхе, которая отвечает за ваше обучение. Сегодня она целый день занята на станке. Мы с вами посетим мастерские, а также несколько цехов Западного Ковентри, — громко, так, чтобы все слышали, сказал Эрик. — Руководство решило, что я достаточно компетентен, чтобы быть вашим гидом.

— Черт, — пробормотала Приана. — Никаких станков, но хотя бы можно целый день бродить вслед за ним.

Вместо того чтобы согласиться, я схватила Приану за руку и потащила ее в самое начало цепочки. Я не собиралась упускать ни минуты этой экскурсии. При виде меня Эрик удивленно приподнял бровь, но ничего не сказал.

— Девочка, — прошептала Приана, — он смотрит на тебя.

— Да, потому что я растолкала половину группы, чтобы пробиться сюда, — ответила я тоже шепотом.

— Кстати об этом: мне нравится твой стиль.

Я широко ухмыльнулась, а затем снова впиалась взглядом в Эрика, который продолжил свою речь. Наш коридор разделился на три ответвления, и Эрик свернул в самый левый проход.

— Большинство из вас будет работать на стартовых позициях, — сказал он, распахнув дверь, ведущую в просторную комнату. Внутри ровными рядами стояли станки, за каждым из которых Пряха работала над своей частью Арраса. В дальней стене было несколько квадратных окон; сквозь них в помещение проникал свет, но общая атмосфера мастерской вызывала клаустрофобию.

— Держу пари, ты думаешь, что здесь не хватает света, — сказала Приана.

— Да, особенно если учесть, что окна ненастоящие, — пробормотала в ответ я, краем глаза заметив, как нахмурился Эрик.

— Ненастоящие? — изумленно воскликнула Приана.

В этот момент я поняла, что, наверное, не должна была ничего знать о фальшивых окнах и запрограммированных экранах комплекса. Дикая животные прекрасно приживались в

клетке, не подозревая о ее существовании.

— Да, в моей комнате окна просто огромные, — соврала я. — Могли бы и здесь сделать побольше.

Приана успокоилась, довольная моим объяснением, однако Эрик бросил на меня внимательный взгляд и лишь затем пошел дальше.

— На начальном уровне вы будете заниматься распределением продовольствия — следить за тем, чтобы ткань, связывающая пригороды Арраса и дальние фермерские хозяйства, исправно функционировала. Кроме того, вы будете отслеживать разрывы и другие повреждения нитей.

Мы прошли несколько абсолютно идентичных комнат. Над этими простыми заданиями там трудилось, должно быть, не меньше сотни Прях.

— Отсюда, — продолжил Эрик, как только мы вышли в следующий отсек, — вы можете попасть в мастерские, где занимаются формированием погоды и следят за распределением осадков. В других мастерских совершают простые устранения и перемещения.

Погодные мастерские оказались гораздо просторнее предыдущих комнат, но работало в каждой всего по дюжине девушек. Станки тоже были больше, чем те, что мы видели ранее. Ни одна из Прях не заметила нашего присутствия — а может, мы их просто не заинтересовали.

— Пожалуй, я бы хотела здесь работать, — задумчиво сказала Приана.

Я согласилась с ней, не будучи уверенной, что смогла бы долго выносить духоту предыдущих комнат и выполнять при этом примитивные задания начального уровня.

— Однако самые одаренные Пряхи работают и другом крыле, — громко обратился к толпе Эрик.

Мы прошли за ним по коридору и оказались в круглой комнате. Тяжелая дверь, ведущая в эти мастерские, находилась под охраной. Войти туда мог лишь человек, имеющий специальный допуск.

— К сожалению, работа в этих мастерских настолько сложна, что мы не имеем права тревожить Прях, — сказал Эрик.

Одни девочки недовольно заворчали, другие громко на них зашикали. Эрик поднял руку, показывая, что еще не закончил.

— Я понимаю, вы разочарованы, однако мы не имеем права поступить по-другому. Верхние мастерские включают в себя отдел чрезвычайных происшествий, где обеспечивают отсутствие досадных недоразумений в Западном секторе. Кроме того, наверху находится отдел происхождения. Работающие там Пряхи наблюдают за появлением новорожденных в Аррасе.

— Как это? — спросила Приана так громко, что несколько девушек не смогли удержаться от смеха. — Там что, младенцы наверху?

Эрик покачал головой, но я заметила, что на губах у него заиграла легкая улыбка.

— Нет, — поправил он Приану. — Процесс формирования новой жизни в Аррасе очень тонок. Как только беременность одобрена местными клиниками Гильдии, в дело вступает отдел происхождения, который сотрудничает с больницами и врачами. Его задача — как можно аккуратнее вплести новую жизнь в ткань Арраса. Для этого наши Пряхи составляют график рождения детей. После того как доктор и команда хирургов извлекают младенца, в паутину Арраса вплетается нить новой жизни. Для Ковентри это рутинная процедура, однако она все равно требует деликатности.

— Я хочу заниматься детьми, — произнесла невысокая девушка с мягкими каштановыми волосами. — Разве это не чудесно?

Я машинально кивнула, но мысли мои были заняты совсем другим. Я вспомнила горизонтальный шрам на мамином животе. Естественно, родители рассказывали мне о процессе зачатия — иначе как бы они смогли объяснить мне, что такое целомудрие? Но вот о том, как малыши появляются на свет, я до сих пор ничего не знала. Теперь мне стало понятно, почему мама не могла родить ребенка, не получив на то предварительного разрешения. А я годами клянчила у нее братика или сестренку и обижалась, когда она отвечала, что это невозможно. Почему же она не объяснила мне все эти правила? Может, тогда бы я сбежала раньше, не дожидаясь призыва.

— А что еще там, наверху? — придвинувшись ближе, спросила Эрика Приана.

На моих глазах она вышла из группы — такая беспечная, такая прекрасная в своем облегающем костюме, демонстрирующем длинные янтарные ноги. Я до глубины души поразила ее уверенности, хотя, если уж быть до конца честной, еще и немного позавидовала ей. Эрик едва заметил ее: он либо слишком хорошо знал свою работу, либо моя догадка о том, что он был не просто персональным ассистентом Мэйлы, оказалась верна.

— То, чем занимаются в остальных мастерских, засекречено, — сухо пояснил он, отходя от Прианы и приглашая группу двигаться дальше.

— Наверное, девушки его не интересуют, — пробормотала Приана, возвращаясь обратно ко мне.

— Думаю, его научили держать нас на расстоянии, — заметила я. — Сомневаюсь, что он бы надолго задержался на своей должности, если бы в его присутствии все Пряхи вдруг забывали о любых стандартах чистоты.

— Наверное, ты права, — со вздохом ответила она. — По крайней мере, я могу любоваться им со стороны.

Наша экскурсия подходила к концу, и я начала обдумывать, как бы расспросить Приану обо всем, что произошло, пока меня не было, не выказав при этом уж слишком горячего интереса. К счастью, она, похоже, и сама была рада пересказать мне последние слухи.

— На этот раз у нас, в Сайпресе, призвали целых десять девочек, — гордо заявила она. — Думаю, мы побили все рекорды.

— И всех вас выделили на тестировании? — спросила я, удивляясь, почему девочки в Ромене были такими бесталанными.

— Само собой, — ответила Приана. — Многие сейчас здесь, с нами.

Она указала на двух девушек в конце группы, кожа и волосы которых имели тот же оттенок, что и у нее самой.

— Ты дружила с кем-нибудь из них? — спросила я.

Приана отрицательно покачала головой.

— Нет, девочки из нашего городка мечтают только о том, чтобы им поскорее выдали разрешения на свидания. На Севере все то же самое. Я слышала, на Востоке девушки более амбициозны.

Я сразу задумалась о том, что же говорили о нас, живущих на Западе, однако решила не спрашивать. Мне было гораздо интереснее, почему сюда захотела попасть Приана.

— А как насчет тебя? — начала я. — Твоя семья обрадовалась, когда тебя призвали?

— Естественно, — Приана посмотрела на меня, как на сумасшедшую. — Моя мама работает горничной. Она всю жизнь мечтала, чтобы я поднялась выше нее. А младшая

сестренка ждет не дождется, когда сама сможет пройти тестирование.

При мысли о том, что через несколько лет у Прианы могла появиться возможность встретиться с сестрой, мое сердце сжалось от боли. После неповиновения моих родителей Гильдия могла отказаться от Ами, даже если бы она успешно прошла все тесты. Как же я завидовала Приане! С какой легкостью она адаптировалась к новой жизни!

К моему большому удивлению, дойдя до входа в наше крыло, группа внезапно остановилась. Эрик перекинулся парой слов с другим охранником и исчез в соседней комнате. Вместо того чтобы проводить нас наверх, второй охранник приказал нам ждать. Спустя несколько секунд из комнаты вышло еще несколько офицеров, и сердце мое ушло в пятки. Нам приказали вернуться обратно в холл, после чего мы долго поднимались по длинной винтовой лестнице. Мы карабкались внутри башни, словно несчастные принцессы из книжки сказок, которая тайно хранилась в родительской библиотеке.

Лестница привела нас в огромную комнату с каменными стенами и причудливой формы окошками. Слишком маленькие для того, чтобы через них можно было пролезть, они были вполне просторны для того, чтобы выглянуть на улицу. Темница для принцессы была идеальной. По всей комнате были расставлены огромные железные станки, напоминавшие те, что показывали в ролике. Но эти выглядели холодными и пустыми. Все они были соединены между собой специальными механизмами — от одного к другому по стенам тянулись причудливо изогнутые трубки. На полу ровными рядами выстроились обитые тканью табуретки. Я недоумевала: неужели отсюда выслали всех Прях, чтобы дать нам возможность поработать на машинах?

Остальные девочки испуганно переговаривались между собой, и я снова почувствовала себя какой-то отщепенкой.

В сопровождении Эрика и еще одного охранника внутрь вошла Мэйла, такая же внушительная, как и в зеркальной комнате. Волосы у второго охранника были сострижены практически под ноль, однако оба мужчины выглядели одинаково суровыми, сильными и, что уж говорить, опасными. Мэйла возвышалась перед нами, и ее малиновое платье кровавым пятном выделялось на фоне одетых в черное охранников. Я поняла, что она хочет запугать нас, и вызывающе выпрямилась: пусть видит, что ее приемы не работают.

— Добрый день, — звонко воскликнула она, разведя руки. — Сегодня вы начинаете обучение нелегкому ремеслу Пряхи, и сейчас вам представится возможность пройти первый тест. Он позволит оценить ваши врожденные способности читать ткань и контролировать свой дар. Кроме того, это принесет неоценимую пользу тем городам, которые вы видели чуть раньше на фотографиях.

Несколько девочек громко зааплодировали; и же просто смотрела прямо перед собой.

— Сегодня вам предоставляется уникальная возможность. Обычно мы не позволяем Пряхам сесть за станок, пока их талант не будет доказан, но в этом году мы решили немного упростить экзаменовку. Я знаю, как вы все об этом мечтали. — При виде меня глаза ее на мгновение вспыхнули. — Но, как вы уже поняли из ролика, не все из вас станут Пряхами.

Девочки в группе начали волноваться. По комнате разнесся недовольный ропот, грозивший перерасти в настоящую панику.

— Но нам сказали, что, раз нас уже пригласили...

И тут у меня вырвался смешок.

— Аделиса, ты услышала что-то смешное? — резко спросила Мэйла, и все головы одновременно повернулись ко мне.

— Просто я вспомнила кое-что. — Не переставая улыбаться, я заставила себя посмотреть ей прямо в глаза. — Но, пожалуйста, продолжайте.

Если бы только взглядом можно было убить...

— Как я уже сказала... — Мэйла лишь немного замялась, зато я привлекла к себе ненужное внимание. — Все вы останетесь работать в Ковентри. Многие из тех, кто не справится с работой Пряхи, будут вполне счастливы, заняв другие важные позиции.

Например, горничных и уборщиц.

— Здесь найдется место для всех вас, — улыбнулась Мэйла насквозь фальшивой улыбкой.

Большинство девушек успокоилось, лишь некоторые задумались над ее словами.

— Один из важных аспектов в нашей работе — это удаление слабых нитей. Каждый человек, каждая вещь и место Арраса имеют свою собственную нить. В случае с местом это скорее даже целый участок ткани. Мы поддерживаем жизнь в Аррасе, восстанавливая, добавляя и перемещая части ткани и ее составляющие. Если какая-то нить слаба, она может оказывать губительное влияние и на другие нити. Ткань эластична и податлива, что позволяет нам работать с ней. Но будьте осторожны — некоторые нити более упруги, чем остальные. Мы должны осторожно восстанавливать, замещать, а иногда и удалять их, если это необходимо.

Теперь она говорила, обращаясь прямо ко мне.

— Если же слабыми оказываются сразу несколько нитей, это дурно влияет на целые области ткани, подвергая риску каждого из нас. — Мэйла обвела взглядом всю группу, чтобы проверить реакцию слушательниц.

Все призванные согласно кивали. Я — нет. Приана пихнула меня в бок, чтобы я быстрее последовала их примеру.

Никто не задавал никаких вопросов. Девушки лишь кивали в такт, как китайские болванчики, словно им не предлагали ничего из ряда вон выходящего. Они готовы были исполнить любой приказ Гильдии, ведь все говорили, что это важно. Разве не удивляло их, как странно текло время? Неужели им не было интересно, зачем нужны станки? Я была у Мэйлы не в чести, а остальные даже не пытались задавать такие вопросы.

— Сегодня каждой из вас представится возможность совершить свое первое устранение, — торжественно произнесла Мэйла.

— Вы имеете в виду вырывание? — спросила Приана. Мускулы на лице Мэйлы слегка напряглись и тут же вернулись в прежнее расслабленное состояние.

Инора просила меня завести друзей. Думаю, Приана как раз подойдет.

— Да, некоторые называют это так. Я считаю этот термин вульгарным, — Мэйла говорила спокойно, однако челюсти ее были напряжены.

Она кивнула Эрику, после чего тот подошел к дальней стене и нажал несколько кнопок. Девочки смотрели на него, не отрываясь, даже Приана. Как только он ввел код, на станках тут же возникли кусочки прозрачной материи. Лишь появление ткани смогло отвлечь всеобщее внимание от Эрика. По комнате пронеслись вздохи, а одна из призванных даже отшатнулась в ужасе: для девочек, которые прикасались к станку только на выпускном тестировании, вид лежащего перед ними Арраса, должно быть, казался ошеломляющим. И, хотя я всегда была способна увидеть нити этой ткани, то, что открылось моему взору сейчас, заставило мой желудок сжаться.

— А можно разглядеть ткань, когда станок выключен? — вопрос вырвался у меня сам

собой, но мне необходимо было узнать, насколько сильно я отличалась от остальных.

Эрик посмотрел на меня с любопытством, однако Мэйла была жутко недовольна тем, что ее прервали.

— Нет, это нелепо. Ткань — это само время и пространство, в котором мы живем. Само собой, ее никак нельзя разглядеть, — резко бросила она.

Вот только я могла. А Мэйла, похоже, нет — как и все остальные, судя по выражению их лиц. Моя способность была уникальной.

— Это, — Мэйла указала на пучок зеленых, розовых и красных нитей, — все вы.

Девушки подвинулись ближе друг к другу и наклонились вперед, чтобы лучше разглядеть мерцающую паутину.

— Мы прекрасны, — восхищенно вскрикнула одна.

— Так и есть, — заворковала Мэйла. — Остальные куски — это города Западного сектора. Станки позволяют нам вызывать и визуализировать истинную суть Арраса, и Пряжи каждый день удаляют некоторые куски. Таковы наши обязанности. Мы выявляем слабые, хрупкие нити и устраняем те из них, которые одобряет руководство.

Она показала, как можно увеличить изображение на станке. Прямо на наших глазах сверкающая разноцветная ткань приобрела очертания дома.

— А вы можете запросить устранение?

— Да, конечно. Каждый человек, как и официальные органы власти, может просить об устранении. Сотрудники больниц могут запрашивать устранение для старых или серьезно больных людей.

Я вспомнила о бабушке и задумалась, кто мог попросить о ее устранении. Это точно была не она сама и не моя мама. Бабушка была еще достаточно сильной. Скорее всего, один из докторов просто решил, что пришло ее время.

— Эти станки показывают только те области, где требуется наше вмешательство. Мы подойдем к каждому из них, чтобы вы смогли точнее определить слабое место и удалить его. Станки позволяют увеличивать и уменьшать любые области, но особое умение заключается в том, чтобы находить слабые нити, не используя эти функции.

Стоять на высоких каблуках было неудобно, и я переминалась с ноги на ногу. Некоторые девушки делали то же самое. Задание казалось слишком сложным для новичков вроде нас.

— Не стоит бояться, — твердо сказала Мэйла ступевавшимися девочкам. — Ваши пальцы сами начнут читать ткань. Смотрите.

Мэйла подошла к ближайшему станку и провела тонким пальцем слева направо, по ходу нитей. Затем ее рука остановилась. Мэйла закрыла глаза, держа палец на том же месте.

— Здесь, — сказала она, и все замерли. — Она тоньше остальных. Потертая и изношенная. Я чувствую, как дрожат рядом с ней другие нити. Им тяжело оставаться на своих местах.

Все мы задержали дыхание, а Мэйла достала серебряный инструмент из стаканчика на краю станка.

— Просто подцепляем ее, — сказала она, аккуратно пропуская крючок между нитями, а затем легким движением разорвала ткань. На крючке осталась переливающаяся нить, которую она тут же поднесла ближе к нам. — Все просто.

Мое сердце сжалось. Каково это — быть вырванным? Мир продолжил существовать, но куда теперь пропал этот человек?

— Итак, кто первый? — спросила Мэйла.

Дюжина девочек выступила вперед, горя желанием попробовать себя в деле. Я перехватила взгляд Прианы. В ее миндалевидных глазах отразился ужас. По крайней мере, напугана я была не одна.

Одна за другой девушки проходили тест. Одна чуть не вырвала целый пучок нитей, но Мэйла вовремя остановила ее. Я задумалась, не станет ли эта ошибка для нее роковой и не предопределят ли она ее положение в Ковентри. Возможно, теперь ей придется провести всю оставшуюся жизнь в качестве прислуги. Вскоре остались лишь мы с Прианой. Я видела, как сильно она нервничала, и сделала шаг вперед, дав ей еще немного времени, чтобы взять себя в руки.

Мэйла подвела меня к новому отрезку. Он казался более сложным, чем те, что были до этого. Тысячи нитей сплетались в расцвеченную всеми цветами канву. Некоторым девушкам явно стало не по себе. Этот отрезок был гораздо насыщеннее остальных, но меня это не пугало.

— Посмотрим, на что ты способна, — произнесла Мэйла ободряющим тоном.

Я наклонилась вперед и провела по материи кончиками пальцев. Ощущение было просто неописуемое. Конечно, я делала это и раньше, но еще ни разу мне не приходилось сталкиваться с отрезками, включавшими человеческие жизни. Ткань едва заметно дрожала, и я понимала, что под моими пальцами проходила энергия тысяч жизней. Несмотря на сложное переплетение, мои пальцы сразу же нащупали слабую нить. Она была настолько маленькой, что я не представляла, как выдернуть ее, не задев при этом остальные нити, и уж точно не представляла, каким образом она может быть опасной для такого сильного и сложного мира.

— Это здесь, — пробормотала я и услышала за спиной восхищенный ропот.

— Очень хорошо, — просто сказала Мэйла, взмахнув крючком, словно оружием. В ее глазах читался вызов. Мэйла прекрасно понимала, что в удалении этой нити не было необходимости — оно даже могло представлять опасность, — но было ясно: мой экзамен сложнее.

— Нет необходимости, — сказала я, убирая руку с ткани. — Эта нить не опасна для столь прекрасного и сложно устроенного мира.

— Решать не тебе, Аделиса, — прошипела Мэйла, протягивая мне крючок.

— Ее удаление может повредить окружающие нити. В нем нет необходимости. — Я подняла голову и встретилась взглядом с Пряхой, ожидая ее протеста.

— Аделиса, я не стану повторять. Отказываясь выполнять свою работу, ты всех нас ставишь под угрозу, — сказала она так, будто просила меня сделать всего лишь небольшое дополнение.

— А я говорю вам, что никакого риска нет, — упрямо ответила я, и мое сердце заколотилось как сумасшедшее. — На самом деле гораздо опаснее удалять ее.

— Да неужели? — Она казалась искренне заинтересованной, хотя я прекрасно понимала, что это всего лишь представление. — В таком случае...

Ее движение было таким быстрым, что я едва успела его заметить. Мэйла взмахнула крючком, словно бритвой, начисто вырезав целый кусок паутины. На крючке повисли сотни переливающихся нитей, и Пряха кивком подозвала к себе одного из крупных охранников.

— Доставь это и все остальное в хранилище и извести дежурную Пряху, что нам нужна аварийная заплатка. — Мэйла рассеянно протянула офицеру крючок. Никто не проронил ни

слова, замерев в ожидании.

Мой язык словно присох к горлу. Холодная ярость наполнила тело; щеки налились краской.

— В этом не было необходимости.

— Я предупреждала, что даже одна слабая нить представляет опасность.

Мэйла нахмурилась и покачала головой, словно выражая симпатию. Или сожаление. Я не верила ни тому, ни другому.

— Желаете ли вы нести ответственность за трагедию? — спросила она, обводя комнату рассеянным взглядом. Вопрос был риторическим, но несколько девушек покачали головами. — Каждый, кто не выполняет свою работу, подрывает все, что было сделано до него.

Закончив, она нажала на кнопку сбоку станка. Кусок разорванной ткани начал увеличиваться. Вначале он напоминал отрез узорчатой материи, а затем на его месте появился город. У меня возникло ощущение, что я смотрела на карту с дырой посередине. А затем шестеренка щелкнула еще раз, и перед нами возникла улица. Прекрасная, прямая как стрела, с двух сторон усаженная деревьями. Она вела к академии. Вот показался кирпичный фасад, арочная дверь, а за ней — ничего. Остальное здание исчезло, провалилось под землю. Лишь кое-где валялись кирпичи. Академии больше не было.

До этого момента я еще не до конца понимала, что именно сделала Мэйла. Теперь же во мне закипела злоба. И это урок? Чему мы должны были научиться? Эта Мэйла была неадекватна. Я могла догадаться и раньше. Не для этого ли они пользовались зачисткой — чтобы убирать последствия действий таких, как она? Может, именно ее нам приходилось забывать снова и снова?

Мэйла подняла на меня взгляд своих лиловых глаз, и на лице ее появилась легкая улыбка. Она предназначалась только мне.

— Думаю, на сегодня мы закончили.

Я взглянула на Приану — свою новую подругу. По крайней мере, я спасла ее, пускай и ненадолго. На лице Прианы было написано, что она не готовилась к такому. Как страстно она желала стать Пряхой и как была напугана теперь! Но, если говорить честно, я пребывала не в лучшем состоянии.

— Приана, ты освобождена от задания, — добавила Мэйла. — В свете последних событий это оправдано.

Кофейные глаза Прианы были полны того же страха, что и у меня.

— Я сожалею о твоей потере, — Мэйла глупо улыбнулась, прикоснувшись к плечу Прианы.

— Какой потере? — тихо спросила она, и Мэйла непонимающе взглянула на нее сверху вниз, словно не слыша вопроса.

— Она спросила, о какой потере вы сожалеете? — с трудом выдавила я.

— К несчастью, — произнесла Мэйла, подчеркнув эти слова, — это была академия Сайпреса.

Приана судорожно втянула воздух, глаза ее сузились — она пристально вглядывалась в ткань.

— Не могу поверить, что мы потеряли большую ее часть. — Мэйла сочувственно взглянула на Приану и отвернулась, чтобы прошептать что-то Эрику.

— Моя сестра училась в академии Сайпреса, — тихо произнесла Приана.

Теперь все взгляды обратились к ней, но девушка, не отрываясь, смотрела на вырванный кусок. Несколько девочек повернулись в мою сторону. Приана подняла глаза и взглянула прямо на меня.

— Ты убила ее.

Мэйла, скорее всего, теперь ожидала, что Приана убьет меня. Я уже приготовилась к этому, когда кто-то вдруг крепко схватил меня за руки. Эрик резко потащил меня в безопасное место.

Глава шестая

Мы шли быстрым шагом, пока не оказались в каменном коридоре, откуда меня вывели только накануне. Здесь Эрик замедлил ход и ослабил хватку. В своем темном костюме, ухоженный и лощеный, он выглядел на все сто. Общий вид портили лишь длинные волосы и кривая ухмылка. На самом деле Эрик был моложе, чем я думала. В прошлые наши встречи я была еле живой от голода и бешеной дозы медикаментов, и потому у меня еще не было возможности выяснить, так ли он опасен, как его начальница.

— Я пропустила что-то смешное? — спросила я.

— Ох, здорово ты там, — не переставая ухмыляться, ответил Эрик. — Ты прямо знаешь, как влезть Мэйле под кожу. Никогда еще не видел ее в таком состоянии.

— У тебя странное чувство юмора.

Я вспомнила невозмутимое спокойствие Мэйлы, а затем взрыв ярости. Однако даже в тот момент она не переставала контролировать себя, ведь ее гнев достиг своей цели: Приана меня возненавидела.

— Почему ты не сделала этого? — спросил Эрик.

— В этом не было необходимости. Переплетение было достаточно сильным, — просто ответила я.

— Но Гильдия не просто так запросила устранение, — возразил Эрик, отпуская обе мои руки.

— Да неужели? — бросила я и тут же пожалела. Наверняка все мои слова оказались бы пересказанными Мэйле, особенно те, что касались моих сомнений. Хотя, если Эрик разделял мой скептицизм, он вряд ли стал бы доносить Пряхе.

Мы остановились у высокой дубовой двери, и Эрик толчком открыл ее.

— Может, тебе провести экскурсию? — предложил он. Глаза его слегка поблескивали.

Я оглядела пустую каменную темницу и покачала головой.

— Я уже бывала здесь раньше, но все равно спасибо.

— Ладно, зайду проведать тебя позже, — сказал он, выходя обратно в коридор.

— Жду с нетерпением.

— Знаю. — Эрик подмигнул мне и закрыл тяжелую дверь.

Я сразу же заметила туалет. Наверное, я каким-то образом успела заслужить это приятное дополнение к своей камере, вот только не знала каким. Как бы то ни было, наличие туалета меня обрадовало. Но теперь я поняла, что умру здесь. Возможно, не в этой темнице, но точно в Ковентри. Это должно было пугать, но меня почему-то не пугало. Вместо того чтобы думать о своей несчастной судьбе, я вспомнила маму и Ами. Здесь, вдали от света и шума, их образы четко стояли у меня перед глазами. Вот мама глубоко задумалась над чем-то и закусила накрашенные губы. Вот Ами принялась рассказывать, какого цвета носки у каждой из ее одноклассниц и как кто-то влип в неприятности, проболтав целый час. В темноте легко было представить, что мы снова устроились в моей комнате и хихикаем над Юной Ландью, которую вызвали из класса, чтобы подвергнуть допросу по поводу ее невинности. Конечно, теперь это уже не казалось смешным.

Теперь, узнав, как далеко может зайти Гильдия, я начала понимать, что именно произошло с Юной. Возможно, ей удалось изобразить, что она ничего не знала, лучше, чем мне. Я догадывалась, что весь этот тест был выдуман Мэйлой вовсе не для того, чтобы

отсеять слабых учениц. Она хотела проверить мою преданность. Сотни людей умерли из-за меня. И кого же я «спасла»? Старую учительницу или смертельно больного ребенка?

В тот момент, когда я окончательно погрузилась в пучину отчаяния, дверь вдруг распахнулась и на пороге возник он — странный парень с разочарованными глазами. Он принес мне еду.

— Неужели ты так сильно по мне соскучилась? — поддел меня он, опуская поднос на пол. Я сидела, съежившись, в углу — мне казалось, что там было немного теплее, чем в остальных местах камеры.

— Не льсти себе. Мой фетиш — холодные тюремные полы.

— Фетиш? Какое слово! — Парень вскинул одну бровь, удивленный тем, что целомудренная призванная знала такой термин.

Мне хотелось сказать, что, в отличие от остальных местных идиотов, я за свою жизнь успела прочесть пару книг. Однако в итоге я решила придержать эту информацию при себе, хотя она и могла произвести на него впечатление. Вместо этого я бросила на парня сердитый взгляд, но и тот оказался недостаточно внушительным, судя по добродушной ухмылке моего собеседника, из-за которой я почувствовала себя одновременно глупой, восхищенной и счастливой.

К моему удивлению, он прошел дальше и сел прямо напротив меня.

— А я-то думал, я предупредил тебя, что стоит помалкивать, — тихо сказал он.

— Наверное, я не слушала, — пожала плечами я.

— Ты добьешься того, что тебя убьют, — произнес он так, будто знал, что мне уже было все равно.

— Я уже мертва. Как и все мы.

— Смерть — это покой, — проворчал он. — Эта полужизнь куда хуже.

Сегодня он не был таким грязным, как в прошлый раз, однако по-прежнему был небрит и неопрятен. А еще он не позаботился о том, чтобы зачесать назад свои выющиеся каштановые волосы. Как же он отличался от моего отца, от его друзей и даже от местных охранников! Ни один из мужчин Арраса, с которыми мне доводилось встречаться, не был так груб и неотесан. Однако, когда наши глаза встретились, от его пронизывающего взгляда у меня перехватило дыхание.

— В этот раз ты гораздо чище, — тут же вырвалось у меня.

— Я не трачу время на маникюр, как остальные, — легко согласился он.

Я решила, что это был выпад в сторону Эрика, однако потом вспомнила, что мой отец тоже полировал ногти.

— Выходит, ты не бреешься. Не делаешь маникюр. Чем же ты тогда занимаешься?

— Я поддерживаю здесь жизнь, — ответил он так, словно это все объясняло.

— И? — нетерпеливо вставила я.

— Технически я старший лакей, то есть служу связующим звеном между службой и Пряхами. Слежу за тем, чтобы все шло гладко. Я услышал, что тебя опять отправили в заточение, и решил, что надо бы зайти тебя проведать.

Я поджала губы и кивнула.

— Что? — спросил он. — Признаю, когда мы встретились, я выглядел уж слишком запущенно — даже для меня. Я работал в саду. Это единственное, чем я занимаюсь для души. Люблю ощущение земли на руках. Это честный труд.

— Моя бабушка занималась садоводством, — ответила я. — Давно, когда разрешения

еще не требовались. Она говорила то же самое.

— Идиотская Гильдия, — воскликнул он. — Держу пари, она по этому скучала. Мне повезло, я могу устанавливать здесь свои правила. Все слишком заняты внешним миром, чтобы контролировать еще и здешнюю жизнь.

— Как вышло, что тебя все еще не убили? — спросила я. — Или хотя бы не бросили в тюрьму? Тебя ведь можно упечь за решетку за каждое слово.

— В отличие от тебя я обращаю внимание на то, с кем именно говорю. У меня есть чутье. — Парень устало улыбнулся улыбкой, которая с легкостью могла принадлежать гораздо более взрослому человеку.

— Но почему со мной?

— Потому что ты бежала, — просто ответил он.

— Но я ведь наверняка не первая, кто пытался бежать. — Я неверяще покачала головой. Вряд ли никто и никогда не пытался ускользнуть из Ковентри.

— Нет, но ты особенная.

— И что же делает меня такой особенной? Или, может, ты ведешь такие разговоры со всеми взбалмошными девицами? — Я вдруг поняла, что принялась флиртовать с ним и, как ни удивительно, это доставляло мне удовольствие.

— Тебя не убили. — Игривое настроение мгновенно испарилось. Парень явно не шутил.

— Выходит, мне повезло быть особенной, — пробормотала я в ответ.

Никто из нас не рассмеялся.

— Почему? — спустя какое-то время спросила я.

— Прошу прощения?

— Почему меня не убили? Я бежала. Родители пытались меня спрятать. Зачем было оставлять меня в живых? — надела я, и парень отвернулся.

— Есть у меня пара мыслей.

— И что это за мысли? — продолжала настаивать я.

— Не уверен, что ты готова это услышать.

— Это попахивает снисходительностью — говорить только то, что я, по твоему мнению, готова услышать, — заметила я, рассердившись из-за его загадочности.

— Я думал, произведу впечатление, отыскав тебя, — ухмыльнулся он, и от моего мрачного настроения не осталось и следа.

— Ты что, пытаешься мне понравиться?

— Люблю изменников.

— И как же ты выяснил, что я изменница? — удивилась я. — Может, вся эта шумиха из-за меня не стоит и выеденного яйца?

— Ты сидишь под замком второй раз за неделю и при этом все еще жива. — Он сощурился так, словно захотел разглядеть в темноте мое лицо. — Или Мэйла завела себе новую игрушку, или у тебя есть что-то, что им нужно.

— Какая-то позиция?

— Мэйла помешана на этом, — фыркнул парень. — Если ты будешь сидеть тише воды, ниже травы и не будешь привлекать к себе внимания, мы сможем все выяснить, Аделиса.

— Слушай, у нас есть проблема, — заметила я.

— Какая? Ты не способна вести себя тихо?

— Нет, то, что я до сих пор не знаю твоего имени. Как я могу тебе доверять?

— Джостен. — Он улыбнулся и слегка прищурил глаза. — Но изменники обычно зовут

меня Джост.

— Приятно познакомиться, Джост. — Я протянула руку и тут же отдернула ее назад, потому что в этот момент меня начала бить крупная дрожь.

— Держи. — Джост снял простой поношенный пиджак и укутал меня в него. — К сожалению, мне придется забрать его, когда я соберусь уходить. Не стоит никому видеть, что я раздаю подарки заключенным. Это может привлечь лишнее внимание уже ко мне.

Пиджак был очень мягким и пах дымом и свежей лавандой. Я кивнула, счастливая уже тем, что мне было тепло хотя бы на несколько минут.

— Тебе не стоит здесь находиться, — сказала я. — За мной могут шпионить.

— Хорошая новость заключается в том, что за заключенными не шпионят. Бледный свет, каменные стены — в чем смысл? — Джост взмахнул рукой. — Плохая новость — в том, что ты права. Они действительно следят за тобой.

— Тогда зачем ты сюда пришел? Как я смогу тебе помочь, если я уже под подозрением?

— Все так, но никто не станет спускаться сюда, так что здесь, в темнице, мы вполне можем разговаривать, — ответил он.

— Верно, — согласилась я. — Но я никак не смогу сейчас залезть на дно, не так ли?

— Да, дурацкая ситуация, — подтвердил он. — Сегодня я здесь лишь потому, что Эрик на побегушках.

— Тебя прислал Эрик?

— Тот милый блондинчик, который привел тебя сюда.

— Я знаю, кто это, и да, он милый, но зачем он прислал тебя?

— Это моя работа — следить, чтобы Пряхи были сытыми и довольными, поэтому милый мальчик прислал меня. Жаль тебя разочаровывать, но, пожалуйста, не говори мне, что он в твоём вкусе.

— Я за него не выйду. Слишком он выхолощенный, — подыграла я. — Хотя ручные собачки всегда такие.

— В точку. — Джост коснулся подола моей юбки.

— Меня бы на роль ручной собачки точно не взяли.

— Да, это уж точно, — заверил он. — И все же я повторюсь: помалкивай.

— Проще сказать, чем сделать.

— Ес-тест-вен-но, — протянул Джост. — Но это необходимо, если ты хочешь выжить. Мэйла может иметь на тебя планы, но она не настолько сентиментальна, чтобы вечно держать тебя поблизости.

— Почему?

— Тебе придется поверить мне на слово.

— Если только твои цели не слишком кровожадны, — пробормотала я.

— Ну и ну, — нахмурился Джост. — Может, я и не говорю тебе всего, но мои интересы схожи с твоими.

Он поднялся, и я сняла пиджак, чтобы отдать его назад.

— Спасибо тебе.

— Пустяки, — сказал он и накинул пиджак.

— Не за пиджак. — Я не знала, как выразить словами то, что творилось у меня внутри. — За компанию.

— Тоже пустяки. Послушайся моего совета, Ади. — Наша словесная пикировка уже подошла к концу, и мое прозвище прозвучало мягко и комфортно, согрев меня, точно

пиджак. — Скоро тебя выпустят. Постарайся больше не искать неприятностей.

Джост оставил меня в темноте, и ожидание возобновилось. Я снова и снова прокручивала в голове его слова. Уж слишком он был откровенен со мной. Возможно, ему было известно что-то такое, что заставляло его доверять мне, или же... Я приказала себе остановиться. О других мотивах думать мне пока не хотелось.

Мысль о том, что здесь они не должны были за мной шпионить, успокаивала. Я ощущала, как течет время. Если бы в камере был очаг, я бы смогла сплести ткань тепла, а возможно, и света.

Еда на подносе давно остыла. У меня были лишь толстый ломоть хлеба да жидкий суп — пища, позволяющая поддерживать в теле жизнь, но не больше. Я бы могла переплести и увеличить ее, но выше головы не прыгнешь — большую часть этих продуктов улучшить было затруднительно. Затем я вспомнила, что обещала родителям никогда больше не создавать еду, и задумалась.

Не то чтобы я сделала что-то плохое. Мне было всего девять, и я не понимала, что творю. Я искренне полагала тогда, что помогаю. Каждый месяц мама выдавала нам маленькую порцию сладостей. Их всегда было немного, а в один месяц в магазине вообще не оказалось сладкого. Мама объяснила, что с сахаром у нас будут проблемы, а потом собрала несколько кусочков шоколада с предыдущего месяца и положила их на самую верхнюю полку буфета. Мы договорились, что оставим их до папиного дня рождения. Не то чтобы я была не в силах отказаться от шоколада ради папы. Я просто не могла позволить Ами попасть в беду.

С того момента, как я впервые увидела ткань в саду, я начала ее изучать, хотя прикасалась к ней редко. А однажды Ами пришла домой из академии вся в слезах. Оказалось, она принесла шоколад на занятия и ее с ним застукали. Тогда-то я и решила, что настала пора действовать.

Чаще всего мы с Ами вместе возвращались домой после занятий, но в тот день меня наказали из-за того, что я замечталась, и задержали после уроков.

— Что ты скажешь своему начальнику, когда он увидит, как ты считаешь ворон вместо того чтобы работать? — холодно спросила моя учительница.

Пока меня отчитывали, я стояла, опустив глаза, но внутри меня клокотали гнев и унижение. А потом я неожиданно обнаружила, что Ами не стала меня дожидаться.

К тому моменту, как я дошла до дома, злость на Ами просто зашкаливала. Я была так сердита, что не сразу заметила, как сильно дрожали ее губы. При виде меня Ами разразилась слезами, и мой гнев тут же испарился.

— Что случилось? — нежно спросила я.

Ами затрясла головой.

— Ты можешь все мне рассказать, — начала я.

Сестра заколебалась, а потом начала пересказывать события дня. В конце концов мне удалось понять, что случилось. Одна из ее подруг предложила всем принести из дома по кусочку шоколада. Они собирались выяснить, у кого кусок больше, но несчастная Ами знала, что мама ничего ей не даст. И тогда она взяла шоколад без спросу.

— Я не собиралась его есть, — всхлипывала Ами. — Я хотела только показать его им, а потом принести обратно домой.

— Все в порядке, Ами, — сказала я, обнимая сестру. — Иди умойся, а я пока подумаю, что можно сделать.

Она посмотрела на меня полными надежды бледно-зелеными глазами, и я увидела, что в них стоят слезы.

— Но я уже смотрела. Там остался только один маленький кусочек, — прошептала она.

— Не беспокойся об этом, — ответила я, пожав плечами. — Я знаю один секрет. Иди умываться.

Ами не поверила, но послушалась меня.

Убедившись, что она в ванной, я залезла на скользкий деревянный стол и достала последний кусочек шоколада. Я не хотела, чтобы Ами видела, как я буду плести шоколадную ткань, но мама пришла с работы, когда я все еще вытягивала шоколадные нити.

— Что ты делаешь на кухонном столе? — удивилась она. — Да еще такая чумазая. Ты что...

Слова замерли у нее на языке, едва она увидела то, что было у меня в руках.

— Это папин шоколад, — тихо сказала она.

— Я ничего не съела, — ответила я, показывая ей кусочки. Их было по меньшей мере вдвое больше, чем вначале.

— Иди в свою комнату, — приказала мама.

Оставив кусочки на столе, я ушла. Я ничего не сказала родителям о том, что натворила Ами. Они решили, что это я съела шоколад, и в наказание меня отослали в свою комнату, где я и сидела до вечера, пока ко мне не пришли родители. Ами все еще побаивалась разговаривать с ними, поэтому осталась в гостиной смотреть телевизор.

— Ты понимаешь, что поступила неправильно? — спросил папа, усаживаясь на край моей кровати. Мама осталась в дверях.

Я кивнула, не поднимая глаз.

— Почему это было неправильно? — спросил он.

Я сжала челюсти. Ответ был мне известен — его годами твердили нам в академии.

— Потому что это нехорошо — иметь больше, чем остальные.

Мама резко выдохнула, как будто ее кто-то ударил. Я подняла голову и посмотрела в ее усталые глаза. Она стояла, отвернувшись, глядя на Ами в соседней комнате.

— Отчасти да, — медленно произнес отец. — Но, Аделиса, это еще и очень опасно.

— Есть слишком много шоколада? — смутилась я.

Отец улыбнулся, но ответила за него мама.

— Опасно использовать твой дар, — сказала она. — Пообещай, что больше никогда не будешь этого делать.

Голос ее дрожал, и я поняла, что мама плачет.

— Я обещаю, — прошептала я.

— Хорошо, — сказала она. — Потому что, клянусь, я скорее оторву тебе руки, чем позволю сделать это снова.

Даже теперь, жуя черствый хлеб, я все еще слышала эхо той клятвы. Я должна была скрывать свои способности. Но что, если Гильдия уже о них знала? Я не имела права вновь подвести родителей.

На следующий день ко мне пришли не Эрик и не Джостен — на пороге собственной персоной возникла Мэйла. В длинном черном платье, с сигаретой в руке, она медленно вплыла в мою камеру. На фоне дверного проема силуэт ее выделялся особенно четко. Примерно так я представляла себе смерть: при полном параде и с сигаретой.

— Аделиса, я почти уверена, что ты нашла свои новые апартаменты довольно скромными, — промурлыкала она.

— Бывало и лучше, — отозвалась я.

— Две ночи назад, — напомнила она, задумчиво выдыхая дым на медный мундштук. — Ты — особенный случай.

Я вспомнила слова Джостена о том, что случалось с другими заключенными. Особенным случаем я была, потому что все еще дышала.

— Я подумала, тебе захочется посмотреть на это, — сказала она, протягивая мне маленький дигифайл. Мэйла провела пальцами по экрану, и на световом дисплее начали мелькать цифры и диаграммы.

— Вот что бывает с теми, кто нарушает правила, — пробормотала она, явно наслаждаясь своей маленькой игрушкой. Я с ужасом поняла, что передо мной были списки людей, убитых во время теста.

— Правила, — тихо сказала я, — не имеют к этому никакого отношения.

— Когда я приказываю тебе удалить слабую нить, ты это делаешь, — прорычала она, мгновенно сбросив маску равнодушного спокойствия.

— Иначе вы поубиваете кучу народа? — выплонула я, не в силах сдержать дрожь ненависти в голосе.

— Примеры, — протянула она, изо всех сил стараясь вернуть утраченное спокойствие, — нужны для того, чтобы показать важность нашей работы. Можешь прикидываться жертвой, Аделиса, но ты виновна не меньше меня. Если ты не в состоянии принять тяжелое решение ради блага остальных, ты ставишь под угрозу всех нас.

— Сестра Прианы оказалась на том куске ткани не случайно, — обвиняюще сказала я, но Мэйла проигнорировала мои слова.

— Похоже, ты не выучила урок, — произнесла она между затылками.

— Может, и не я одна.

Мэйла улыбнулась, и на этот раз улыбка была настоящей — не из тех, что она посылала остальным. Она отличалась и от обычной ухмылки, которую Пряха приберегала для меня. На лице Мэйлы тут же проступили морщины, которые она изо всех сил старалась скрыть при помощи косметики. Обнажились десны. Выглядело это отвратительно.

Но невозмутимое выражение быстро вернулось на лицо Пряхи.

— Я собираюсь дать тебе еще один шанс. Обычно мне не свойственно такое великодушие.

Я тут же представила всех тех, кого она обошла своим великодушием. Стгноили ли этих людей в камере или просто вырвали нити неудобных жизней из ткани?

— Что происходит? — спросила я. Перед глазами у меня стоял пучок свисающих с крючка нитей.

— Что происходит когда?

— Когда вырывают нити. Куда их девают?

Мэйла улыбнулась вновь, но теперь улыбка ее была полна яда.

— Возможно, тебе лучше вернуться в класс и выяснить это, вместо того чтобы прохлаждаться в камере.

Она оставила меня размышлять над ее словами. В глубине души я понимала, что на некоторые вопросы мне не суждено было получить ответа. И нора правда не смогла объяснить мне этого раньше. Вот только зачем было скрывать суть действия, которое

являлось неотъемлемой частью нашей работы?

Разве что вырванные нити можно было хранить.

Глава седьмая

Я так ожесточенно кусала губы, что они потрескались, и теперь во рту постоянно ощущался металлический привкус крови. Держаться тише воды, ниже травы мне было слишком тяжело — ведь Приана осталась в моей группе. Мэйла официально освободила меня через несколько дней после нашего разговора, и, хотя я тщательно продумала каждый свой шаг, после возвращения я вновь оказалась в изоляции. Мне хотелось все объяснить, но слова никак не шли. Остальные призванные держались со мной так же холодно, как и Приана. Наш поединок с Мэйлой не произвел на них никакого впечатления. Легко было понять, о чем они думали. Примерно так же относились ко мне девочки на тестировании, которые считали меня неуклюжей дурочкой. Кто знал, может, они и были правы. И вот, я уже снова шла на инструктаж в мастерскую, не говоря Приане ни единого слова. Возможно, это уже не имело значения. Понятно было, что она возложила всю вину за смерть сестры на меня. Гораздо проще было винить меня, чем Мэйлу. И гораздо безопаснее.

Мы снова работали на станках. На этот раз, после жуткого первого опыта, нам выделили три дня на тренировку с имитационными кусками и лишь затем позволили взяться за настоящую ткань. Учебные образцы не трепетали под пальцами, но работать с ними было куда проще. К концу первой практической сессии я реабилитировалась сполна. Вот только большинство других девочек, как назло, провалились, опять оставив меня в одиночестве. Они оказались вполне сносными Пряхами, однако работали небрежно, или чересчур медленно, или слишком неуверенно. К концу практики все мы блестяще освоили продовольственное обеспечение, однако мы с Прианой отделились от остальных. Мы обе работали с погодой, и я уже начала надеяться, что благодаря этому нам однажды представится шанс поговорить.

Я знала, что Приана скорбела, но не ожидала, что она ударит меня. После нескольких дней в камере без еды и воды я была истощена, и Приане легко удалось сбить меня с ног. Мне хотелось думать, что меня просто застали врасплох, но, в общем-то, мне еще ни разу не приходилось ни с кем драться. Я не могла винить Приану за ее гнев. Мне бы очень хотелось избить кого-нибудь за то, что Гильдия сделала с моей семьей.

— Обещаю тебе, — сказала Приана, наклонившись вперед так, что ее дыхание обдало мое лицо жаром, — что рядом со мной твоя жизнь превратится в ад.

— Предельно ясно, — сплевывая кровь, прошептала я.

Приана была не в восторге от моего ответа. Глаза ее сузились до двух маленьких щелочек. Происходящее было просто смехотворно. Мэйла добила своего. Я хотела помочь Приане, выйдя к станку вперед нее, но откуда мне было знать, что в тот кусок ткани была вплетена ее сестра?

Однако это не могло помешать ей возненавидеть меня.

Приана села на свой стул и вернулась к работе с утроенной яростью. Наверное, произошедшее должно было расстроить меня или по крайней мере разозлить, но я вспомнила Ами, вспомнила светлые локоны у нее над ушами. То, что случилось с ними, с обеими нашими сестрами, было моей виной. Я понимала это.

Наша наставница — пожилая Пряха, которой следовало бы наносить поменьше косметики, — ничего не заметила. Она порхала от одной призванной к другой, контролируя и направляя работу каждой. Она была прекрасным учителем. При мысли о том, сколько

девочек в Ромене получили в День распределения профессию учителя, мое сердце сжалось. Меня в их числе не было. Теперь мне предстояло соткать небольшой дождь в северо-западном регионе нашего сектора.

Мой станок был больше, чем у других, его трубки и колесики занимали целый угол. Это новейший станок, на котором инструктор обычно демонстрировал примеры выполнения практических заданий. Остальные станки были гораздо меньше, некоторые даже заржавлены, но все в рабочем состоянии. Они стояли настолько близко друг к другу, что Пряхи порой мешали друг другу работать. Приана устроилась за одним из таких, и это стало еще одной причиной ненавидеть меня. Я вздохнула, размышляя о том, как долго это собиралось продолжаться и можно ли было вновь завоевать ее доверие. Однако отвлекаться я не имела права.

Работать с погодой было гораздо сложнее, чем с едой, потому что нити дождя и снега вплетались в канву облаков, а те, в свою очередь, являлись частью ткани неба.

Распределение еды было самой легкой задачей. I lain материал просто становился частью элементарной цепочки от фермеров в магазины. Люди сами выращивали растительную пищу, разводили скот и ухаживали за ним. Нам оставалось лишь им летать новый материал в ткань недавно построенных ферм, а затем обеспечивать распределение урожая по всему Аррасу. В этом заключались азы ремесла Прях — отыскать нить, переместить ее на повое место и переплести с остальными. Так вызревал урожай, а затем еда доставлялась из фермерских хозяйств в магазины. Работа была чудовищно скучной, но именно ей каждый день с утра до ночи занималась целая тысяча Прях по всему Аррасу. Две сотни работали здесь, и я изо всех сил надеялась, что не попаду в их число. Хотя я могла побиться об заклад, что Мэйла была бы счастлива видеть, как я час за часом, день за днем трудилась бы над столь примитивными заданиями.

Формирование погоды давало простор для творчества. Материалы для нас собирались в специальных секторах. Никто не вдавался в подробности этого процесса — нам показали лишь несколько фотографий огромных машин и фабрик, где занимались прядением и упорядочиванием нитей. Я брала серые нити дождевых облаков и золотые искорки молний и сплетала их вместе, а за тем помещала их на станок в указанную обшить. Процесс был небыстрым. Элементы нужно было добавлять постепенно, чтобы буря разразилась в четко намеченный срок и не стала сюрпризом для людей. Иначе, как сказала моя наставница, они могли просто слететь с катушек. Стоило мне допустить несколько ошибок, и меня снова отправили бы заниматься чем-нибудь элементарным вроде пищевой цепочки. Время на станке никогда не останавливалось, его нити медленно, но верно съедали все, что мы добавляли в ткань, поэтому я должна была действовать максимально точно и быстро. В противном случае место, за которое я была ответственна, могло бы погрузиться в абсолютную тьму. Такое случилось однажды, когда я была совсем маленькой: тогда родители отправили нас с сестрой на чердак, чтобы мы переждали там. Ничего опасного в этом не было, но в семь лет увидеть, как небо вдруг заволакивает чернота, было ужасно страшно, и после этого мне еще несколько недель снились кошмары.

Мне нравилось прикасаться к погодным нитям, к тому же работать на станке было гораздо проще, чем сплести ткань голыми руками. Никто из здешних прях не умел работать без станка, и, честно говоря, я была этому только рада. Дождевые облака клубились у меня между пальцев, а когда я добавляла их на небо, в них вспыхивали искры. Где-то на северо-востоке началась буря, и первые молнии предупредили о ней тех, кто по каким-то причинам

пропустил прогноз погоды. Я бы хотела ненавидеть эту работу, но ткать дождь было очень приятно. Это успокаивало, наполняло меня ощущением жизни. Канва получалась великолепной — ткань сверкала и переливалась насыщенными цветами.

— Аделиса, — наставница отвела меня в дальний угол. Несколько девочек кинули в нашу сторону быстрые взгляды и тут же отвернулись. Очевидно, они думали, что я опять влипла в неприятности.

Но в углу нас ждал еще один человек — Приана. И вид у нее был не слишком радостный.

— Меня просили отвести вас обоих к джентльмену, который ожидает в коридоре, — тихо сказала наставница.

Приана бросила на меня испуганный взгляд. Мы подумали об одном и том же: неужели нас собирались наказать за драку? Конечно, это она полезла драться первой, но правила оставались правилами.

— Все в порядке, — успокоила нас учительница. — Вы продвинулись вперед: вас обеих зачислили в Пряхи.

К моему удивлению, эта новость принесла мне несказанное облегчение. Мне не терпелось узнать больше о том, как на самом деле выглядела жизнь в Ковентри. Но была во всем этом и ложка дегтя: вместе со мной продвигалась Приана. Не знаю, с чего Джост решил, что Мэйла хотела оставить меня в живых, — сама я была уверена в обратном: они с Прианой с нетерпением ждали моего провала.

В коридоре стоял Эрик. Сегодня на нем был темно-синий шерстяной костюм в едва заметную полоску. Удивительно, как много я стала замечать, поработав Пряхой всего неделю: ткань была просто изумительна, а костюм великолепно облегал фигуру юноши. Эрик откашлялся, и я быстро опустила глаза.

— Я имею честь известить вас обеих о повышении. Вы будете переведены в мастерскую для начинающих и скоро встретитесь со своими наставницами, чтобы обсудить грядущие перемены.

Все это Эрик произнес абсолютно без эмоций. Наверное, ему уже приходилось произносить эту речь не меньше сотни раз. Судя по всему, когда Мэйла была занята, рядом с нами всегда оказывался Эрик.

— Приана, твои личные вещи перенесут на верхние этажи башни.

— Личные вещи? — изумилась я.

Головы обоих повернулись ко мне. Приана первой поняла, что я имела в виду, и на лице ее отразилось злорадство.

— Ну да, — с улыбкой ответила она. — У каждой из нас есть вещи, которые много для нас значат. Одежда, фотографии родных.

На последних словах улыбка исчезла с ее лица, уступив место боли. Я не знала точно, подтвердил ли кто-то информацию о смерти ее сестры, однако подозревала, что это случилось.

— Но тем, кто пытается бежать, личные вещи иметь не полагается, — сверкнув глазами, закончила она.

— Я догадалась, — сказала я, подвинувшись ближе к Эрику и подальше от нее.

— Ты теперь словно вообще никогда не существовала.

— Я хотя бы не кидаюсь с обвинениями на ни в чем не повинных людей, — выкрикнула я прежде, чем успела взять себя в руки.

Ноздри Прианы свирепо раздулись, но она быстро нашла ответ.

— Что? Думаешь, раз я в тот день не произвела устранение, значит, я тебе не ровня?

— Я думаю, ты не произвела устранение, потому что была напугана, а потом решила вылить всю свою злобу на меня.

— В этом ты сильно ошибаешься, — прорычала Приана. — Все случилось по твоей вине. И не пытайся отрицать это. Можешь убеждать себя в чем угодно, но правда в том, что ты провалилась. Мэйла тестировала тебя. Ты не выполнила задание.

Тут она меня подловила. Я не знала, что сказать в ответ.

— Аделиса, — вступил в разговор Эрик, словно не заметив нашего спора. — Ты остаешься в прежних апартаментах.

Я постаралась обрадоваться тому, что мне не было нужды съезжать из своей уютной комнатки. Приана со своими личными вещами могла идти к черту.

— Теперь мы будем видеться гораздо чаще, — добавил Эрик, протянув руку Приане. — Можете звать меня просто Эриком.

— Видеться чаще? — Что-то в его словах заставило мою кожу покрыться мурашками.

Эрик выглядел так, будто это его радовало.

— Хотя вас и переводят на верхний уровень, вы по-прежнему под наблюдением. Несколько следующих месяцев уйдет на то, чтобы оценить ваши способности и определить вас на подходящие позиции.

— А остальные присоединятся к нам? — торопливо спросила Приана, словно прочитав мои мысли. Я еще помнила тот день, когда мы почти стали подругами.

— Мы будем держать остальных девочек под наблюдением, пока не убедимся, что среди них больше нет Прях. Некоторые, возможно, займутся продовольственными вопросами, но им вряд ли удастся продвинуться выше.

Больше нет Прях? Я не могла поверить, что они выяснили все так быстро. Неужели остальных вот-вот собирались отправить шить одежду и работать на кухне? Я была рада, что мне не суждено было увидеть, как исчезнет восхищенное выражение с их лиц. Они бежали навстречу гламурной жизни, а вместо этого готовились стать портнихами и уборщицами. С другой стороны, я была рада и тому, что их не выбрали. Гильдии не нужны были чересчур экзальтированные особы. Таким людям, как Мэйла, они приходились не по вкусу.

— Знаешь, Эрик, — внезапно обрушилась на него Приана, — всем нам интересно, почему Аделиса живет в высокой башне.

Его ответ был настолько хорошо отрепетирован, что я почти увидела, как замерло время.

— Мэйла ничего не делает без причины.

Он не мог бы сказать больше. Приану, казалось, устроил его ответ. А может, она была слишком умна, чтобы задавать дополнительные вопросы.

— Приана, ты встретишься со своей наставницей здесь. — Эрик распахнул огромную металлическую дверь и быстро убрал руку подальше от руки девушки. Слишком быстро. Приана заметила это и тихонько проскользнула внутрь.

— Нас будут обучать по отдельности? — как можно более невинно спросила я, как только Эрик захлопнул дверь.

— Нет, — ухмыльнулся он. — Я просто ненадолго вывел тебя из-под удара.

Я постаралась скрыть изумление, но у меня получилось не очень хорошо.

— Спасибо Аррасу.

— Сделаю вид, будто ничего не слышал, — рассмеялся Эрик и предложил мне руку.

Я взяла его под локоть. Получилось немного неуклюже, ведь я еще ни разу не ходила так рядом с мужчиной.

— Могу я тебя кое о чем спросить? — чересчур поспешно выпалила я.

— Конечно, — беспечно ответил он, и меня удивило, как свободно он себя вел в отсутствие Мэйлы.

— Как ты здесь оказался?

— Это длинная история, — вздохнул он.

— Думаю, у большинства из нас длинные истории.

— Ты права, — согласился он. — Я, в общем-то, сбежал из дома, а теперь мне некуда возвращаться. Мне было всего пятнадцать, но Гильдия согласилась принять мою кандидатуру, когда стало очевидно, что у меня есть кое-какие качества, благодаря которым я идеально подхожу на роль личного помощника Мэйлы.

— Кое-какие качества?

— Я обладаю тем, что, пожалуй, можно назвать гибкостью принципов. — Эрик ухмыльнулся и замедлил шаг.

— Твои родители умерли?

На лицо его тут же набежала тень. Эрик кивнул, а затем быстро сменил тему.

— Джостен хорошо о тебе позаботился в тот день?

Вопрос на миг поставил меня в тупик, а потом я вспомнила, что именно Эрик послал его ко мне, и ответила утвердительно.

— Я прошу прощения, что не смог заскочить: у меня появилось несколько важных дел. Мэйла бывает весьма грозной, особенно когда ей бросают вызов.

— Я заметила.

— Я больше не хочу отправлять тебя в камеру, Аделиса, так что не могла бы ты быть немного более...

— Милой? — предположила я.

— Послушной, — поправил он, и меня передернуло от этого слова.

— Я как никто другой знаю, какой невыносимой может быть Мэйла, но здесь балом правит она, так что послушайся моего совета, — умоляюще произнес он.

Инора ожидала меня в удивительно просторной комнате. Окна с одной стороны выходили во внутренний дворик. Они были так похожи на настоящие, что мне захотелось выглянуть наружу и почувствовать на лице дуновение ветра. Окна на противоположной стене выходили на море. Сегодня оно было спокойно, безупречно отражая безоблачное небо. Видимо, эту программу выбрали специально для того, чтобы сделать меня более покладистой. Напротив окон с видом на море стоял небольшой железный станок.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — с порога спросила Инора.

Я улыбнулась. Мне казалось, что она была всего лишь на пару лет старше меня, но при этом носилась со мной, как мама-кураца со своим цыпленком.

— Прекрасно, — ответила я, гадая, заметит ли она, что у меня расквашена губа.

— Инора, ты отведешь ее в ее комнату, когда вы закончите? Или лучше мне это сделать? — спросил Эрик, стоя в дверном проеме.

— Я справлюсь, — ответила она. — Спасибо за помощь.

Несмотря на то что мне очень нравилась Инора, я немного пожалела о том, что с Эриком пришлось расстаться.

— Да, Эрик, спасибо.

— Всегда пожалуйста, — кивнул он и исчез.

— Он такой очаровашка, — заметила Инора.

Мои глаза округлились.

— Я бы так не сказала.

— Это не мое дело, но... А ладно, не бери в голову. — Инора одернула мой жакет. —

Нам и без того есть о чем поволноваться.

— Неужели у нас закончилась тушь? — в притворном ужасе воскликнула я.

— Как бы я ни любила твой сарказм, тебе придется прикусить язычок. Тебя пригласили на внеочередное собрание совета.

— Какого совета? — Я судорожно пыталась вспомнить название всех отделов, о которых нам рассказывали на этой неделе, но никак не могла ничего припомнить о совете.

— На него приходит лишь ответственный за обучение да официальный посол Гильдии в Ковентри.

— Кормак? — с ужасом спросила я.

— Единственный и неповторимый, — согласно кивнула она, приглашая меня выйти в коридор.

— Так Кормак и есть совет?

— Нет, в него входит еще и Мэйла, но ее на встрече не будет.

— Кормак и Мэйла представляют собой совет, который всем здесь заправляет? Это многое объясняет, — пробормотала я. Мне стало дурно при воспоминании о нашей последней встрече. Это было в кафе на станции Нилас, и он пытался заставить меня поесть. Выходит, он уже тогда знал, что меня посадят на голодный паек. Я не понимала, как к этому относиться.

— Это Мэйла устроила? — спросила я так тихо, чтобы мой голос не могли считать с мониторов.

— Официально нет, — прошептала Инора. — Но на самом деле да.

— Прекрасно, — произнесла я, пытаюсь угадать, что еще они придумали, чтобы унижить меня. И внезапно все поняла.

Ами.

В ходе прошлого разговора с Кормаком я пребывала под действием «Вэлпрона» и потому не слишком хорошо запомнила беседу, но теперь, если сестра все еще была у них, наказывать явно собирались не меня.

— Аделиса, — сказала Инора, коснувшись моей руки.

Я не пошевелилась.

— У тебя все в порядке, — мягко проговорила она.

— Да неужели? — Учитывая, сколько времени я провела в тюрьме, мне не слишком в это верилось.

— Идем. — Я позволила Иноре вести меня дальше.

— Если у меня все в порядке...

— Мэйла, — едва слышно прошептала Инора.

— Из-за того, что она сотворила с академией?

— Из-за многих вещей, — нахмурилась Инора. — Мэйла переступила границы дозволенного в Западном Ковентри. Она даже не позволила мне прийти проведать тебя, хотя это не в ее компетенции.

«Тогда почему ты не пришла?»

— Я думала, она может все, — возразила я.

— Тебе еще многому предстоит научиться, — невесело усмехнулась Инора. — Теперь, когда тебя перевели в Пряхи, ты будешь обедать с остальными и скоро узнаешь, как работает система. Поверь мне, Мэйла — мелкая сошка, до верхушки Гильдии ей очень далеко.

Мои брови поползли вверх.

— Тогда можешь объяснить, какова иерархия Гильдии? Похоже, в академии нам рассказывали совершенно другое.

— В основном все правда, — начала Инора. — Гильдия состоит преимущественно из мужчин, однако в ней есть и женщины. Они выполняют некоторые виды работ и занимают высокие должности. Например, Прях. Но есть и другие: секретари, медсестры, личные помощники...

— Как и везде в Аррасе? — уточнила я. В этом не было ничего необычного или интересного.

— Да, но Гильдия стремится выведать секреты каждого Ковентри, получить информацию, которую стараются не придавать огласке. Гильдия контролирует происходящее, отдает приказы и при необходимости следит за соблюдением дисциплины. Порой мне кажется, что Мэйла лелеет мечту о повышении в должности, чтобы ей разрешили перемещаться из сектора в сектор, из Ковентри в Ковентри.

— А это возможно? — спросила я.

— Не думаю, — ответила Инора. — Вряд ли Гильдия поднимет женщину до уровня политика. Но ей на это плевать. Если женщина и способна в принципе преодолеть установленные Гильдией должностные границы и выдвинуться за пределы Ковентри, я бы ставила на Мэйлу.

— Не то чтобы мне хотелось еще больше раздувать эго Мэйлы, но разве сейчас она не занимает весьма влиятельную позицию?

— Она находится примерно на одном уровне с Кормаком, — пояснила Инора. По мере нашего движения ее голос становился все тише. Видимо, мы вот-вот должны были прийти. — Официально он является голосом Гильдии, который рассказывает людям о работе Ковентри. Граждане Арраса считают его приятным посредником между Пряхами и остальным населением.

— А неофициально?

— Он держит нас в узде. Может, он и не называется министром, но власти у него не меньше. Не позволяй ему одурачить себя. Для этого он сюда и приехал.

— Но зачем втягивать во все это меня? — удивилась я.

— Хороший вопрос, — вздохнула Инора, и я подумала, что она, должно быть, сетовала на судьбу за то, что ей пришлось быть наставницей такой проблемной ученицы.

— Тебе ничего не говорили? — Я не думала, что мой вопрос мог оказаться обидным, однако Инора недовольно поджала губы.

— Нет, не говорили, Аделиса.

— Здесь вообще никому ничего не говорят, — заметила я. — Наверное, спрашивать глупо, но тебе не удалось ничего узнать о моей сестре Ами или о моей матери?

Я задала этот вопрос, и мой желудок сжался от страха.

— Прости, — покачала головой Инора. — Единственный человек, который обладает хоть какой-то информацией, сейчас в отъезде.

— В отъезде? — удивилась я. — Это что, политик?

— Нет, это одна из нас, — дружелюбно ответила она, и я поняла, что больше Инора ничего не могла мне поведать.

Я больше не задавала вопросов, хотя они по-прежнему роились у меня в голове. Инора подвела меня к красной лакированной двери и деликатно постучала. Дверь тут же распахнулась.

— Да? — спросил одетый в черное офицер специального подразделения Гильдии. На нас он даже не взглянул.

— Все в порядке, — раздался голос из глубины комнаты. — Это мои гости.

Офицер сделал шаг в сторону, и мы прошли в гостиную. Свет был очень тусклым. Возможно, всему виной были тяжелые бархатные шторы, закрывавшие огромные окна. И все же мне удалось рассмотреть роскошные диваны и расставленные в нужных местах кожаные стулья, цвет которых различить в полутьме не представлялось возможным. Кормак сидел у мраморного камина, держа в одной руке коктейль, а в другой — сигару. На нем красовался все тот же неизменный двубортный пиджак, вот только воротник рубашки был расстегнут, а с пуговицы уныло свисал галстук-бабочка.

— Скучала по мне? — спросил он.

— Времени прошло маловато, — ответила я.

— Уверен, тебе оно показалось вечностью, — заметил он, внимательно оглядывая меня с ног до головы. — Аделиса, ты выглядишь... истощенной.

— Кормак, ты выглядишь чересчур нарядным.

— Хорошо, — фыркнул он. — Сейчас внешний вид определяет положение.

Стоящая за моей спиной Инора начала волноваться.

— А ты кто такая? — Кормак повернулся к ней и подслеповато прищурился в темноте.

— Инора, — скромно ответила она. — Я наставница Аделисы.

Стоило отдать ей должное, голос Иноры звучал спокойно.

— Приятно познакомиться, Инора, — сказал Кормак, отхлебнув из бокала. — Я провожу Аделису в ее покои, когда мы закончим.

— Я не против остаться, — отозвалась она.

Кормак хмыкнул так, словно заявление это было чересчур смелым, а затем покачал головой.

— В этом нет необходимости.

Инора бросила на меня виноватый взгляд и выскочила за дверь. Я осталась один на один с официальным послом Гильдии двенадцати.

— Садись, — скомандовал он. — Коктейль?

Я потрясла головой.

— Как хочешь. — Он отставил бокал в сторону, и из тени тут же появилась фигура, готовая наполнить его вновь.

У меня перехватило дыхание, и я отвернулась, надеясь, что Кормак не заметил моей реакции.

— Желаете что-нибудь еще? — спросил его Джост, а я почувствовала, как покраснели мои щеки. В этот момент я стала ужасно благодарна тяжелым портьерам.

— Не сейчас, но на всякий случай оставайся поблизости, — безразлично ответил Кормак.

— С удовольствием, — пробормотал Джост, после чего наши взгляды пересеклись.

Увидев выражение его лица, я готова была поклясться, что об удовольствии не шло и речи. Спустя миг он снова растворился в тени.

— Итак, ты вызвала неприятности, — сообщил Кормак, потягивая виски.

Я молча разглядывала кусочек льда в его бокале.

— Мэйла, как обычно, перешла все границы, — продолжил он. — Технически она твой начальник.

— Технически? — удивилась я.

— Неужели ты думаешь, что мы оставляем в живых всех девочек, которые вырывают тоннели под своими домами?

— Тогда почему оставили меня?

— Твои способности на тестировании были признаны из ряда вон выходящими, — пояснил он, затем поставил бокал на столик и подался вперед.

— И почему ты единственный, кто предоставляет мне хоть какую-то информацию? — спросила я, откидываясь в кресле.

— Наверное, потому, что я знаю больше, чем остальные.

— Но и они знают больше, чем говорят, — настаивала я. От тяжелого мускусного запаха одеколона Кормака у меня начала кружиться голова. Мысли мои расплывались.

— Возможно, — согласился Кормак, — но у меня куда больше власти. Гораздо проще узнавать чужие секреты, когда стоишь у руля.

— А ты стоишь? — с издевкой спросила я. — Но зачем рассказывать мне? У тебя ничуть не больше причин откровенничать со мной, чем у остальных.

— Ты права, — ответил он, — однако, в отличие от остальных, я могу тебя убить.

— А я-то думала, мы наконец подружились.

Кормак разразился прерывистым, лающим смехом.

— Как же ты восхитительна. Надеюсь, мне не придется тебя убивать.

— Ну вот, хоть в чем-то мы пришли к согласию.

Он наклонился вперед и положил руку мне на колено.

— Ты можешь стать тут самой влиятельной девочкой, но для этого надо правильно разыграть карты.

Я дернула коленом и скрестила ноги.

— Я здесь для того, чтобы Мэйла тебя не убила, — сказал Кормак, выпрямляясь в кресле, — но ты не собираешься упрощать мне работу.

— А если она все же убьет меня?

— Тогда мы вырвем ее нить. — В голосе его не было ни капли сожаления.

— А она об этом знает?

— Я говорил с ней, — заверил меня он. — Естественно, после нашего разговора она возненавидела тебя еще больше.

— Великолечно.

— Тебе бы лучше перестать выводить всех из себя и задуматься о своем благополучии, — веселые нотки пропали из его голоса. — Я могу удержать ее от твоего убийства, но, пока ты подчиняешься ей, ты в ее власти.

— И как же мне вести себя?

— Во-первых, начинай делать свою работу. А потом отправляйся на поиски союзников.

— Инора уже говорила, что мне нужно завести друзей.

— Тебе нужен не просто друг, — заметил он. — Единственный шанс выскользнуть из-

под контроля Мэйлы — это найти кого-то более могущественного, чем она.

— Какие будут предложения?

— Есть у меня один человек на примете.

Я почувствовала, как он ощупывает взглядом мои ноги, и выпрямилась в кресле. Краем глаза я заметила, как в тени пошевелился Джост.

— Аделиса, ты присоединишься ко мне в промотуре по Аррасу в эти выходные. Твоим стилистам уже дали необходимые рекомендации, и, думаю, твоя наставница...

— Инора, — напомнила я.

— Да, она, — подхватил он. — Она познакомит тебя с требованиями протокола.

Я судорожно сглотнула и кивнула.

— Видишь? Все просто.

— Могу я тебя кое о чем спросить?

— С каждым днем ты становишься все вежливее. — Кормак приподнял одну бровь, и я решила, что он согласен.

— Вы нашли мою мать? — Смертельная угроза витала в воздухе, и мне показалось, что спросить об этом было самое время.

— Держись. — Он дернул головой, чтобы активировать имплант и обратился к девушке по имени Пенни: — Вы не пошлете мне информацию о субъекте Льюис-два?

Мои глаза вновь обратились к Джосту, который вышел из темноты на свет. Он улыбнулся плотно сжатыми губами, должно быть, решив меня поддержать.

Субъект. Неодушевленный предмет. Было ужасно слышать такое о своей матери.

— Спасибо, куколка. — Кормак перевел взгляд на меня. — Ее нашли во время зачистки Ромена и устранили.

— Ее вырвали? — с огромным трудом выдавила я из себя.

— Это стандартная процедура, намного более человечная, чем то, как я обычно поступаю с изменниками.

Я вспомнила теплую липкую кровь на полу нашей столовой и поняла, что сама не понаслышке знала, как он и остальные члены Гильдии обращались с преступниками.

— Ты, — подозвал он Джоста. — Вызови сюда ассистента Мэйлы.

Джост что-то проворчал из своего угла, а затем передал приказ по небольшой коммуникационной панели.

— Аделиса, еще кое-что.

Подняв глаза, я постаралась не расплакаться.

— У нас будут телевизионные репортажи. Уверен, ты помнишь, что это такое.

Я снова кивнула. Репортажи Гильдии смотрели в каждом доме. В основном в них показывали всякие вечеринки и интервью с самыми крупными политиками. Вещание было автоматическим, и родители разрешали нам смотреть телевизор по вечерам, когда все дела были уже сделаны. Мы с Ами были совсем маленькими, и вид облаченных в дорогие наряды Прях тогда приводил нас в свинячий восторг. Теперь же и я была одной из них.

— Помнишь, о чем мы говорили в нашу первую встречу?

Я задумчиво наклонила голову и начала перебирать в памяти все события той ночи. Я всем сердцем ненавидела обрывочные воспоминания, которые остались у меня от призыва. Тогда я видела родителей в последний раз, и, если бы мне пришлось выбирать, что именно стоит запомнить, это уж точно не были бы события, связанные с Кормаком.

— Дурацкий «Вэлпрон», — прорычал он и снова дернул головой. — Пенни, главный

медик на призыве Льюис. Размести запрос на устранение.

Я резко выдохнула, а Джост в углу подался к нам, но из тени не вышел.

— Ужасная некомпетентность, — пояснил мне Кормак.

В голосе его не было гнева — он уже думал о чем-то другом. Наверное, его несчастный секретарь ненавидела свою работу.

— Я сказал тебе, — продолжил он, — что мы схватили кое-кого из твоих близких, а затем ты прекрасно выступила по телевидению.

— Как жаль, что вы уже убили ее, — ответила я с болью в голосе.

— Нет, я не о твоей матери, — отмахнулся он. — Я о сестре. Как ее имя?

— Ами, — еле слышно проговорила я.

— Ее нить переплели, и мне сказали, что она счастлива и находится в безопасности.

— Счастлива? — недоверчиво произнесла я.

— Мы кое-что в ней изменили, — пояснил он.

— И стерли все воспоминания о нашей семье. И обо мне. — Меня охватила такая злость, что слезы на глазах тут же высохли.

— Одна из лучших Прях Северного Ковентри зачистила ее нить, — покровительственным тоном сказал Кормак.

— Да что это вообще значит? — прорычала я. — Сначала вы зачистили мой город, а теперь и ее нить?

— Мы уже много лет используем эту процедуру. Если ребенок показывает предрасположенность к насилию или неподчинению, мы немного изменяем его мозг. Такой метод позволяет проследить нити мышления отдельного индивида, а затем изолировать проблемные места, не повреждая при этом их естественное развитие.

— Получается, вы выясняете, как функционирует их мозг и как в нем хранятся воспоминания? Но как это можно изменить? — спросила я, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Мы можем подделать часть нити и просто добавить в нее новую информацию. Техника все еще совершенствуется, — ответил Кормак. — Однако уже сейчас она весьма действенна. Подобным образом действуют пакеты обновления, которые укрепляют старые нити. Когда-нибудь нам удастся объединить обе техники, и мы сможем решать глобальные задачи — контролировать поведение и даже старение человека.

Я вздрогнула от этой мысли, однако меня ничуть не удивило, что такие, как Кормак, мечтали победить старение.

— Если Ами уже совсем другой человек, я не думаю, что наша сделка все еще в силе, — возразила я, надеясь, что Кормак выдаст больше информации о том, где находилась моя сестра и что с ней случилось.

— Экран, — скомандовал Кормак, и мраморная панель покрылась яркими световыми пятнами. — Служба обнаружения.

— Личность? — спросил откуда-то из-под потолка приятный голос.

— Кормак Паттон.

— Субъект?

— Субъект Льюис-четыре. Ами? — неуверенно добавил он и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула.

Абстрактные пятна слились воедино, постепенно формируя силуэт маленькой девочки. Мы видели ее со спины: она шла вместе с другой девочкой по длинной, усаженной

деревьями аллее.

— Перестройка изображения. Идентификация черт, — коротко бросил Кормак.

В этом не было необходимости. Волосы девочки растрепались, и я сразу заметила мягкие золотистые локоны над ушами. Я отвернулась от экрана, на котором показывали смеющуюся Ами с ее новой подругой. Она была счастлива. Мое сердце готово было расколоться на куски.

— Никакого вреда, — заметил Кормак. — Ну что, ты согласна?

— А у меня есть выбор? — еле слышно спросила я.

— Конечно, — ответил он. — Только постарайся быть благоразумной.

— Увидимся завтра, — тихо произнесла я, с трудом сдерживая слезы. Вряд ли он понял, что я сказала, но не стал меня переспрашивать. К счастью, в этот момент в дверь громко постучали. Я больше не могла оставаться с Кормаком наедине. В комнату зашел Эрик, который направился прямо к нему.

— Ты ассистент Мэйлы? — спросил Кормак, презрительно глядя на длинные светлые волосы Эрика.

Тот улыбнулся и протянул руку.

— Я Эрик, сэр.

Кормак встал и пожал протянутую руку, а затем взял Эрика за плечо и развернул юношу лицом ко мне.

— Проводи мисс Льюис в ее апартаменты. Ах да, и еще, Эрик!

— Да, сэр?

— Не распускай руки.

— Конечно, — невозмутимо ответил Эрик.

Кормак отпустил плечо юноши и посмотрел в угол.

— Доставьте сюда еду. Мотокарета должна быть готова через час, — сказал он Джосту.

— Сэр, — кивнул Джост и вышел из комнаты, успев вскользь посмотреть на меня.

При виде Джоста Эрик недовольно скривился. Я никогда бы не подумала, что он был таким снобом.

— Мисс Льюис? — Как только Джост ушел, Эрик тут же предложил мне руку.

Я поспешно выбежала в коридор, чтобы не расплакаться в этой комнате.

— Да-да, — похлопал меня по руке Эрик. — Посол Паттон оказывает на меня точно такое же впечатление.

— Извини, — прошептала я, попытавшись улыбнуться.

— Не стоит, — ответил он. — Приятно пообщаться с кем-то, кто способен испытывать больше двух эмоций. Впереди меня ждет гнев Мэйлы, так что твоя компания — это просто рай.

— Думаешь, она будет злиться?

— Паттон — просто гад. Он послал за мной, чтобы поставить Мэйлу на место, напомнить, кто здесь главный. За сегодняшний день я бегал к нему раз десять.

— Но ты был так вежлив, когда он не смог вспомнить твое имя.

— Грубость тут не поможет, — заметил Эрик. Мне показалось, что в его голосе я расслышала предупреждение.

Эрик разрешил мне проплакать все то время, что мы шли назад. И только когда мы оказались в блестящем медью лифте, он протянул мне носовой платок из тонкого льна.

— Спасибо.

Эрик коротко кивнул.

Мы подошли к двери моей комнаты, и я протянула платок обратно.

— Оставь себе, — сказал Эрик, пожав мою руку. — Мне кажется, тебе он нужнее.

Если бы только я могла сказать, что он ошибался!

Глава восьмая

Когда я была еще совсем маленькой, мне нравилось сидеть на полу в ванной, восхищенно наблюдая за тем, как мама подводила глаза тонким карандашом, а затем наносила на щеки розовые румяна. Она была прекрасным примером настоящей западной женщины: привлекательная, ухоженная и послушная, однако по-настоящему красивой она становилась, когда смеялась. На щеках у нее появлялись милые ямочки, а от уголков глаз разбегались чудесные морщинки. День за днем я превращалась в другого человека и надеялась, что, возможно, с возрастом стану похожей на маму. Сейчас мне было шестнадцать, но я готовилась всегда выглядеть безупречно. С этой мыслью я провалилась в глубокий сон и с ней же проснулась от жуткого кошмара.

Удивительно, как чулки меняли жизнь женщины. Вначале, когда я только начала их носить, мне нравилось ощущение шелковистой ткани на коже, однако вскоре я сполна ощутила, как сильно потели в них ноги. По задней части бедер струился пот, и чулки в конце концов начинали соскальзывать, а после этого ни о каком гламуре речь уже не шла. Но хуже всего было то, что теперь мне предстояло сопровождать Кормака Паттона.

После его визита у меня практически не осталось времени на свою работу. Вместо этого меня целыми днями учили этикету. У меня больше не было возможности работать на станке, а это означало только одно — я начала постоянно думать о судьбе мамы и сестры. Образ Окровавленного мешка с телом отца стоял у меня перед глазами. По крайней мере, в том, что случилось с ним, не было никаких сомнений. Эта мысль позволяла мне уснуть. Но во сне мне снова являлись растрепанная Ами и улыбающаяся мама. Пока мне подшивали новые платья, я все думала о новой жизни сестры. Ей бы понравились все эти великолепные наряды. По крайней мере, моей Ами. Мысль о том, что она осталась жива, но ее личность изменилась до неузнаваемости, прожигала дыру в моем сердце. Я больше не могла этого выносить и тогда начала считать наряды, которые мне могли понадобиться. Дорожные костюмы, платья для интервью, платья для фотосессий. Судя по количеству шелка и тюля, которое притащили в мои апартаменты, я едва ли могла успеть покрасоваться в каждом из новых нарядов.

Инора заходила ко мне в комнату в любое время. Я должна была вызубрить имя и адрес каждого члена Гильдии, имя его жены и основные материалы, которые экспортирует принадлежащий ему сектор. Во главе Арраса стоял премьер-министр, ему, в свою очередь, подчинялись министры различных секторов. Свой министр был в каждом городе. Должность эта была наследственной и передавалась по мужской линии до тех пор, пока в роду появлялись сыновья. К женщине власть не переходила ни при каких обстоятельствах. За последнее время я усвоила больше информации, чем за десять лет в академии, но, честно говоря, никак не могла понять, как могла ее использовать. Собеседник из меня был неважный.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Там будет какое-то тестирование? — спросила я Инору после трехчасовой экзаменовки по Восточному сектору.

— Почему бы тебе не позвонить Кормаку и не спросить об этом его? — отбрила меня она. Было очевидно, что Инора устала не меньше меня, но все равно боялась что-то упустить.

— И как же я должна обращаться ко всем этим чиновникам?

— Обращаться?

— Ну да, как мне их называть? Они считаются министрами? — Я вспомнила, что офицеры часто называли Кормака министром Паттоном, а не послом.

— Ты вообще не должна к ним обращаться. — Инора посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

Я не пыталась скрыть своего замешательства.

— Тогда зачем я зубрю все это?

Она тяжело, по-матерински вздохнула.

— Ты ведь сопровождаешь посла Паттона, а значит, должна уметь в нужный момент предоставлять ему необходимую информацию.

— Так, минуточку. — Я высвободилась из цепких рук швеи и повернулась к Иноре. — Ты что, хочешь сказать, что я учу все это вместо Кормака?

— Так и есть.

— Но при этом я должна молчать?

— Ты можешь говорить, если к тебе обратятся напрямую, но коротко и по делу.

— Просто не верится, — выдохнула я, не зная, чему изумляться больше: предъявляемым требованиям или тому, что Инора считала все это нормальным.

— Есть еще кое-что, — добавила Инора. — Ты ведешь себя с ним слишком фамильярно. Посол Паттон давал тебе разрешение называть его по имени?

— Я не помню. По-моему, он не возражает.

— Аделиса, — с мягким укором произнесла Инора, — обычно он приезжает к нам не чаще двух раз в год, а теперь проинформировал управляющего о том, что в течение следующего месяца его стоит ожидать по меньшей мере раз в неделю. Он очарован тобой.

— Очарован? Фу, я только поела. — Мне было наплевать, что половина женского населения всего Арраса готова была запрыгнуть к нему в койку: для меня он был староват. Кроме того, я все еще ему не доверяла.

— Ты его забавляешь, — добавила Инора, проигнорировав мои слова. — Просто не забывай о том, что в его полномочиях выписать смертный приговор.

Итак, она знала. Я не собиралась посвящать Инору в подробности нашей последней встречи с Кормаком и специально не стала упоминать о его угрозе. Инора и так волновалась достаточно.

— Пока он не даст тебе своего разрешения, называй его послом Паттоном.

— Хорошо, — согласилась я и залезла обратно на стул, чтобы швея могла закончить подшивать подол.

Инора на миг замолкла, а потом быстро произнесла:

— Мэйла хотела обговорить с тобой ваш маршрут.

— Будет забавно.

— Держи себя в руках, — безапелляционным тоном приказала Инора.

Спустя несколько минут в дверях появилась Мэйла, которая тут же окинула мой наряд критическим взглядом.

— Интересный выбор.

Я сделала вид, что не расслышала ее замечания.

— Секретариат посла Паттона прислал мне описание вашего маршрута.

— Я могла бы пройтись по нему вместе с Аделисой, — предложила Инора.

Глаза Мэйлы злобно вспыхнули, но она лишь рассмеялась в ответ.

— Думаю, ей было бы полезнее заручиться поддержкой кого-то более опытного. Того, кто уже бывал за пределами комплекса и знает, как вести себя на мероприятиях Гильдии. Почему бы тебе не сбегать в хранилище и не подобрать Аделисе подходящие украшения?

Инора мило улыбнулась и вышла из комнаты. Теперь Мэйла уверилась, что я осталась в ее власти.

— А вам доводилось раньше делать что-нибудь подобное? — спросила я.

— Надеюсь, ты не думаешь, что ты первая Пряха, на которую положил глаз Кормак? — ядовито отозвалась Мэйла.

Так вот почему она злилась.

— Я вообще об этом не думала.

Мэйла внимательно изучала расписание на своем дигифайле.

— Вы выезжаете отсюда завтра в семь утра и прибываете на станцию Нилас, где вам предстоит дать небольшое интервью телевизионной команде.

— Сюда я тоже добиралась через станцию Нилас, — сказала я, но она проигнорировала мое замечание.

— Оттуда вы отправитесь на станцию Эллиа Восточного сектора, потом — на станцию Хирот Южного сектора и наконец на станцию Остиа Северного сектора.

— Похоже, нас ждет много работы, — ухмыльнувшись, ответила я. Однако, чтобы разбить лед между нами, этого было недостаточно.

Мэйла резко развернулась ко мне, глаза ее пылали.

— Ты этого не заслуживаешь. Десятки девушек готовы душу продать за то, чтобы сопровождать Кормака. А ты... ведешь себя, как безродная крыса.

Видимо, Мэйла и сама принадлежала к числу этих девушек.

Впрочем, ярость ее мгновенно рассеялась.

— На каждой остановке вы будете давать интервью, — отрепетировано произнесла она. — Тебе дадут список приемлемых ответов на вопросы телевизионщиков. Говорить будешь, только когда обратятся непосредственно к тебе. Поняла?

— Да, — кивнула я и с энтузиазмом добавила: — Смотри-ка, у меня уже получается!

В этот раз она пропустила мимо ушей мои остроты.

— На каждой станции вам предстоит встреча с представителями Гильдии. Надеюсь, Инора хорошо тебя подготовила.

— Да, — широко улыбнулась я. — Надо молчать и казаться милой.

Мэйла окинула меня недоверчивым взглядом, однако решила более не читать нотаций.

— Завтра утром у вас с послем Паттоном намечено несколько фотосессий и небольших публичных выступлений. Твои стилисты будут перемещаться следом за вами.

— Все они?

— Да, — раздраженно ответила Мэйла, и на лице ее сразу же проступили морщины. — А еще — твой личный телохранитель.

— Но у меня нет телохранителя, — удивленно произнесла я.

— Посол Паттон выписал Эрику разрешение сопровождать тебя, — спокойно пояснила Мэйла.

Разбросанные по всей комнате ножницы начали вызывать у меня опасения.

Мэйла опустила глаза на свой дигифайл, очевидно, чтобы не наброситься на меня. Все-таки Эрик был прав насчет Кормака: тот явно хотел довести Мэйлу до белого каления.

— Тебя будут сопровождать Валери и ее ассистент. И Кормак берет Джостена Белла в

качестве своего камердинера.

— Джостена Белла? — Я опустила глаза, якобы заинтересовавшись тем, как швея подшивала мне подол.

— Он забирал тебя из камеры, — пояснила Мэйла, пристально вглядываясь в мое лицо. — Ты разве не помнишь его? Это наш старший лакей. Мне казалось, он тобой заинтересовался.

— Тот грубиян? — равнодушно уточнила я.

— Он самый.

— Но зачем? — Мне начало казаться, что все это — тщательно подготовленная ловушка, иначе зачем еще Кормаку было отправлять меня путешествовать в обществе двух молодых мужчин?

— Он прислуживает Кормаку — прости, послу Паттону, — когда тот посещает Западный Ковентри, — ответила Мэйла, не отрывая глаз от экрана дигифайла. — Послу он понравился — точнее, понравилось его умение смешивать коктейли, — а поскольку его собственный помощник сейчас далеко отсюда, он решил взять нашего человека. Похоже, послу наплевать, как мы продержимся все то время, пока вы двое будете путешествовать.

— Я и не думала, что он такая важная шишка, — с деланным безразличием заметила я, но сердце в этот момент забилося с сумасшедшей скоростью. Похоже, тем, что Мэйла заметила повышенное внимание Джоста ко мне, дело не ограничилось: теперь его втянули в эту историю.

— Это не так, — ответила Мэйла и вышла из моей спальни.

— Видимо, я была права, — пробормотала я в пустоту.

Инора вернулась, чтобы помочь мне упаковать вещи; по пятам за ней шла моя главная стилистка Валери. Я была безумно благодарна им за компанию. Этой ночью мне было не уснуть, как раньше, перед праздником зимнего солнцестояния, когда в голове вертелись лишь мысли о подарках. Однако в этот раз меня переполняло чувство страха, а не нетерпения.

Валери прошептала что-то на ухо Иноре, и моя наставница крепко пожала ее руку.

— Готова к завтрашнему дню? — спросила Валери, выглядывая из-за плеча Иноры.

Я закусила губу и изобразила на лице панику. Валери захохотала, а Инора осуждающе покачала головой.

— Я убила на ее подготовку целый день, — сказала она Валери, не отрывая от меня глаз. — Не дай бог, она не готова.

— Если ее готовила ты, я за нее спокойна, — ответила Валери, дружески пожимая руку моей наставницы. — Но мне пора собираться.

Валери послала мне сияющую улыбку и убежала в ванную. Ей нужно было успеть упаковать все свои инструменты, и от этой мысли меня вновь охватил ужас.

Большая часть моего багажа должна была перевозиться вместе с командой стилистов, но Инора протянула мне маленькую красную коробочку, перевязанную белой атласной лентой. Она напомнила мне подарки, которые каждый год дарили мне на день рождения родители — вот только духами, приготовленными на шестнадцатилетие, мне так и не довелось насладиться. Они должны были стать наградой за долгожданный провал на экзаменах. Я радостно охала и ахала, распаковывая подарок Иноры, но сердце в груди сжималось от боли.

Внутри оказался персональный дигифайл.

— Для перемещений, — сказала Инора и показала мне, как работает устройство. — Я знаю, там ощущение не из приятных, но эта штуковина поможет тебе отвлечься. Здесь вся информация, которая только может понадобиться.

Я осторожно коснулась экрана, и передо мной тут же появилось меню с темами на любой вкус: косметика, каталог одежды, телевизионные репортажи и последний бюллетень Гильдии.

— Спасибо тебе, — произнесла я, до глубины души тронутая ее подарком. Конечно, я уже видела дигифайл у Мэйлы, но в Ромене этими устройствами пользовались лишь самые влиятельные бизнесмены. А за пределами Ковентри я вообще не встречала ни одной женщины с дигифайлом и потому понимала, насколько особенный подарок преподнесла мне Инора.

— Кроме того, ты сможешь связываться по этому дигифайлу напрямую с посланцем Паттоном, — добавила Инора, выбирая функцию соединения с имплантом. — Он хотел, чтобы мы сделали тебе имплант, однако Мэйла решила придержать лошадей.

Впервые я почувствовала благодарность зависти Мэйлы.

— Он хотел, чтобы мне вживили имплант?

— Он много лет настаивает, чтобы их начали вживлять Пряхам, — пояснила она. — Он утверждает, что это позволит быстрее решать возникающие в Аррасе проблемы.

— И он прав?

— Нет, для этого у нас всегда есть дежурные Пряхи. Это всего лишь способ держать нас на коротком поводке.

Я постаралась скрыть, насколько сильно была шокирована ее откровенностью. Инора была добра ко мне, но еще ни разу не говорила со мной так прямо.

— Но почему Мэйла отказалась?

— Не переживай, — рассмеялась Инора. — Она не пытается пересмотреть ваши отношения. Она не получила одобрения Лорисель, поэтому я предложила использовать дигифайл.

— Лорисель?

— Она единственная здесь, кто здесь может сказать Кормаку нет.

Я выключила дигифайл, заинтересовавшись ее словами.

— Кто же она такая?

— Пряжница.

— Как ты? — спросила я, припомнив широкий спектр обязанностей Иноры.

— Нет, я ей не ровня, — усмехнулась Инора. — Но я помогаю ей при работе над некоторыми проектами.

— Но ведь она не одна такая?

— Как тебе сказать, — ответила Инора, усаживаясь обратно на подушку. — Настоящих Пряжниц очень мало. Лорисель — единственная Пряжница в Аррасе.

— Единственная? — Я замерла на миг, а затем под села к Иноре.

— Работа Пряжницы — это чистое творчество. Пряжницы способны не просто плести ткань Арраса, они умеют создавать нити паутины. Только им под силу увидеть ткань вещества, из которого получаются нити. — Инора одарила меня многозначительным взглядом. — Аррас существует благодаря Лорисель. Если бы не ее дар, Пряхам было бы нечего прясть.

— Сколько ей лет? — спросила я, и мой желудок сжался в комок. Теперь я начала догадываться, зачем все эти годы — и даже здесь, по просьбе Иноры, — я скрывала, что могу прясть без помощи станка.

— Сложно сказать, учитывая возможности современной медицины, — спокойно ответила Инора. — Но она служит уже больше шестидесяти лет.

Наверное, она была настоящей старухой.

— Что же случится, когда она умрет?

— Найдут новую Пряжницу. — Инора внимательно посмотрела на меня. — Вот только у них пока нет ни одного кандидата.

— А если не найдут? — прошептала я.

— Аррас исчезнет.

Я попыталась отыскать на ее лице следы печали или страха, но не нашла ничего подобного. Если мысль о смерти Лорисель и пугала ее, Инора мастерски это скрывала. А потом я вспомнила, как хохотала со своей новой подружкой Ами и как сияли глаза Джоста, когда он улыбался. Без Пряжницы исчезли бы и они. Я не могла себе этого представить.

— Знаешь, Кормак показал мне Ами, — тихо сказала я.

— Твою сестру? — уточнила Инора, и я кивнула в ответ.

С того момента, как я попала сюда, я еще ни разу ни с кем о ней не говорила. Моя жизнь разделилась на две части: до и после. Все связанное с моим призывом держалось в тайне. Здесь не было места прошлому, и, хотя Ами и была жива, для меня она существовала лишь в прошлом, в другой жизни. Я постоянно думала о ней, но теперь, когда меня готовили к путешествию, я начала испытывать горячее желание разорвать замкнутый круг и обо всем рассказать кому-нибудь.

— Она выглядела счастливой, — произнесла я, и голос мой прозвучал тускло и безжизненно. Я не стала объяснять Иноре, что для этого сделали с моей сестрой, и не стала упоминать, что у меня были свои планы и что единственная причина, по которой я отправлялась в этот тур, заключалась в моем желании вырваться за стены Ковентри и увидеть мир, в котором жила Ами. Даже если Ами уже была не той, которую я знала.

— Думаю, в этот раз перемещение будет гораздо приятнее, — заметила Инора, вкладывая дигифайл обратно мне в руки, и мне поневоле пришлось вернуться мыслями в настоящее.

Я вспомнила железные оковы, в которых меня перемещали в прошлый раз, и руки мои нервно затряслись.

— Это ведь не будет...

— Нет, — резко оборвала Инора, словно прочитав мои мысли. — Тебя будут перемещать первым классом. Посол Паттон позаботился о том, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

— Не понимаю, чем я это заслужила?

Инора грустно улыбнулась. Обе мы были достаточно умны, чтобы понимать: все эти привилегии не имели ничего общего с моими заслугами.

— Думаю, нам остается только подождать, чтобы ты увидела все своими глазами.

Утром мотокарета доставила меня к месту перемещения. Эрик и Джост ехали вместе со мной, а остальных членов команды перевозили отдельно. Эрик болтал, не умолкая ни на секунду, Джост же тихо сидел в сторонке. Я смеялась над шутками Эрика, но не могла не ощущать тяжелой атмосферы вокруг нас — Джост был не в восторге от грядущего

путешествия по Аррасу. И ему, похоже, не доставляло особого наслаждения мое общение с Эриком.

Моего неряшливого друга основательно почистили. Лицо его было гладко выбрито, а длинные волосы, достающие до воротника серого шерстяного пиджака, аккуратно расчесаны и заправлены за уши.

— Как вы двое познакомились? — спросила я у Эрика и кивнула на Джоста.

Джост резко выпрямился и странно посмотрел на меня.

— Ты говорил, что он послал тебя... — пояснила я, стараясь не вдаваться в подробности нашего разговора в камере, на случай если в мотокажете была установлена прослушка.

— Джост — наш старший лакей, — сухо ответил Эрик. — Как только я понял, что не смогу прийти сам, я попросил его к тебе заглянуть.

— Понятно, — кивнула я, не поверив ни единому слову. Джост говорил так, будто они с Эриком были знакомы давно и между ними произошло что-то не слишком приятное.

— Нервничаешь из-за перемещения? — спросил Эрик, меняя тему разговора.

Уголкем глаза я заметила, что Джост, несмотря на расслабленную позу, не отрываясь, смотрел на меня.

— Да, — кивнула я, стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд голубых глаз Джоста. — Первый опыт оказался не слишком веселым.

— Ну, то перемещение было нетипичным, — усмехнулся Эрик.

— А я и забыла, что ты при этом присутствовал, — нарочито громко воскликнула я.

Эрик кивнул. Если он и испытывал какие-то сожаления по поводу приказа вколоть мне дозу успокоительного, то тщательно это скрывал.

— Инора дала мне вот это, — сказала я, доставая из сумочки дигифайл.

Эрик изумленно присвистнул.

— Классный подарок.

— Правда? — вспыхнула я. — Я думала, у всех Прях есть такие.

— Нет, только у Мэйлы, да и то потому, что она контролирует обучение. Видимо, Иноре пришлось подергать за нужные ниточки, — задумчиво пояснил Эрик.

— Я не знала, — ответила я.

На долю секунды взгляды Эрика и Джоста пересеклись, однако оба юноши промолчали. Потом мы с Эриком продолжили наш разговор. Поездка, к счастью, уже подходила к концу: желудок явно начинал подводить меня.

Станция перемещения, расположенная вне стен комплекса, показалась мне маленькой и невзрачной. Эрик распахнул передо мной желтые латунные двери, и мы вошли в маленькую комнатку с одним-единственным бархатным креслом, в которое мне тут же предложили присесть. Следом за нами в комнатку набились остальные члены команды, и окружающее пространство заполнилось тележками, сумками и моими нарядами. Затем из коридора появилась женщина в небесно-голубом костюме. Она перекинулась парой слов с Эриком, после чего пригласила меня следовать за ней. Пока я шла, Эрик выпроводил остальных членов команды за ограничительную линию.

— Вы перемещаетесь на станцию Нилас? — невозмутимо произнесла женщина, и я коротко кивнула.

Она казалась уже немолодой — возможно, из-за волос, собранных в обыкновенный пучок. Как бы то ни было, создавалось ощущение, что она проработала на этой работе всю свою жизнь.

— Ваше перемещение займет около часа, — успокаивающе сказала она.

Мы прошли в мягко освещенную комнату, посреди которой возвышалось широкое кожаное кресло. Проводница усадила меня в него, а затем направилась к расположенной у меня за спиной компьютерной панели. Щелкнула кнопка, и я напряглась в ожидании того, что на голову мне вот-вот должен был опуститься железный шлем. Но ничего подобного не произошло. Вместо этого передо мной вырос небольшой дубовый столик, а потом меня пристегнули по диагонали одним-единственным ремнем, и я с облегчением выдохнула.

— Вас когда-нибудь перемещали? — удивленно спросила моя проводница.

— Да.

— Извините, что спрашиваю, — пояснила она. — Просто вы ужасно нервничаете. Обычно во второй раз люди уже так не реагируют на эту процедуру.

Я слабо пожала плечами, решив, что лучше не рассказывать, как меня приковывали к стулу в прошлый раз.

— Все будет хорошо, — мягко заверила меня она. — Я принесу вам чашечку чая.

Проводница вышла из комнаты, и в дверном проеме тут же возник Эрик.

— Увидимся на станции Нилас.

— Да, увидимся там, — ответила я.

Он пошел дальше, и я увидела Джоста, следовавшего за ним. Наши глаза на мгновение встретились, но я не смогла ничего ему сказать. Как только он исчез из поля моего зрения, вернулась проводница со стаканом холодного чая.

— Пока вы не адаптируетесь к перемещению, лучше не пить ничего горячего, — сказала она, опуская стакан на белую квадратную салфетку прямо передо мной.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, и, прежде чем уйти, она тихонько пожала мою руку. В груди у меня похолодело: я вспомнила проводницу, которая перемещала меня в прошлый раз.

Как только дверь за ней захлопнулась, комната вокруг начала мерцать, закручиваясь в один бесконечный сияющий круговорот. Теперь, когда шлем больше не мешал обзору, я была поражена тем, насколько прекрасно это выглядело. Золотые нити переплетались вокруг меня, и перемещающая камера медленно растворялась в них. Я наслаждалась несколькими уникальными мгновениями чистого времени, сотканного из ничего, а спустя несколько секунд вокруг начало проступать новое помещение. Я позабыла и о чае, и о дигифайле, зажатом в потных руках. Комната то исчезала, то появлялась вновь, пока наконец не приобрела окончательные очертания. Я сидела, откинувшись в кресле, в течение всего часа, наблюдая, как нити ярко-красной камеры сплетались с золотистыми мерцающими узорами на стенах. Как только процесс завершился, в поле моего зрения появилась очень юная девушка.

— Добро пожаловать на станцию Нилас, мисс Льюис, — застрекотала она, отодвигая столик и отстегивая ремень безопасности. — Остальные члены вашей команды скоро придут. Пожалуйста, вставайте осторожно.

Я попыталась подняться, и тут же убедилась в правильности ее предупреждения. Ноги мои тряслись так, словно я просидела неподвижно много часов. Покрепче ухватившись за подлокотник, я заставила себя выпрямиться, а затем тихонько перевела дыхание.

— К этому сложно привыкнуть, — заметила проводница. — Так, по крайней мере, говорит большинство людей.

Я пристально взгляделась в девушку. Она, казалось, была не старше меня. Возможно

даже, ее направили сюда вскоре после моего призыва. Я вполне могла оказаться на ее месте.

— А вас когда-нибудь перемещали? — спросила я.

— Ох, нет, — вспыхнула она, а затем добавила еле слышно, не забывая при этом помочь мне спуститься с платформы: — Мой начальник говорил, что собирается переместить меня на станцию Эллиа. Начальник станции — его должник.

— Что ж, — с энтузиазмом начала я, — первое перемещение — самое тяжелое.

— Я знаю! — пропищала она. — Я ужасно нервничаю, но такой шанс бывает раз в жизни!

Джост уже ожидал меня в холле, и юная проводница, прежде чем уйти, послала мне сияющую улыбку.

— Приятно видеть, что хоть кто-то испытывает энтузиазм, — мрачно заметил он. — Эрик следит за тем, чтобы все прошло гладко.

— Прекрасно.

Я не знала, что еще сказать, поэтому молча поджала губы. Мне претило притворяться, что Джост стоял ниже меня на социальной лестнице, но в то же время я не хотела, чтобы кто-то заподозрил нас в излишней открытости друг с другом.

— Я понимаю, — прошептал Джост.

— Прости.

Джост ответил мне понимающим взглядом, и от этого мне стало только хуже.

— Эй, я же просил тебя помалкивать.

Я только кивнула, но голова вдруг закружилась так сильно, что я не устояла на ногах. Джост с легкостью подхватил меня, и кожа моя в том месте, где он коснулся моего тела, тут же покрылась мурашками. Дрожь прошла по моим рукам и поднялась к затылку. Я понимала, что должна отойти, однако прежде, чем мы успели что-либо сделать, в холле раздались чьи-то шаги. При появлении Эрика Джост тут же отстранился.

— С Кормаком мы встретимся только на станции Эллиа, — с ходу заявил он. — Что-то случилось в Восточном секторе. Аделиса, тебе не нужно заглянуть в дамскую комнату?

Я покачала головой, но в животе у меня снова начались спазмы. Я еще никогда не выступала на публике в одиночку.

— Ничего не бойся, — сказал Эрик, предлагая мне руку. — Лимит любого репортажа — пятнадцать минут. Ты помнишь ответы?

— Да.

— Все будет в порядке.

Эрик говорил весьма убедительно, но легче мне от этого почему-то не становилось. У меня складывалось ощущение, что он вообще никогда не нервничал.

Мы прошли по коридору и оказались в станционном зале ожидания. Он был пуст, если не считать расставленных по периметру охранников.

— Сегодня перемещения запрещены для всех, кроме высоких должностных лиц. На каждой станции нас будут ждать офицеры специальной службы, — пояснил Эрик.

— Я высокое должностное лицо, — произнесла я, изо всех сил стараясь в это поверить.

— Верится с трудом, не так ли? — поддел меня Эрик, и я улыбнулась.

Джост плелся позади, и я вдруг поняла, что выглядела так же, как Мэйла с двумя ее телохранителями. Мы остановились у главного выхода, ожидая, пока нас проверит охранник, и я почувствовала себя ужасно неудобно. Через несколько мгновений охранник сделал нам знак проходить внутрь.

В огромном мраморном зале стояла жуткая тишина. Единственным источником звука была съемочная группа. Завидев нас, репортеры сразу же оживились и сомкнули кольцо. Охранники старались держать их на приличном расстоянии, но все же в этот момент я была безмерно рада присутствию Джоста и Эрика. Потом Эрик вышел вперед, чтобы сказать несколько слов, и теперь от камер меня загораживали лишь спины охранников.

— Я уполномочен проследить за тем, чтобы вы провели необходимые интервью и задали все вопросы. У вас есть пятнадцать минут до того, как мисс Льюис отправится дальше.

Съемочная группа тут же приступила к работе, и на меня посыпались вопросы, к которым мы с Инойрой подготовились накануне.

— Мисс Льюис, какова ваша любимая привилегия в качестве новой Пряхи? — жизнерадостно спросил меня юный репортер, из-за плеча которого выглядывал оператор.

— Конечно, наряды, — заученно ответила я. Мне хотелось, чтобы ответ звучал непринужденно, однако в голове сидела мысль о том, что мои интервью показывали в прямом эфире по всему Аррасу. Они были частью рекламного тура. — Так приятно каждый день подбирать себе что-то новое.

— И все это отличается от прежних строгих стандартов невинности, не так ли? — воскликнул другой розовощекий репортер, и вокруг раздалась смехи, но охранники быстро навели порядок, и интервью вернулось в прежнее русло. И все же я успела немного расслабиться.

Меня спрашивали о еде, о работе и о других призванных, и я произносила ответы так беспечно, как только было возможно, словно исправно работающий компьютер.

— Последний, — прошептал Эрик мне в ухо, и, держа перед собой микрофон, вперед вышел мужчина средних лет. На нем был ничем не примечательный синий костюм. Лицо его было очень утомленным, и я тоже начинала чувствовать усталость. Я перебирала в памяти заученные ответы и с нетерпением ждала, когда он задаст вопрос. Мне ужасно хотелось поскорее вернуться в мягкое кресло комнаты перемещения.

— Мисс Льюис, — мягко произнес он. — Вы можете рассказать нам, что произошло с вашими родителями, Бенном и Мерией Льюис?

Глава девятая

Ответ Эрика прозвучал настолько гладко, что я уже предвидела его грядущее повышение. Ходить в личных помощниках ему осталось недолго. Если другие репортеры и питали к своему коллеге дружескую привязанность, сейчас этого не было видно. Несколько человек сразу отстранились от него. Джост мягко взял меня за руку и увлек за собой в коридор, ведущий в комнату перемещения, однако из-за спин охранников я все еще могла разглядеть команду репортеров и операторов. Мужчина, спросивший о моих родителях, не пытался вырваться, но, пока его уводили, он, не отрываясь, смотрел на меня.

— Прости, — сказал Эрик, стараясь заслонить собой происходящее на вокзале.

«Притворись, что ничего не знаешь». Я снова прочитала эти слова в глазах Джоста и покачала головой.

— Наверное, он не получил вовремя памятку с вопросами для интервью.

— Наверное, нет, — улыбнулся Эрик. — Нам еще нужно успеть сделать снимки. Надеюсь, все уже готово.

Я вернулась за ним в притихший зал. Команда репортеров вновь окружила нас, но на этот раз никто не произнес ни слова. Вспышки камер и торопливые замечания моих стилистов немного разрядили гнетущую атмосферу пустого вокзала. Я встретилась глазами с розовощеким репортером, пошутившим во время интервью, и улыбнулась ему, однако он сразу же отвел взгляд. Эти люди не в силах были остановить охранников, которые увели их коллегу, однако случившееся сильно их задело.

Следующее перемещение не принесло мне никакого удовольствия, однако в конце у меня, по крайней мере, не закружилась голова. Это оказалось как нельзя кстати: в дверях уже стоял Кор-мак, а мне совсем не хотелось предстать перед ним не в лучшем виде. Он тут же увлек меня в ближайший бар. Благодаря ограничениям на перемещение, внутри никого не было, включая и бармена. Я взгромоздилась на высокий стул красного дерева и облокотилась на прохладную стойку. Меня не покидало ощущение, что все это происходило не со мной.

— Слышал, ты немного переволновалась, — сказал Кормак, тайком оглядывая меня с ног до головы.

— Наверное, да, — пожала плечами я.

— Это было ничуть не заметно, — громко заметил только что вошедший Эрик. — Аделиса говорила, как настоящий профессионал.

— Готов поспорить, так и было, — ответил Кормак. — Где мой лакей?

— Я здесь, — ответил Джост с порога.

— Прекрасно, сделай мне виски с содовой, — небрежно бросил Кормак и повернулся ко мне. — Это просто невероятно. Попрошу его сделать коктейль и тебе. Я всерьез рассматриваю возможность навсегда перевести Джоста на эту должность. Он единственный лакей, который знает свое место.

Я молча выслушала эту тираду, а в ответ на предложение выпить лишь отрицательно покачала головой. Идея забрать Джоста из Ковентри мне сильно не понравилась, и я готова была поклясться, что не понравилась она и самому Джосту.

— Может, так даже лучше. Не хватало еще, чтобы ты напилась к моменту нашего выступления.

Вскоре я начала понимать, что Кормак, в отличие от остальных членов нашей группы, вообще никуда не торопился. В его расписании явно было время на коктейли и на болтовню с длинноногой проводницей, которая некстати зашла осведомиться, все ли у нас хорошо.

Первым решился заговорить Эрик.

— Сэр, нам нужно торопиться, если мы не собираемся отказаться от фотосессии.

— Фотосессии? Им что, не хватит кадров со станции Нилас?

— Нет, — вклинилась я, добавив в голос побольше патоки, — на них ведь не было вас.

Тут меня охватило сомнение, не слишком ли приторно это прозвучало.

— Думаю, ты права. Меня должны заснять в сопровождении эскорта, — заявил он и, оторвав взгляд от девушки, допил остатки спиртного.

— Ну конечно, — тем же приторным голосом добавила я, — к тому же, нам бы тоже не хотелось, чтобы вы напились к моменту нашего выступления.

Похоже, яхватила лишку.

Улыбка моментально сползла с его лица, и Кормак, не глядя по сторонам, направился к двери.

— Аделиса, — не оборачиваясь, добавил он, — учись себя контролировать.

— Конечно, Кормак, — ответила я. Это была чистой воды провокация, но меня жутко раздражало, как лебезили перед ним остальные. Я представила, как ужаснулась бы сейчас Инора, окажись она тут вместе с нами.

— Похоже, ты имеешь на него влияние, — пробормотал Эрик, подходя ко мне.

— Мы с Кормаком пришли к взаимопониманию.

Эрик удивленно приподнял одну бровь, и я поняла, что он сделал неправильный вывод.

— Не волнуйся. Это касается вопросов жизни и смерти.

— Ах, это... — с облегчением выдохнул Эрик.

Телевизионщики на этой станции вели себя настолько идеально, что я задумалась, не предупредил ли их кто-нибудь о том, что произошло на станции Нилас. Никто не подтрунивал и не задавал неуместных вопросов. Интервью прошло как по маслу. Хотя фотосессия с Кормаком оказалась просто ужасна, все закончилось очень быстро. Он крепко обнял меня за талию, сигнализируя, что я должна прижаться к нему. В таком положении я особенно сильно ощутила исходящий от него резкий запах антисептика, который перекрывал даже запах одеколона. У меня начали слезиться глаза.

— Ради любви к Аррасу, улыбайся, сестра! — воскликнул широколицый фотограф, выглядывая из-за объектива фотоаппарата, однако мгновенно замолк, как только охранник сделал шаг в его сторону.

— Я буду безмерно счастлив, если ты добавишь побольше натуральности, — прошепел Кормак сквозь зубы, не переставая при этом улыбаться.

— Пытаюсь, — в той же манере ответила я.

— Они закончили, сэр, — раздался откуда-то сбоку голос Эрика. Кормак тут же убрал руку и удалился в личный зал ожидания.

В следующий раз мы заговорили только на следующей станции: Кормак рывкнул, что я должна выглядеть счастливой. Последнее перемещение вымотало меня донельзя. Есть в процессе оказалось гораздо труднее, чем я думала. Да и как можно было удержать пищу в желудке, если комната постоянно дрожала и вращалась вокруг? К моменту нашего прибытия в Сайпрес, где мы собирались остаться на ночь, я чувствовала себя ужасно голодной и разбитой. Механически отвечая на вопросы, я лучезарно улыбалась в камеру, но думала в

этот момент только о том, как бы побыстрее добраться до гостиничного номера. Там я смогла бы хоть немного побыть одна, пока прибудет команда стилистов, которые должны были подготовить меня к запланированному вечернему выходу в свет.

Мне удалось побыть одной целых двадцать минут. Еды за это время я не дождалась, зато дождалась стилистов.

— Надеюсь, тебе удалось поесть, — прошептала Валери, раскладывая на кровати длинное атласное платье.

— Я рассчитывала, что у меня будет хоть немного личного времени, — огрызнулась я. — Мне до сих пор не принесли еду.

— Ты можешь есть, пока мы работаем, — ответила она, старательно избегая моего взгляда. — Только не очень пачкайся. Инора хочет, чтобы ты была готова за полчаса до нужного времени.

— Она умудряется мучить меня даже издали, — прорычала я в ответ.

Валери обвиняюще покачала головой.

— Инора просто присматривает за тобой, — начала она, но закончить мысль не успела: прибыла моя еда.

Зажаренная гусиная грудка и сладкий картофель с карри выглядели жутко аппетитно, но из-за стилистов мне удалось перехватить всего несколько кусочков. Меня либо пудрили, либо красили мне ногти.

— Можно войти? — спросил Джост и, не дожидаясь ответа, проскользнул в комнату.

— Да, — еле слышно отозвалась я — одной рукой Валери крепко сжимала мой подбородок, а другой — подкрашивала мне брови.

— Выглядишь восхитительно, — фыркнул Джост, не в силах удержаться от смеха.

— О, заткнись.

Валери вздохнула и наконец оставила мое лицо в покое. Бросив на Джоста испепеляющий взгляд, она направилась к чемоданам, чтобы достать оттуда мои украшения.

— А вот это ничего, — заявил Джост, указывая на гуся. — У меня была утка.

При виде еды в животе у меня громко заурчало. Я многозначительно кивнула Джосту в сторону девушки, которая работала над моими ногтями.

— Держи, — предложил Джост, протягивая мне вилку с картофелем.

Я благодарно приняла подношение. Блюдо уже остыло, но вкус карри был все так же хорош.

— Спасибо, — пробурчала я с набитым ртом.

— Со всем удовольствием.

Джост встал рядом и, пока стилисты заканчивали свою работу, аккуратно кормил меня с вилки. Вскоре чувство голода испарилось, и я вдруг начала испытывать удовольствие от прикосновений парикмахера к волосам, от втирания крема в гудящие ноги. Я и не подозревала, насколько усталой была, пока деликатное покашливание Валери не выдернуло меня из короткого сна.

— Мы готовы тебя одевать, — сказала она.

Я кивнула и посмотрела по сторонам в поисках Джоста, но он, похоже, ушел, как только я уснула.

— Его здесь нет, — сказала Валери, помогая мне влезть в мягкое атласное платье.

— Что, прости? — спросила я.

— Джост, — пояснила она, всем видом показывая, что не купилась на мою невинную

уловку. — Лакей? И это когда ты можешь подцепить кого-то вроде Эрика?

— Или Кормака? — добавила ее ассистентка, застегивая молнию.

— Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, — сказала я, но щеки начала заливать краска.

— О, прекрати сейчас же, а то испортишь весь макияж, — рассмеялась Валери. — Не подумай ничего плохого. Он очень симпатичный лакей. И глаза у него такие же голубые, как у Эрика, но он...

Я бросила на нее предупреждающий взгляд, и Валери протянула мне браслет, который я тут же защелкнула на запястье.

— Может, оно и к лучшему, — завершила свою мысль ассистентка. — Кормак быстро остывает к своим пассиям, а Эрик...

Мне было жутко любопытно, что она собиралась сказать о нем.

— Он принадлежит Мэйле, — закончила за нее Валери.

— Как здорово, что никто из них меня не интересуется, — сказала я, глядя в зеркало, и заметила, что Валери с ассистенткой обменялись многозначительным взглядом.

— Конечно, дорогая, — ответила Валери, но, как только ее помощница ненадолго вышла, чтобы достать еще кое-какие украшения, она прошептала мне на ухо: — Возьми у судьбы столько, сколько сможешь взять, даже если счастья окажется совсем немного.

Вскоре вернулась ассистентка с ожерельем в руках, и Валери тут же выпрямилась, однако ее слова еще долго звучали у меня в голове. Глядя на ее точные, уверенные движения, я задумалась о том, была ли она сама счастлива.

— Итак, какова программа нашего вечера? — спросила я Эрика, как только он появился в дверях.

— Ну, во-первых, ты великолепно выглядишь, — сказал он, и я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

— И что, с другими девушками это работает? — спросила я, давась от смеха.

— Да, — ухмыльнувшись, ответил он. — И почему ты так невосприимчива к моим чарам?

— Годы сегрегации, — позволила себе улыбнуться я.

— Обычно они играют мне на руку, — прошептал он, и тут в комнату вошел Кормак.

Нельзя было сказать, чтобы мне совсем не нравился Эрик. Я даже считала его очаровательным. Возможно, всему виной была моя неопытность, однако его попытки флирта казались мне скорее неловкими, нежели волнующими.

— Аделиса, выглядишь просто замечательно, — отметил Кормак и подхватил меня под руку.

Мотокарета уже ожидала нас. На выходе из отеля мои каблуки начали клониться в сторону, но Эрик вовремя успел меня поддержать. Я не успела его поблагодарить, как передо мной возникла телевизионная команда. На меня обрушился град вопросов, однако я видела лишь вспышки камер. В поисках защиты я придвинулась поближе к Кормаку — его резкий запах уже не имел значения. Часть меня мечтала о хорошей дозе «Вэлпрона», хотя, с другой стороны, им, пожалуй, лучше было не злоупотреблять. Чтобы не совершить какую-нибудь глупость, мне нужно было мыслить трезво и ясно.

Кормак метко отвечал на вопросы, обращаясь ко многим телевизионщикам по имени. Все это время он не переставал обнимать меня за талию. Как только мы оказались в мотокажете, я мгновенно вырвалась из его объятий и начала судорожно расправлять платье в

том месте, где его измяли пальцы Кормака.

— Ждешь не дождешься, когда сможешь от меня избавиться? — спросил он, окинув меня тяжелым взглядом.

— Это точно, — сухо ответила я.

— Не беспокойся об этом, — заметил он, раскуривая сигару. — Просто перережем ленточку, сделаем пару фотоснимков, а потом вернемся в отель.

Никаких обедов, встреч и интервью. Какое облегчение!

— Я могу перерезать ленточку, — предложила я.

— Великий Аррас, я надеюсь на это. В конце концов, ты же у нас Пряха, — откликнулся Кормак, не переставая покровительственно улыбаться и пускать кольца дыма.

Я не знала, как описать свои чувства по отношению к Кормаку. Я ненавидела его и в то же время не могла сказать почему. Да, он был пугающ и высокомерен, но, как ни странно, из всех, с кем мне довелось общаться со времени призыва, он единственный относился ко мне с уважением. Если, конечно, абсолютную честность можно было считать уважением.

Мотокарета подъехала к огромному скоплению народа. Должно быть, встречать нас собралась большая часть города. От такого количества людей я испугалась и руки затряслись — я лишь надеялась, что это не станет проблемой, когда нужно будет перерезать ленточку. Кормак открыл дверь и помог мне выйти наружу, к телевизионщикам и сотням людей. Однако что-то в этой толпе показалось мне странным. На каждой остановке при виде нас люди приходили в бурный восторг: они кричали и тянули к нам руки. Здешние жители хранили спокойствие. Несколько человек выглядели раздосадованными, словно пришли сюда не по своей воле. Возможно, так оно и было, и вряд ли этому стоило удивляться.

— Итак, в честь чего перерезаем ленточку? — спросила я Кормака, пока мы шли к огромному кирпичному зданию. Обычно по сторонам всегда можно было услышать пустую болтовню, в которой содержалась вся нужная информация, однако у местных жителей было совершенно иное настроение.

— Это новая академия, — ответил Кормак и, твердо взяв меня за локоть, подвел к двери.

Если бы не его рука, подталкивавшая меня вперед, я бы как истукан застыла на месте.

— Я перерезаю ленту в новой академии, — сказала я, поворачиваясь к Кормаку, — и это академия Сайпреса.

Кормак смотрел строго вперед? никак не реагируя на мои слова. Внезапно я вспомнила, за что ненавидела его: за то, что я сейчас была здесь. Это было не случайно. Это было напоминанием о том, что я натворила. Опасность не ушла. Оглядывая толпу, я вновь удивилась, почему люди стояли так тихо. Гильдия должна была навешать им на уши кучу лапши вроде истории Ами о миссис Свондер.

И все-таки люди были чересчур спокойны. Ни у кого на лице не отражалось ярости или боли.

А потом я поняла. Они вообще не знали о том, что произошло.

— Что вы с ними сделали? — прошептала я.

— Зачем мне что-то с ними делать? — с притворной невинностью в голосе ответил Кормак.

— Что, по их мнению, случилось с академией? — спросила я, не желая играть по его правилам.

— Какая разница, куколка? — ухмыльнувшись, ответил он. — Это не их проблема, а

ТВОЯ.

Мы как раз дошли до двери, и Кормак протянул мне огромные церемониальные ножницы. К сожалению, они были слишком тупы и громоздки — просто реквизит для представления. Впрочем, если удачно их направить...

Улыбка Кормака исчезла, и он сделал шаг назад — не от страха, просто тем самым давая мне понять: он знал, о чем я думала. И тут передо мной возник похожий на чиновника человек.

Кормак отвернулся, чтобы поговорить с ним, и в этот момент я заметила пожилую женщину. Она была совершенно не похожа на местную жительницу, но смотрела на меня с нескрываемым интересом. Кожа ее была сухой, волосы серебрились — она ничуть не напоминала типичную черноволосую и смуглую обитательницу Сайпреса.

— Так это ты сопровождаешь Кормака? — спросила она.

— Да, — ответила я, храбро вздернув подбородок.

— Бесстыдница, — пробормотала она, и я поняла, что женщина была гораздо старше, чем мне показалось. Даже в Ромене хирургия достигла такого уровня, что человек мог оставаться молодым практически всю жизнь, однако лицо этой женщины скорее напоминало старую сморщенную бумагу — и это несмотря на толстый слой косметики. Должно быть, она прибыла сюда с членами Гильдии; может, она даже служила Пряхой в Северном Ковентри, но своими привилегиями для поддержания молодости явно не пользовалась.

— Лорисель, я вижу, ты уже познакомилась с моей спутницей! — воскликнул Кормак, становясь рядом со мной.

— Да, и посчитала ее бесстыдницей, — упрямо повторила старушка.

— Аделиса, — сказал Кормак. — Позволь представить тебе Лорисель. Будь осторожна, она кусается.

— Следи за собой, — ответила Лорисель, — а не то могу и вырвать твою задницу из Арраса.

— У нас сложные отношения, — пояснил мне Кормак. — Аделиса — наша новая Пряха. Ее способности оценили на тестировании как выдающиеся, — сказал он Лорисель.

— Так значит, это ты привлекла внимание Кормака. Западный Ковентри не интересовал его уже много лет. — Лорисель прищурилась, пытаясь лучше разглядеть мое лицо. В ее взгляде проскользнуло нечто, напомнившее уважение. Это была та самая Лорисель, о которой мне столько рассказывала Инора. Пряжница. Я наконец-то стояла рядом с самой могущественной женщиной в Аррасе и понятия не имела, что ей сказать.

Прежде чем я успела хоть что-то ответить, к нам подошел стражник в парадной форме Гильдии и Кормак сделал шаг в сторону, чтобы побеседовать с ним. Вокруг стоял жуткий шум, но я все равно попыталась вслушаться в их разговор.

— Так ты себе нравишься? — спросила меня Лорисель.

— Нет, — рассеянно ответила я.

Лорисель приподняла одну бровь, и на лбу у нее собрались морщинки.

— Хорошо, — рассмеялась она. — Ты и впрямь такая, как о тебе говорят.

— И что же обо мне говорят? — спросила я, постаравшись не выдать охватившего меня любопытства.

— Что ты умная и отчаянная, — ответила старушка. — Прекрасное сочетание для того, чтобы вести беседы, но не лучшее для того, чтобы оставаться в живых.

— Мне уже об этом говорили.

— Тебя не подпускают к станку?

Я кивнула, удивившись, откуда она могла это знать, а потом вспомнила слова Иноры. Будучи Пряжницей, Лорисель знала обо всем, что творилось в Аррасе.

— Тебя пытаются взять под контроль, — пояснила она. — Сначала ставку делают на твои желания. Одежда. Влияние. Вечеринки.

— А если это не сработает? — спросила я.

— Тогда возьмутся за твое сердце.

— Но разве это не одно и то же?

Лорисель улыбнулась, и черты ее лица смягчились.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Большинство шестнадцатилетних, — сказала Лорисель, — не видит разницы между любовью и желанием. Так они и заставляют Прях работать, поэтому и призывают их в столь юном возрасте. Вас ослепляют шелками и вином.

— Я не испытываю тяги к вину, — безразлично ответила я.

— Что тебе всего дороже? — спросила она, но тут же продолжила, не дав мне возможности ответить: — Именно на это они в конце концов и нацелятся.

Мое сердце заколотилось, как сумасшедшее, стоило мне только вспомнить, как спокойно Кормак показал мне Ами, идущую со своей новой подружкой домой из академии.

— Моя сестра, — прошептала я.

— Сначала отыщут остальных. Ее приберегут напоследок, — покачала головой Лорисель.

— Но других нет, — возразила я.

— Я бы не была так уверена в этом. Ты можешь и не подозревать о существовании других, но Гильдия все знает.

— Но вам-то какая разница? — спросила я, не в силах скрыть любопытство. Вовсе не такой я представляла себе Пряжницу.

— Просто когда-то я была на твоём месте и рядом оказался привлекательный и весьма подбострастный представитель Гильдии. Вот только меня никто ни о чем не предупредил, — ответила она, и морщины на ее лице стали глубже. Затем Лорисель коротко кивнула и тут же растворилась в толпе.

— Старуха успела напугать тебя? — вернувшись ко мне, спросил Кормак.

Я покачала головой.

— Нет, она лишь считает, что я не должна тебя сопровождать.

— Это на нее похоже, — заметил он.

Пока мы позировали для фотокамер, жители Сайпреса бесцельно топтались на месте. Люди вели себя абсолютно неестественно, и мне начало казаться, что во имя нашей безопасности всех их накачали «Вэлпроном». Как только лента упала на землю, я вернула ножницы Кормаку.

— Дело сделано, — еле слышно сказала я. При виде зомбированных людей меня охватило жгучее чувство стыда, словно это я страдала за каждого из них.

— Нет, не совсем, — прошептал в ответ Кормак.

У меня не было никакого желания расспрашивать, что он имел в виду. Я жутко устала от его загадочных предупреждений и дурацких шуточек, а потому, отвернувшись, молча

разглядывала колыхавшееся море темноволосых людей. Жители Сайпреса были как две капли воды похожи друг на друга и очень напоминали мне Приану. Наверное, я со своей белой кожей и огненного цвета волосами казалась им инопланетянкой.

И в этот момент я увидела ее.

Светлые кудряшки над ушами. Вспышка света в море тьмы. Она выглядела такой же безучастной, как и остальные, и была одной из немногих девочек, присутствовавших на церемонии.

Остальные были мертвы.

Вот только ее переплели, вспомнила я, для более подходящей семьи. И все это случилось из-за меня. Мою сестру отдали взамен какой-то девочки, которую вырвал из полотна крючок Мэйлы.

Не думая ни о чем, я бросилась к ней. Толпа наконец ожила. Какой-то мужчина отскочил в сторону, женщина подхватила малыша на руки. Должно быть, я выглядела безумной: я неслась сквозь толпу, едва не падая с высоких каблуков, а волосы развевались у меня за спиной. Мне необходимо было добраться до нее, и никто не решался меня остановить. Люди были слишком напуганы.

Как только я подбежала к сестренке, стоявшая рядом с ней женщина крепко прижала ее к себе. Я пристально взгляделась в ее лицо. В отличие от остальных жителей Сайпреса, эта суррогатная мать взирала на меня с ужасом. Однако Ами смотрела с неподдельным удивлением. Она ничего не помнила. На лице ее не было ни следа той жгучей радости, с которой она обычно бежала ко мне после уроков.

Она понятия не имела, кто я такая.

— Ами, — прошептала я и протянула к ней руки, понадеявшись, что сестра вспомнит меня.

— Ее зовут Рия, — настороженно ответила женщина. — Это моя дочь.

— Ее зовут Ами, — еле слышно выдохнула я.

— Меня зовут Рия, — сказала Ами, скопировав тон матери. Однако в голосе ее слышалась еще и жалость. Она жалела не себя — меня, сумасшедшую девчонку, которая с кем-то ее перепутала.

Теплая рука мягко легла мне на плечо.

— Идем, — мрачно сказал Джост. — Нам пора.

Я смотрела на него, но ничего не видела — глаза застилала слезы. Джост повел меня обратно к охране. Кормак в этот момент прощался с кем-то, однако я была уверена, что он успел заметить произошедшее. Так же, как была уверена и в том, что именно он организовал всю эту комедию.

— Ты в порядке? — спросил Джост.

— В порядке. Я просто ошиблась, — соврала я.

Однако по выражению лица Джоста я поняла, что он мне не поверил.

— Меня зовет посол Паттон. Мы уезжаем через несколько минут.

Я постаралась взять себя в руки, но получилось не слишком хорошо. Открыв дверь мотокареды, я проскользнула внутрь и села на свое место в ожидании Кормака. Я закрыла глаза и уже готовилась провалиться в сон, как вдруг дверь отворилась и рядом со мной уселся Эрик.

— У меня мало времени, — с ходу заявил он.

— Конечно, — в замешательстве ответила я.

— Кормак отсылает меня в отель одного.

— Ты не поедешь с нами? — встревожившись, спросила я.

— Нет. — Эрик посмотрел мне прямо в глаза. — Кормак — могущественный человек, так что довольно глупо с моей стороны говорить такое, но все же: если он попытается сделать что-нибудь, пни его между ног.

Мои глаза округлились от удивления, и я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

— Ну ты даешь, — фыркнула я. Невероятно, но Эрику удалось рассмешить меня в такой жуткий момент.

— Вот, держи, — Эрик вложил мне в руку микродиск.

— Что это? — спросила я, осторожно рассмотрев диск со всех сторон, прежде чем положить его в сумочку.

— Вставь его в свой дигифайл, и сможешь подсоединиться ко мне, — пояснил Эрик. — Дай знать, когда вы вернетесь.

Юноша с тревогой заглянул мне в глаза, и у меня вдруг перехватило дыхание.

— Ты что, и вправду думаешь... — начала я, но закончить мысль у меня не хватило смелости.

— Кормак непредсказуем, — ответил Эрик. — В этом-то и проблема.

В порыве благодарности я наклонилась вперед и крепко пожала его руку. Юноша ответил тем же, а затем выскользнул из мотокареды. Если бы я тоже вышла, то могла бы уехать с ним, но тогда Эрик попал бы в неприятности. Однако альтернативный вариант — остаться наедине с Кормаком — приводил меня в ужас.

— Готова ехать? — спросил Кормак, усаживаясь рядом со мной. Для действий было уже слишком поздно.

— Что хотел Эрик?

Я не сразу нашла, что ответить.

— Хотел обсудить завтрашний маршрут, прежде чем вернуться в отель.

Кормак окинул меня внимательным взглядом, а затем расплылся в улыбке.

— Внимание к деталям. Как же мне это нравится. Надо срочно забирать его из Ковентри. Хочу тебе кое-что показать, — сказал Кормак. Он не придвигался слишком близко ко мне, и я его не винила. Думаю, он прекрасно понимал, что его план сработал.

Я не заговаривала о случившемся. Молчал и он. Суть его намека была прозрачна. Мы ехали всего несколько минут, но уже стемнело, и за тонированными стеклами мотокареды ничего не было видно. Как только машина остановилась, Кормак вышел на улицу и приблизился к моей двери, чтобы открыть ее. Водитель остался внутри.

С его помощью я ступила на тротуар и увидела перед собой черное небо, усыпанное блестящими точками звезд. Мы стояли всего в нескольких шагах от обрыва. В темноте почти невозможно было разглядеть расстилавшуюся внизу равнину. Тут и там сияли огни маленьких городов, раскинувшихся у подножия утеса.

Кормак выпустил мою руку и подошел ближе к краю, а затем протянул руки в пустоту.

— Аделиса, все это ждет тебя.

Я зябко потерла голые плечи.

Пока мы ехали обратно, Кормак сидел развалившись и даже не смотрел в мою сторону. Все эти обнимания во время фотосессий привели меня к совершенно неверному выводу, в то время как он всего лишь хотел показать мне красивый вид. Хотя после всего произошедшего тем вечером я уже ничего не понимала.

Борьба с рвавшимися наружу слезами и жгучим чувством вины в конце концов утомила меня, и я задремала. Проснуться меня заставил голос Кормака. Я очнулась ото сна, но быстро поняла, что он говорил не со мной. Голова мужчины была наклонена в сторону. Вновь закрыв глаза, я прислушалась.

— Вы уже много недель знаете о том, что происходит в Нортумбрии, — сказал Кормак. — Как можно так долго возиться с малюсеньким пятнышком?

Он замолк, и я пожалела, что не могла расслышать ответ. Импланты, к сожалению, не предоставляли такой возможности.

— Понял.

Сквозь полуприкрытые веки я разглядела, что Кормак нахмурился.

— Это выходит из-под контроля. Если мы не найдем источник, придется зачищать весь Восточный сектор, — добавил он, — и еще, Эннокс...

Сердце мое замерло, как только я услышала это имя, но вспомнить, где я слышала его раньше, никак не получалось.

— Удалось выяснить что-нибудь у того парня со станции Нилас? Если эта зараза начнет распространяться... — Кормак замолк, слушая ответ Эннокса. — Что ж, думаю, в таком случае еще нет нужды обращаться ко второму протоколу, но следует разработать план.

Сквозь полуприкрытые веки я заметила, как Кормак наклонился вперед и спрятал лицо в ладонях, а затем посмотрел на меня. Я притаилась. С минуту он внимательно разглядывал меня, после чего налил себе еще виски.

Глава десятая

Утро пришло с первыми всполохами рассвета за окном. Здесь, в отеле, я могла любоваться настоящим небом, а не запрограммированными экранами комплекса. Этот рассвет будил всех жителей Сайпреса, и впервые с момента поездки в мотокарете я закрыла глаза. Открыв их вновь, я попыталась представить, что и сама жила в этом городе. Пора было собираться на работу. Вскоре я бы поехала в центр и села за свой рабочий стол в ожидании приказаний начальника, готовая подносить ему кофе. Или я бы принялась составлять план обучения. Рассказывала бы ученикам о временах года. Объясняла бы, как четко каждое из них рассчитано по времени, чтобы оптимизировать возможности Пряха по снабжению городов едой. Однако картинка школы в моем воображении тут же сменилась видом станков, ловких пальцев и каменных стен. Эта комната была не более реальна, чем вся моя жизнь в ней. И то, и другое было создано руками какой-то Пряхи.

Я не вылезала из кровати до тех пор, пока ко мне не пришла горничная.

— Ох, простите, мисс, — сказала она, однако голос ее прозвучал неубедительно — словно она заранее отрепетировала эти слова. Возможно, впрочем, мне это лишь показалось.

— Все в порядке, — ответила я, выскальзывая из постели. — Мне в любом случае пора вставать. — Как-никак мне хоть немного хотелось побыть одной, пока моя команда стилистов не прибежала сюда, чтобы подготовить меня к последнему перемещению в Ковентри.

— Тогда я приду попозже, — предложила горничная, однако я спокойно покачала головой, поясняя, что она может остаться.

Вещей у меня было немного, и я быстро справилась со сборами, а затем заказала себе легкий завтрак из ячменной лепешки и чая и устроилась в кресле. Я настолько привыкла к шуму и суете вокруг, что с удовольствием наблюдала за работой горничной. Она, похоже, была ровесницей моей матери.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — добродушно предложила она.

— Спасибо, мне ничего не надо, — с улыбкой ответила я, не желая выдавать гнев, нараставший внутри.

— Что ж... — неуверенно начала она, а затем прервала работу и робко посмотрела на меня. — Я прошу прощения. Мне так хотелось встретиться с вами. Было очень грубо с моей стороны так врываться к вам с утра пораньше.

Так вот в чем было дело! Она просто мечтала о встрече с Пряхой или о ее благословении. Я почувствовала себя виноватой, ведь в таком случае я не имела ничего против. Конечно, если только ей не было известно о том, что я имела прямое отношение к тому, что случилось с академией.

Протянув горничной руку, я просто сказала:

— Я Аделиса.

— Встретиться с вами — большая честь для меня, — сказала она, сильно пожав мою руку. — Я подумала, может быть, вы знаете мою дочь. Ее призвали в этом году.

— Приану? — спросила я, и лицо женщины просияло. В этот момент я окончательно поняла, что и наша поездка в Сайпрес, и перерезание ленточки, и остановка в этой гостинице были спланированы от начала и до конца. Академия. Ами. А теперь еще и мать Прианы. Кормак хотел показать мне последствия принятых решений и напомнить,

насколько я была беспомощна без поддержки Гильдии. Однако в его плане было одно слабое место: теперь я знала, где жила Ами.

— Так вы ее знаете! С ней все хорошо? — спросила она.

Я сделала все возможное, чтобы улыбнуться как можно натуральнее, и кивнула. После того как она потеряла вторую дочь, даже самые скудные новости о Приане, должно быть, казались ей подарком небес.

— Я очень сожалею о том, что здесь произошло, — еле слышно прошептала я. Часть меня хотела рассказать правду, объяснить, что академия была разрушена по моей вине, однако, подняв глаза, я увидела, что горничная смотрела на меня без выражения.

— Сожалеете о чем? — непонимающе спросила она.

— Об академии, — ответила я, разомкнув наши руки.

— Она прекрасна, — механически ответила горничная. — Жаль, она не была так хороша, когда там училась Приана.

— Но ваша дочь...

— Приана? — удивленно переспросила она.

— Нет, — медленно произнесла я, вглядываясь в лицо женщины. — Ваша вторая дочь и академия...

— Приана — моя единственная дочь, — несколько неуверенно проговорила она. Ее не удивила и не шокировала моя ошибка, однако она ответила без выражения, автоматически, словно выполняя заданную программу.

— Должно быть, я ошиблась, — сказала я. — Мне казалось, Приана упоминала о сестре.

— Она мой единственный ребенок, — повторила горничная, и на лице ее снова вспыхнула радость. — Мое счастье и моя гордость.

— Но что произошло с вашей академией? — спросила я, интересуясь не столько фактами, сколько тем, во что ее заставили поверить.

— Ее перестроили. Всех позвали на городское собрание — точнее, всех родителей девочек, — все тем же безжизненным голосом рассказала она. На миг женщина замерла, словно пытаясь вспомнить, что происходило на том собрании. — Женскую академию реорганизовали. Это, пожалуй, верно. Мы выпустили больше Прях, чем любой другой город Арраса, какой сектор ни возьми.

Я тяжело сглотнула и повернулась к ней.

— Приана говорила то же самое, — спокойно заметила я, однако мысли мои в этот момент были уже далеки от нашего разговора.

— Похоже, вы сдружились, — счастливо воскликнула мама Прианы, и я не решилась ее поправить. — Сделаете для меня небольшое одолжение?

— Что угодно, — ответила я, ожидая, что она попросит меня передать что-нибудь Приане.

Однако вместо этого женщина прошептала:

— Приглядите там за ней ради меня.

Это было нетрудно.

Инора встретила меня на станции Западного Ковентри и, едва завидев, тут утащила прочь, пока Эрик и Джост еще не прибыли. Я чувствовала себя жутко неблагодарной оттого, что не могла даже поблагодарить их за помощь, но Инора пребывала в таком состоянии, что я не решилась ей возразить.

— Твоего прибытия ждут с нетерпением, — с ходу заявила она.

— Хорошо. — Мне хотелось рассказать ей о подслушанном разговоре Кормака с Энноксом, но я не знала, с чего начать.

— Ты что, опять плела без помощи станка? — тихо спросила Инора. Взгляд ее был настолько встревоженным, что я начала сомневаться. Она, похоже, была почти уверена, что так и было.

— Нет. — Я попыталась вспомнить, было ли это правдой. — Нет, не думаю.

— Нет или все-таки может быть? — настаивала она.

— Нет, — повторила я более твердо. — Да что вообще случилось?

— Тебя призывают к обучению, — едва слышно произнесла она.

— У Мэйлы? — спросила я, не в силах скрыть раздражение.

— У Лорисель.

Теперь я начала понимать, почему Инора так переживала.

— О, — с облегчением выдохнула я. — Мы встретились с ней с Сайпресе.

— Должно быть, ты произвела на нее большое впечатление, — сказала Инора.

— Она уже знала, кто я такая, — пояснила я, — и ей не понравилось, что я пришла вместе с Кормаком.

— Это на нее похоже.

— Вот и он так сказал. Я и сама согласна. Он для меня слишком стар, — сострила я, надеясь поднять Иноре настроение.

Инора даже не улыбнулась в ответ.

— Лорисель не одобряет его положения в Ковентри. Она считает, мы должны быть независимы.

— Разве это не так?

— Лорисель, может, и обладает независимостью, но работу остальных Прях контролирует Гильдия. Конечно, наши возможности чуть побольше, чем у большинства женщин, но хвастаться нам все равно нечем.

Я вспомнила приказы Кормака, его рассуждения о втором протоколе и то, как он предложил мне весь расстилавшийся перед нами Аррас, словно он принадлежал ему. В моих ушах зазвучали слова Ами: «Пряхи обладают властью». Верила ли и я в это?

— Может, стоит рассказать ей о моих способностях? — отважилась спросить я.

Инора смотрела на меня, но мысли ее, казалось, витали где-то далеко. Когда она наконец ответила, голос ее звучал невыразительно и отстраненно:

— Нет. Я по собственному опыту знаю, что некоторые секреты не стоит раскрывать даже людям с лучшими намерениями.

Я вгляделась в ее лицо, пытаюсь понять, осознавала ли Инора, насколько важное заявление сделала только что, насколько честна была со мной. Хотя я пока и не отважилась рассказать ей о Кормаке, и о заботе Эрика, и о том, как Джост кормил меня ужином, это сделало бы нас ближе друг к другу. Между нами по-прежнему стояла стена недоверия, но теперь я сомневалась, кто из нас заложил в ней первый кирпичик.

Впрочем, одна вещь волновала меня больше остальных.

— По поводу тайн. Почему ты не предупредила меня о том, что будет в Сайпресе?

Выражение лица Иноры ответило на мой вопрос лучше слов: она ничего не знала.

— А что произошло в Сайпресе? — тихо спросила она. — По телевидению ничего не показывали.

— Неважно, — пробормотала я, и, прежде чем она успела задать следующий вопрос, мы

подошли к стенам комплекса.

Инора не дала мне возможности сменить дорожный костюм. Вместо этого она сразу же привела меня в просторную комнату, куда меня распределили, как только я стала Пряхой. С того момента я не была здесь ни разу. Окно в садик было открыто, и ветер играл шифоновыми занавесками. Я внимательно рассмотрела станок — мой станок. Он блестел так, словно его никто не трогал. Рычаги сбоку находились в том же положении, в котором я их оставила. Станок ждал свою хозяйку. А рядом с ним неподвижно стояла Лорисель.

Я с восхищением посмотрела на ее темно-синий брючный костюм, попытавшись припомнить, когда в последний раз мне позволяли надеть брюки. Меня поразило, насколько более могущественной и уверенной в себе она выглядела по сравнению с другими Пряхами. В ней не было ничего искусственного.

— Спасибо, Инора, — сказала она.

Инора кивнула.

— Могу я еще чем-нибудь помочь?

— Нет, мы справимся сами, — ответила Лорисель, усаживаясь на один из стульев. — Экраны здесь прекрасны, не правда ли?

Я улыбнулась, не зная, что ответить.

— Сегодня я хочу поработать с Аделисой наедине, — обратилась она к Иноре, и моя наставница улыбнулась в ответ. В первый раз я заметила, что она оставляла меня со спокойным сердцем.

— Доступ Альфа Эль, — громко произнесла Лорисель, как только Инора вышла из комнаты.

— Доступ подтвержден, — отозвался с панели безжизненный голос.

— Выключить охранные мониторы и аудиопрослушку, — приказала Лорисель.

— Мониторы и прослушка будут отключены на один час.

— Так-то лучше, — сказала Лорисель и похлопала по сиденью стула рядом с собой.

Я села и молча уставилась на нее.

— Как продвигается твое обучение? — спросила она.

Вопрос заставил меня покраснеть. Я едва умела включать станок и еще ни разу не работала без присмотра.

— Стоит на месте, — честно ответила я.

— Догадываюсь. Кормак никогда не умел определять приоритеты.

— В этом есть и моя вина, — возразила я. — Обучать меня оказалось непросто.

— Так бывает со всеми Пряжницами, — прошептала в ответ она.

— Ох, но я не...

— Ты Пряжница. И была таковой с восьми лет.

От изумления я открыла рот и закрыть его была не в силах. Мне было восемь, когда я впервые поймала нить времени. Это случилось во дворе нашего дома. Мама тут же заставила меня вернуть все обратно, а потом они с папой долго говорили о чем-то за обеденным столом, и голоса их тогда показались мне встревоженными. Затем эта сцена не раз повторялась за ужином.

— Часть моей работы заключается в том, чтобы найти и обучить следующую Пряжницу. Я нашла тебя в первый же раз, когда ты взялась за нить.

— Так вы уже давно обо всем знали? — едва слышно пропищала я.

— Долгое время я переживала из-за своего возраста. Я дам фору, — сказала она,

склонив голову набок, — большинству в этом проклятом Ковентри, однако факт остается фактом. Мое тело умирает. И мне нужно было найти себе замену.

Я вспомнила, сколько ночей потратила на то, чтобы научиться быть неуклюжей, вспомнила ходы в подвале и мешок с окровавленным телом в столовой. Все это было бесполезно: за мной следили давно.

— Я знала, что это ты, на протяжении многих лет, — грустно добавила она. — Но, когда твои родители начали учить тебя скрывать свой дар, я очень надеялась, что у них все получится.

— Но почему? — Меня убило ее признание. Она следила за мной годами, но ничего не сделала, когда все пошло наперекосяк в ночь моего призыва.

— Я сожалею о твоих родителях и сестре, но не в моих силах было им помочь, — добавила Лорисель и замолчала. — Я подарила тебе множество возможностей избежать своей участи, но для этого нужно было пожертвовать ими.

Мои глаза наполнились слезами, рыдания подступили к горлу. Я отчаянно старалась разозлиться на кого-то другого — глупо было ненавидеть сидящую передо мной пожилую женщину.

— Мне нужно научить тебя вещам, о которых Гильдии ничего не известно. Но все меняется гораздо быстрее, чем я ожидала, — со вздохом заметила она.

Я поняла, что разрыдалась бы, попытайся задать вопрос, и потому лишь молча смотрела перед собой. Лорисель встала со стула, подошла к стене и с удивительной быстротой ввела код на коммуникационной панели. Рычаги станка тут же начали двигаться. Они ударялись друг о друга; вокруг них начали сплетаться мерцающие нити. Кусок светящейся ткани медленно ложился на поверхность станка.

— Это простой кусок. — Лорисель коснулась пальцами лежащей перед нами ткани. — Сейчас перед тобой смертельно больная женщина, за которой ухаживают дома. Ее дочь попросила нас об устранении.

О вырывании. Лорисель пришла, чтобы продолжить то, на чем остановилась Мэйла. Что же за дочь могла просить об устранении? Я попыталась представить, как заполняю форму Гильдии на устранение своей матери. Мне захотелось отойти в сторону, но вместо этого я нагнулась, чтобы внимательнее рассмотреть кусок ткани.

Он был соткан из толстых, длинных нитей. Я коснулась ткани и разглядела все: маленький домик в пригороде, к которому еще не притрагивалась рука Пряхи, позволив всему идти своим чередом. В отличие от предыдущего куска, из которого мне предстояло вырвать нить, здесь нити не сплетались в настолько тонкие и сложные узоры. Они были довольно толстыми и грубыми, как и получавшаяся в результате материя. Слабую нить обнаружить было проще простого: она была изношена, но в то же время очень длинна и на свету отливала медью и золотом. Несмотря на очевидную поношенность, нить казалась толстой и тихонько вибрировала. Если Лорисель думала, что вырвать эту нить проще, чем одну из тех, что сплетались в замысловатый узор, она сильно ошибалась. Удаление этой нити казалось нарушением естественного хода вещей. В ней теплилась жизнь: все, чего она касалась, при ее удалении оказалось бы сильно повреждено.

Я достала серебряный крючок из маленькой ниши на боку станка и, поддев им изношенную нить, аккуратно вытацила ее наверх. Она вышла очень плавно, но окружавшие ее нити печально обвисли вокруг образовавшейся дыры. Похоже было, что я подорвала их основу. Нить, свисавшая с моего крючка, была поддержкой для слишком большого

количества других маленьких ниточек. Теперь ее больше не было.

И все же я ничего не чувствовала. Меня не тошнило, слез не было, я словно находилась в оцепенении.

— Теперь этот кусок можно отправлять в починку, — мягко произнесла Лорисель.

Я кивнула, а Лорисель ввела новый код. Остатки ткани отправились в отдел починки, где дыру должны были заштопать, аккуратно перевязав все оборванные концы между собой.

— Вы можете его починить, — заявила я.

— Конечно, могу, но я здесь не для этого. Твой путь — это путь тяжелых решений, Аделиса. Большинство из них будет касаться жизни и смерти. Трудно решиться пожертвовать одним даже ради спасения многих, — голос Лорисель перешел в мрачный шепот; взгляд стал пустым. — Гораздо проще вообще не попадать в такие ситуации. Будучи Пряжницей, ты сможешь создавать новые места — океаны, озера, здания, поля. Это станет твоей наградой, — Лорисель замолкла, и я увидела, что она ввела на панели следующий код.

Мгновение спустя на станке возник новый кусок Арраса. Он был почти пуст, в переплетении золотых нитей лишь иногда проскальзывали зеленые всполохи. Лорисель увеличила изображение. Перед нами оказался обыкновенный кусок земли — какой-то парк или поле рядом с одним из городов. Здесь не было ни деревьев, ни скал, лишь сплошной зеленый луг. В этот момент я впервые заметила маленькую сумочку, стоявшую у ног Лорисель.

— Обычно я работаю в личной мастерской, но сегодня пришлось взять материалы с собой, — с улыбкой заметила она. — Должно быть, ты привыкла к своему станку. Я могу работать на любом. А теперь, раз уж я показала тебе разрушительную часть нашей работы, ради восстановления гармонии ты должна увидеть и ее лучшую часть.

Лорисель достала из сумочки катушки тонких голубых нитей. Материал, из которого они сотканы, невозможно было описать словами, а цвет скорее был не цветом как таковым, а лишь намеком на него. Мне он казался голубым, но это потому, что я уже видела эти нити раньше. Они как будто были сотканы из света, прохладные на ощупь. Лорисель отмотала часть нити, и та начала сверкать и переливаться, испуская голубоватые искры. Передо мной был материал, из которого умелые руки Прях создавали ткань Арраса. Я никогда не задумывалась над тем, откуда он появлялся. Плетение было частью моих врожденных способностей. Разум не имел к этому никакого отношения. Мне уже доводилось добавлять в ткань новые нити, однако в прошлый раз это происходило под руководством более умелых Прях.

Лорисель аккуратно вынула из канвы несколько зеленых нитей, затем взяла голубую нить и продела ее конец в игольное ушко. Голубая нить тут же начала заполнять пустое пространство. Пряжница работала быстро, умело, голубые и зеленые нити плавно сплетались в единое целое. Как только пустое пространство оказалось заполнено, Лорисель взяла еще одну нить и пустила ее по краю. Когда я была совсем маленькой, мама часто вышивала кухонные полотенца. Она работала в той же технике, что и Лорисель, но у Лорисель, в отличие от мамы, не было перед глазами схемы. И еще ее вышивка чудесно мерцала. Даже в абстрактном виде ткань выглядела завораживающе.

— Это кромка новой вставки, — пояснила она, заканчивая обшивать край. — Вот так мы видоизменяем ткань.

Закончив работу, Лорисель убрала катушки с материалом в сумку и увеличила на станке измененный кусок ткани. Там, где раньше был обыкновенный луг, теперь красовалось озеро

— источник воды для всех, кто жил рядом.

— Вскоре фермеры начнут разводить в нем рыбу, и у города появится новый источник питания, — пояснила она. — Обожаю создавать озера. Есть, видимо, что-то водное в моей душе.

Я замерла от восхищения, осознав наконец истинное влияние Лорисель. Но в руке у меня по-прежнему была зажата вырванная нить. Мы с Лорисель отличались друг от друга, как день и ночь. Сидевшая рядом со мной женщина была сама жизнь. Я же — сама смерть.

По дороге в столовую Инора объявила, что мое обучение работе Пряжницы будет продолжаться, и я несколько не удивилась этому. В столовой мы сели вместе, и я заметила, как в противоположном конце стола свое место заняла Приана. Рядом с ней никого не было — мой стул пустовал. Места распределялись в зависимости от ранга, и Приана, как еще не окончившая обучение, единственная сидела у дальнего края. Хотя постороннему человеку она могла показаться отстраненной, я разглядела, как вспыхнули при виде меня ее щеки. За ужином она ни разу не подняла головы, и я начала сочувствовать ей. У меня по крайней мере была Инора, а вот Приана осталась совсем одна, точно в изоляции. Должно быть, из-за этого она ненавидела меня еще больше.

— И как давно продолжается твое обучение, дорогая? — нараспев произнесла одна из Прях. Слова стекали с ее языка, словно капли меда. Должно быть, она была родом из южной части Арраса. На Западе никто не обладал таким говором.

— А какой сегодня день? — спросила я. Из-за путешествия я окончательно потерялась в числах.

Пряха кратко рассмеялась.

— Пятое октября, дорогая.

На улице было по-прежнему так же тепло, как и в день рокового тестирования. Листья тогда только-только начали желтеть, и, хотя воздух заметно посвежел, я прекрасно обходилась без жакета. То был сентябрь. Значит, в Ковентри я провела всего пару недель. Дни моей жизни в Ромене тянулись так долго, что казались ожившими воспоминаниями, и теперь меня не покидало ощущение, будто мама только вчера велела мне убраться в комнате, будто только вчера я расчесывала волосы Ами. Мои воспоминания о семье были очень живыми, но при этом какими-то размытыми, словно ускользающими.

— Меньше месяца, — громко ответила я, умолчав о том, сколько времени я провела в камере.

— Месяц? — Ярко подведенные глаза Пряхи округлились, взгляд ее стал пугающим. — Похоже, это рекорд.

Остальные согласно закивали. Инора, которая до этого говорила с сидевшей напротив женщиной, решила прийти мне на помощь.

— На вступительных экзаменах Аделиса проявила выдающиеся способности. К тому же, в нашем отделе не хватало кадров, так что мы решили взять ее к себе.

Инора ослепительно улыбнулась, и все повернулись обратно к своим собеседницам. Однако Пряха с юга продолжила буравить Инору пронзительным взглядом. Она была похожа на зверя в клетке: одновременно испуганного и озлобленного. Мне не нравилось, как она смотрела на мою наставницу. Как можно было не любить Инору? Похоже, с этого момента мне стоило приглядывать за этой женщиной: она, судя по всему, могла пойти по головам.

Я попыталась сосредоточиться на еде, но вновь ощутила на себе чей-то взгляд. Подняв

глаза, я увидела Мэйлу. Наши позиции за столом были практически равны. Она сидела во главе Прях низшего звена, а я — в хвосте Прях высшего уровня, которые работали с Пряжницей. Я буквально видела, как крутились колесики в голове Мэйлы. Глаза ее были подернуты пеленой, губы плотно сжаты, нижняя челюсть выдвинута вперед. Ей некуда было расти, а я только начинала свое восхождение. Однако я не сомневалась, что она могла найти способ забраться выше, — у людей ее типа с этим проблем обычно не возникало.

— Ты волнуешься? — приторно сладким голосом спросила Пряха с юга.

— Даже не знаю. — Я покраснела, не до конца понимая смысл заданного вопроса. — А что, должна?

— Ну, из-за бала, который организует Гильдия, — пояснила она так, словно все только об этом и говорили. — На следующей неделе.

— Точно-точно, — отозвалась я, припомнив вдруг, что читала об этом в бюллетене. Бал всегда проводится осенью. — Я о нем забыла.

— Кормак снова будет тебя сопровождать? — спросила. Пряха, и сладость из ее голоса тут же испарилась.

— Нет, — ответила Инора, глядя ей прямо в глаза. — В пределах Ковентри Пряхи не могут посещать мероприятия в сопровождении кого-либо. Ты что, забыла об этом?

— Да, совсем вылетело из головы, — вяло ответила она и переключилась на другой разговор.

Видимо, сдружиться нам было не суждено.

— Не переживай, твое платье уже готово, — прошептала Инора.

— Вот уж не думала, что буду мечтать избавиться от Кормака хотя бы ненадолго, — пробормотала я, не уверенная в том, услышит ли меня Инора.

— А ты подумай, — фыркнула она.

Глава одиннадцатая

Все было организовано на высшем уровне. Такого следовало ожидать: на бал были приглашены все крупные чиновники Гильдии. Однако мероприятие оказалось поистине грандиозным.

Взять хотя бы платье. На церемонии перерезания ленточки в Сайпресе я чувствовала себя не в своей тарелке, одетая в вечерний наряд, но в этот раз я ощущала себя голой. Даже сейчас, когда я танцевала поочередно с каждым из членов Гильдии, мне казалось, что все это происходило не со мной. Обычно я не носила ничего подобного. Сказать, что этот наряд не оставлял места воображению, значило сильно поскромничать. Изумрудно-зеленый шелк плавно скользил по изгибам моего тела. Вообще-то формы у меня были не слишком выдающимися, но это платье вкупе с отсутствием некоторых предметов нижнего белья создавало нужный эффект. Вырез на спине доставал до самого копчика, а о передней части лучше было даже не думать. Шелк платья был настолько тонок, что я едва ощущала его на коже. С тем же успехом можно было прикрыться фиговыми листочками и спрятаться в углу.

Фотографы испытывали ко мне нездоровый интерес. Второй их добычей стала Приана, облаченная в длинное черное бархатное платье без бретелей. Разрез приоткрывал одну из длинных смуглых ног — чулка на ней не было. Пока вокруг щелкали фотоаппараты, я смотрела в центр зала, где красовалось коронное блюдо — поросенок на вертеле, сжимавший яблоко в зубах. Думаю, мы с ним чувствовали себя примерно одинаково. Приана вела себя гораздо раскованнее. Она широко улыбалась, не забывая при этом принимать все новые позы. Я никогда не была чересчур застенчивой, однако сегодня ко мне проявляли уж слишком пристальное внимание.

Внезапно чья-то сильная рука схватила меня за локоть и утащила в толпу.

— Сегодня мы с тобой за одним столиком, — прошептал Кормак.

— Сбылась моя заветная мечта, — огрызнулась я.

— Что, прости? — спросил он таким тоном, что я не отважилась повторить.

— Я говорю, ведите меня.

Наш столик оказался в первом ряду, у самой сцены, совсем близко от танцплощадки. Пока Кормак отодвигал мой стул, я разглядела таблички остальных приглашенных гостей. При виде знакомых имен сердце в панике забилось чаще.

— Принести тебе чего-нибудь выпить? спросил Кормак.

Я бросила последний взгляд в зал. Всех этих людей мне не раз доводилось видеть по телевизору. Поняв это, я кивнула.

— Рано или поздно все пути приводят к выпивке, — рассмеялся Кормак, а затем удалился в направлении бара.

Пока я изучала серебряные приборы, остальные гости заняли свои места. Теперь мне пришлось сидеть в окружении политиков и их жен. Голову я поднимала лишь для того, чтобы отхлебнуть немного вина. Наконец к нам присоединилась Лорисель, и паника начала понемногу утихать. Но Лорисель лишь молча разглядывала сцену; губы ее были плотно сжаты. Остальные женщины не обращали на меня никакого внимания. Их гораздо больше занимали наряды и сплетни. Мужчины говорили о политике и о людях, чьи имена я никогда не слышала. Я была рада, что Кормак принес мне бокал вина, хотя каждый глоток и давался мне с огромным трудом.

Официанты внесли огромные серебряные блюда, и я удивилась, насколько легко они управлялись с ними. Большинство из прислуживавших на вечере были типичными худосочными представителями низшего класса, приглашенными специально для обслуживания этого мероприятия. Чем ниже по социальной лестнице находился человек, тем меньше у него было еды, а значит, и возможности набрать мышечную массу. Однако этим официантам тяжелые подносы явно были нипочем. Что ж, теперь, по крайней мере, можно было поесть. Я начала торопливо разворачивать свою салфетку, однако Кормак тут же вырвал ее у меня из рук.

— Только после того, как принесут твою тарелку, — пробормотал он, ужаснувшись моей оплошности.

После этого я решила вообще не поднимать глаз. Вскоре на тарелке оказался салат из горькой зелени с кусочками фруктов и сладкой заправкой. Рядом — суп из акульих плавников и лука. Огромный сочный стейк для мужчин и несколько кусочков курицы на горке риса для женщин. Смотреть на еду Кормака было выше моих сил.

— Держи, — сказал он, протянув мне вилку с куском мяса. — Выглядишь так, будто тебя вот-вот унесет ветром.

Я с аппетитом принялась жевать кусок истекающего соком мяса, и женщина, сидевшая напротив меня, с удивлением посмотрела на меня.

— Магдалена, — осуждающе произнес Кормак, и женщина тихонько рассмеялась.

— Не помню, когда я в последний раз видела женщину, которая ест говядину, — заявила она, и две ее подружки согласно захихикали.

— Мы в Ковентри постоянно ее едим, — заявила я и тут же покраснела, поняв, что привлекла к себе всеобщее внимание.

— Само собой, — согласилась Магдалена. — Вам ведь доступны пакеты обновления третьего поколения. А нам — только второго.

— О! — воскликнула я, не совсем понимая, что она имела в виду.

— Я слышала, сейчас уже идут работы над четвертым поколением, — тихо сказала одна из жен.

— Просто замечательно, значит, третье поколение перейдет нам, — громко заявила Магдалена. — Не могу даже представить, каким будет четвертое!

— Я слышала, это все равно что вернуться в утробу. Становишься словно младенец, — объяснила ее подруга.

Магдалена пристально посмотрела на меня.

— Я готова остановиться на третьем.

Я заметила напряженный взгляд Лорисель. Интересно, сколько ей на самом деле было лет? Пальцы ее были все такие же гибкие, тогда зачем она столь явно демонстрировала возраст? А может, она была настолько стара, что скрывать это уже не было возможности?

— Старше, чем ты думаешь, — тихонько произнесла она, и я отвернулась, смущенная тем, что она догадалась о моих мыслях.

Как только унесли десертные тарелки, все получили по чашке кофе и на сцену вышел широкоплечий мужчина. Шум постепенно стих. Перед нами оказался премьер-министр Карма, действующий глава государства.

— Рад видеть вас, хранители Арраса. Это был прекрасный год. Мы прожили его в мире и процветании...

Я вытянула шею, чтобы получше разглядеть премьер-министра, но на самом деле

больше всего в этот момент мне хотелось оказаться в постели и послушать его речь по телевизору. Рядом с Кормаком маячила телевизионная команда, снимавшая лица гостей, так что я старалась казаться бесстрастной, надеясь, что их не заинтересует настолько скучное лицо. Как ни странно, в этот момент я вспомнила о Джосте. Был ли он на балу сегодня? Если бы только он мог прийти и забрать меня отсюда, как тогда, в Сайпресе. К тому же, он знал, как держать вилку и сколько пищи я могла проглотить за один раз. А тогда, в камере, пиджак его был таким теплым и мягким... Мне не хватало заботы Джоста. Но даже мысли о нем спасали меня, отвлекая от политики этого вечера, пока по рядам не прошел гул оживления и мне не пришлось вернуться на грешную землю.

— Мы рады сообщить вам, что уже в этом году широкой публике будет представлена новая возможность — контролирование мыслей, — объявил премьер-министр Карма. — Только представьте — теперь вы сможете сохранить ценные воспоминания о престарелых родственниках перед их устранением или безболезненно изменить поведение ребенка. До сих пор это было невозможно, но сегодня в Аррасе это становится реальностью.

— Жаль, такого еще не было в прошлом году, — прощептала своим подругам Магдалена. — Корбин так вцепился в свою мамочку, что я уговорила его подписать прошение об устранении лишь через два года.

Ее собеседница рассмеялась и прошептала в ответ:

— Не говоря уже о Джой. Не понимаю даже, как я не убила ее за время этого дурацкого тестирования!

Мои глаза встретились с глазами Лорисель, но я ничего не сказала.

Речь завершилась перечислением грядущих изменений в ткани Арраса, которые планировалось выставить на голосование Гильдии в преддверии очередного тура выборов. Затем премьер-министр по очереди вызвал на сцену своих подчиненных, каждый из которых отчитался о том, что было сделано за прошедший год. Когда прозвучало имя Кормака, объективы камер повернулись к нам, и я заставила себя широко улыбнуться.

Премьер-министр Карма приветственно поднял руку.

— И, как всегда, Гильдия выражает благодарность за преданную службу главе манипуляционной службы — Лорисель.

Она не встала. И даже не улыбнулась. Но все продолжили аплодировать.

После окончания речи Кормака вызвали по срочному делу. Вскоре ушла и Лорисель, и я осталась за столом одна. Чтобы выйти из зала, мне нужно было сначала миновать танцплощадку, где престарелые чиновники Гильдии танцевали с оробевшими Пряхами. В такой ситуации не оставалось ничего иного, кроме как молча сидеть на месте, подслушивая чужие разговоры.

— Да, при желании он может заполучить половину женщин всего Арраса, включая и тебя, — заявила Магдалена, пихнув в бок свою подругу, — но назначения ему не видать как своих ушей.

— Мужчинам он тоже нравится, — возразила другая дамочка.

— Нет, они просто завидуют. Это другое, — отозвалась Магдалена. — Даже если бы у всех нас было право голоса, он бы все равно не выиграл. Кормака — одиночка, а холостяк не может быть главой государства.

— Просто ты надеешься, что выберут твоего Корбина, — прошептала еще одна женоушка.

Я осуждающе посмотрела на них, и Магдалена ответила мне вызывающим взглядом.

— Кормаку ни за что не стать премьер-министром, пока он разгуливает с молоденькими девочками, — колко заметила она.

Этого оказалось достаточно, чтобы я решилась вернуться в свои апартаменты. Я не сомневалась, что, стоит мне выйти из-за стола, как они с удовольствием примутся перемывать мне все косточки. Быстро оглядевшись, я не заметила никого, кто мог бы мне помешать, однако уже на полпути к выходу одному из чиновников все-таки удалось сцапать меня. Этого-то я и боялась. Мужчины, которые сегодня пришли без сопровождения, выглядели просто отвратительно — все как один толстые, волосатые и вонючие. На такого могла позариться лишь девушка, жаждавшая власти.

Похоже, именно поэтому Приана увивалась вокруг самого толстого, волосатого и вонючего из всех чиновников. Им был министр Амбрики — огромного региона, занимавшего большую часть Восточного сектора. Амбрика протянулась вдоль морского побережья, и непомерно раздутый живот министра свидетельствовал о том, что он обожал морепродукты и вино из многочисленных виноградников. К несчастью, ему удалось крепко схватить меня за руку, пока я пыталась незаметно проскользнуть мимо.

— Должно быть, ты и есть вторая новенькая, — подмигнул мне он. Приана окинула меня свирепым взглядом, еще сильнее прижавшись к раздутому телу министра.

— Должно быть, так, — ответила я со всем возможным спокойствием.

— А вы прекрасная парочка. В последнее время найти в Западном Ковентри двух хороших Прях — целая проблема, — сказал он, наклоняясь так близко, что я ощутила его дыхание — резкую смесь чеснока и виски. — Но вы две — просто загляденье.

Мне захотелось сказать в ответ нечто умное, не оскорбив его при этом и, не дай бог, не подстегнув его извращенный интерес, — иначе путь к отступлению был бы закрыт.

К счастью, Приана изо всех сил пыталась привлечь внимание министра к себе и вступила в игру, захлопав своими непомерно длинными ресницами. Всем своим видом она говорила мне убраться подобру-поздорову, и протестовать мне вовсе не хотелось: находиться рядом с ними не было ни малейшего желания.

Министр крепче обхватил талию Прианы.

— Ты, моя лапочка, словно полночь.

Она улыбнулась и прошептала что-то ему на ухо, однако министр не обратил на нее никакого внимания: он наклонился и крепко перехватил мое запястье. По коже пробежали мурашки. В голове у меня вертелась лишь одна мысль: как хорошо, что рука — единственное, до чего он сумел дотянуться.

— Но ты, — прохрипел министр, — ты словно жемчужина.

— Забавно, Кормак говорит то же самое.

Мой выпад неожиданно сработал. Министр тут же выпустил мою руку.

— Как жаль, что ему пришлось так рано уйти, — пробормотал он. — Слышал, его вызвали в Нортумбрию.

Для меня это оказалось новостью, но я кивнула в ответ так, словно была в курсе всех дел.

— Кажется, он упоминал об этом за ужином.

Изрядно подвыпивший министр посерьезнел и выпрямился так, словно пришел не на вечеринку, а на деловые переговоры. В результате Приана в буквальном смысле соскользнула на пол. Губы ее сжались, ноздри расширились от гнева, однако она упрямо тащила чиновника в сторону.

— Потанцуй со мной.

— Ну конечно, — прошепелявил он, и Приана повела его в сторону переливавшейся всеми огнями танцплощадки. — Как хорошо, что я тебя встретил, Алиса.

Алиса. И с чего он решил, что ее так зовут?

— И о чем же вы говорили? — строго произнес голос у меня за спиной. Я повернулась, ожидая увидеть Джоста, о котором грезил во время выступления, однако передо мной стоял Эрик. — Ты выглядишь разочарованной.

Я действительно была разочарована, но в ответ лишь покачала головой.

— Нет, просто мне показалось, что это не твой голос.

Эрик нахмурился, но спустя мгновение морщинки на его лбу разгладились.

— Если ты ждешь кого-то другого...

— Да брось, я жду, что меня в любую секунду утащит и сожрет с потрохами какой-нибудь толстый старый мужлан, — без обиняков ответила я.

— Что ж, тогда мне лучше тебя покинуть.

Эрик собрался было развернуться, но я успела схватить его за плечо.

— Ой! Могла бы просто сказать, что эта перспектива тебя не слишком обнадеживает, — рассмеялся он.

— Как ты вообще мог о таком подумать?

Эрик указал на Приану.

— Она, похоже, не против.

— Но я-то не Приана.

— Так тебя можно пригласить на танец? — Эрик расплылся в улыбке — такой прекрасной, что ни одна мастерица не смогла бы сплести ее.

Я кивнула, и мы пошли к танцплощадке. Приана одарила нас полным ненависти взглядом и тут же снова переключилась на свою добычу.

— Знаешь, а танцевать обнаженной легче, чем я предполагала, — не подумав, ляпнула я. Музыка замедлилась, и Эрик начал танец.

— Обнаженной? — прошептал он мне на ухо.

— Неважно. — Я не могла поверить, что сказала это вслух. — В этом платье я чувствую себя голый.

Одного раза мне, похоже, было мало.

— Так оно и есть, — подтвердил Эрик. — Должен сказать тебе честно, я в восторге от этого платья.

Его слова почему-то показались мне ужасно смешными, и я захихикала.

— Могла бы и догадаться, что ты так ответишь.

— Итак, кто из наших льстивых послов привлек твое внимание? — спросил Эрик, окинув зал задумчивым взглядом.

— Не думаю, что меня заинтересовал хоть кто-то.

— Это повторяется каждый год. На бал приглашаются все члены Гильдии, так что для чиновников это идеальный предлог, чтобы подыскать себе новую пассию. В остальных Ковентри тоже устраивают такие вечера.

— Как отвратительно, — прошептала я.

— О да, — восторженно прошептал он. — Но неужели ни одного удачливого холостяка в этом году?

— Думаю, я позволю выбирать Приане, — задумчиво ответила я, наблюдая, как она

попеременно то кокетливо улыбалась, то недовольно надувала губки.

— Сомневаюсь, что жена позволит ему притащить ее домой, — подмигнув, заметил Эрик.

— Жена? — испуганно выпалила я.

— О, да они все женаты, — пояснил Эрик. — Молодые жены, по понятным причинам, настаивают на том, чтобы идти вместе, но, когда их мужья становятся такими, как этот, — Эрик кивнул в сторону мужчины, у которого на ушах волос было больше, чем на голове, — они рады любой дурочке, желающей сделать за них грязную работу.

Я тяжело вздохнула.

— Надо ей сказать. Нельзя нарушать стандарты невинности, иначе...

— Зачем? Она не делала тебе никаких одолжений. — Эрик крепче обхватил мою талию, не дав мне броситься на выручку Приане.

— Ну и что? Ее ведь используют!

— Насколько я вижу, она сама напрашивается, — усмехнулся Эрик. — Причем бесстыдно.

— Может, ты и прав. Но это все равно неправильно.

— Ей хочется подняться выше, — сказал Эрик. — Либо стать важной шишкой, либо сбежать — все вы такие. Чем раньше она поймет, что у нее ничего не получится, тем лучше.

Острое замечание поразило меня в самое сердце. Эрик, может, и говорил о Приане, но прекрасно понимал, что такие мысли роились и в моей голове.

— Не строй из себя обиженную. — Он взял меня за подбородок и поднял мою голову вверх так, что наши взгляды встретились. В его голубых глазах отражались рыжие всполохи моих волос. — Ты-то не отдаешься на растерзание старому толстому развратнику.

— Но ты ведь знаешь, я ухвачусь за любую возможность сбежать, — прошептала я.

— Разница, — ответил Эрик, — состоит в том, что ты достаточно умна, чтобы понять: этот трюк не сработает. Тебе нужен план.

Я вдруг покраснела и отвернулась в попытке скрыть замешательство.

— Вообще-то, — пробормотал он, уткнувшись носом в мои волосы, — я не могу дождаться, когда ты наконец попробуешь.

— Попробую? — невинно переспросила я.

— Сбежать, — пояснил Эрик, и у меня подкосились ноги. — Перестань, тебе не о чем беспокоиться. Сумеешь бежать — тем лучше. Пока это еще никому не удавалось.

— Может, потому, что они надеялись на мужчин? — робко предположила я, и Эрик расплылся в широкой ухмылке.

— Вот видишь! — рассмеялся он, прижимаясь еще ближе. — Да ты умнее любой местной девчонки.

— Включая Мэйлу? — Краем глаза я видела, как она оживленно болтала с каким-то джентльменом у бара, и радовалась, что она занята.

— И не в последнюю очередь, — вздохнул Эрик. — До интеллектуалки ей далеко. Одни капризы.

— Наверное, у нее было тяжелое детство.

— Да, — торжественно заявил он, — наверное, щенка не хватало.

Я рассмеялась, а затем уютно устроилась у него на груди. Может, я и впрямь была достаточно умна, чтобы не связываться со старым опьяневшим развратником, но что я тогда делала рядом с молодым и симпатичным?

Все волшебство разрушил голос Иноры.

— Идем со мной, — прошипела мне на ухо наставница и тут же утатила меня прочь.

Пока она вела меня по коридору, я успела послать Эрику извиняющуюся улыбку. Чтобы не терять времени даром, Инора сразу толкнула меня в дамскую комнату.

— О чем ты вообще думаешь? — возмущенно воскликнула она.

— Я не...

Инора приставила к губам указательный палец и резко открыла дверь в кабинку. Она оказалась пуста. Затем наставница подошла к выходу и заперла входную дверь.

— Теперь можно? — тихонько спросила я.

— Да, — прошептала она.

Я прижала ладони к груди.

— Не представляю, что ты имеешь в виду. — На самом деле, конечно же, я все понимала.

— Хватит строить из себя дурочку. Тебе не идет.

— Меня не предупредили, что танцевать запрещается.

— Естественно, ты можешь танцевать, — раздраженно ответила Инора. — Ты можешь танцевать с пожилыми чиновниками. Можешь даже с молодыми, если их жены не против.

— Но с Эриком нельзя, потому что он холостой?

— Нет, с ним нельзя, потому что он принадлежит Мэйле, — устало произнесла Инора, опуская руки. Обычно такой драматизм не был ей свойственен. — Кроме того, если ты еще не заметила, она тебя ненавидит.

— Нет, я заметила. — Вся радость этого вечера внезапно испарилась. — Что ты имеешь в виду, говоря, что он принадлежит Мэйле?

— Аделиса, я знаю, что ты не глупа.

— Давай представим, что это не так.

— Хорошо. Она влюблена в Эрика. Несколько лет назад он работал на кухне и был никем, но потом Мэйла взяла его под свою опеку.

Голос Иноры дрожал от страха, а вовсе не от ярости.

— Она старше его лет на десять. По меньшей мере.

Наставница снова сердито посмотрела на меня.

— Прекращай, пока она не взялась за тебя всерьез.

— Я всего лишь потанцевала с ним! — воскликнула я, сама себе не веря. — Что, лучше было позволить какому-нибудь мерзкому члену Гильдии лапать меня всю ночь напролет?

— Аделиса, — умоляюще произнесла Инора, — я тебе верю, правда. Эрик очарователен, но есть две вещи, о которых ты не должна забывать. Во-первых, если Мэйла обо всем узнает, она придет в бешенство.

— А во-вторых?

— Во-вторых, намерения Эрика вовсе не так честны, как он хочет показать.

Я вспыхнула.

— Слушай, я знаю, что нам нельзя выходить замуж и всему есть предел, но я даже не думала...

— Это, — выразительно произнесла Инора, — вовсе не то, о чем я говорю. Ты флиртуешь с ассистентом Мэйлы. Его интерес не кажется тебе подозрительным?

— Теперь кажется.

И почему это сразу не пришло мне в голову? С момента нашей совместной поездки я

начала неосознанно доверять Эрику во всем.

— Ты уже переступила черту — сначала пыталась бежать, а потом привлекла к себе всеобщее внимание. Аррас живет по другим законам, Аделиса. Тайное...

— Здесь быстро становится явным, — вырвалось у меня.

Однако, вместо того чтобы возмутиться, Инора невесело хихикнула.

— Нет, здесь огромное количество секретов, уж поверь мне, но некоторые из нас понимают, насколько опасно их раскрывать...

Я хотела было протестовать, но Инора остановила меня взмахом руки.

— Позволь мне закончить. Я вовсе не хочу быть одной из тех, кто пытается навязать тебе свою волю...

— Так не будь! — взвизгнула я. — Ты мне не мать.

— Я не пытаюсь заменить тебе мать. Никто не сможет этого сделать, — тихо сказала она.

— Никто, — подтвердила я. — Даже Гильдия.

Инора сделала шаг назад. Она открыла рот, будто собираясь что-то сказать, но тут же закрыла его, так и не подобрав верных слов. Мы обе знали, как трудно было найти описание тому, что Гильдия сделала с моей семьей.

— Мне надо вернуться, пока не заметили мое отсутствие. — Инора подняла руку, словно чтобы хлопнуть меня по плечу, но затем передумала и вышла в зал.

Мне понадобилось еще несколько минут, чтобы взять себя в руки и не расплакаться прямо перед телекамерами по возвращении на торжество. Более или менее успокоившись, я вышла. Оставалось только сбежать от Эрика, вернуться в свою комнату и там спокойно поплакать в подушку. В этот момент меня поймали чьи-то сильные руки, которые потащили меня из залитого светом банкетного зала в темный холл.

— Я уж подумал, ты оставила меня на растерзание толстым старым развратникам, — тихонько проговорил Эрик, чтобы слова не разнеслись эхом по всему отделанному мрамором холлу.

— Члены Гильдии, оказывается, без предрассудков, — пробормотала я, и боль в сердце уступила место боли в тех местах, где Эрик держал меня за руки.

— Пойдем, я хочу кое-что тебе показать. — Он переплел свои пальцы с моими, и я, забыв про свои лучшие намерения, последовала за ним.

— Эрик, не думаю, что это хорошая идея.

— Позволь мне судить. — Он искренне рассмеялся. — Инора страшала тебя тем, что Мэйла насадит твою голову на пику, если поймают нас вместе?

То, как Эрик произнес это, заставило меня почувствовать себя глупой.

— И почему, ты думаешь, я похитил тебя этой ночью? — требовательно спросил он.

В моей голове все еще звучали слова Иноры.

— Точно не знаю.

— Потому что Мэйла сейчас слишком занята, а остальные чересчур много выпили, чтобы шпионить за тобой.

— Значит, все по-прежнему? — едва слышно прошептала я. — За мной до сих пор следят?

— Ну конечно, — кивнул Эрик. — Как и за всеми нами. Но в такую ночь, как сегодня, охранники больше всего озабочены тем, как Пряхи блюдут свое целомудрие. Я сказал, что пригляжу за тобой.

Это было еще одной причиной, по которой мне не стоило оставаться с ним наедине.

— Куда мы идем? — спросила я, пока Эрик вел меня по пустому коридору.

— Пришли. — Он отпустил мою руку и картинным жестом распахнул огромные деревянные двери.

Луна заливала цветы серебряным светом. Мощенная булыжником дорожка, что вела в сердце сада, по которому я гуляла в первый день своего обучения, была прекрасно освещена. С момента приезда в Ковентри я нечасто выходила на улицу, да и то всегда была под присмотром. Однако Эрик менее всего напоминал дуэнью.

Он предложил мне руку и повел меня в центр сада.

— Не хочешь потанцевать вдали от всех этих жадных глаз?

Музыки не было, но Эрик легко закружил меня в вальсе. Его светлые волосы мерцали в свете звезд, и он казался неотъемлемой составляющей этой прохладной ночи.

— Ты до сих пор не спросила меня, почему я всем этим занимаюсь, — прошептал он мне на ухо.

Сердце бешено заколотилось. Прежде чем ответить, я судорожно сглотнула.

— Ты скажешь мне правду?

— Возможно, — ответил он. — Хотя я вообще не уверен, что женщинам нужно говорить правду.

— Ты не знаешь, пока не попробуешь.

— Люблю умных девушек, — усмехнулся Эрик. — А если умная девушка еще и прекрасна — как я могу устоять?

Я опустила голову ему на плечо. Мне не хотелось, чтобы Эрик заметил, до чего приятны мне были его слова — даже если он сказал их из лести.

— Так поэтому ты с Мэйлой? — спросила я, по-прежнему не глядя ему в лицо.

Эрик фыркнул.

— С Мэйлой? Эта женщина не умеет вовремя давать задний ход.

— Разве ты не...

Честно говоря, я не слишком хотела услышать правдивый ответ на свой вопрос.

— Она никогда не понимала, как все устроено, — ответил Эрик. — Мэйла не так талантлива, как ты.

Я вспомнила предупреждение Иноры и попыталась отстраниться.

— Эрик, Мэйла и так меня не жалует. Не стоит все усугублять.

— Не забывай, меня она тоже контролирует. — На миг в голосе Эрика промелькнула искренность, но спустя секунду прежнее высокомерие вернулось. — Может, это наш единственный шанс.

И все же под маской превосходства я заметила в его глазах страх, и страх этот показался мне ужасно знакомым. Точно так же смотрел на меня отец, толкая в тоннель. Вспомнив, как легко из нашей жизни ускользают люди, я вновь прижалась к Эрику.

— Не имеет значения. Да, сейчас нам хорошо, но потом Мэйла все узнает и кому-то из нас придется нелегко. А может, и обоим. И все ради чего? — Я заставила себя высвободиться из объятий Эрика и заглянуть ему в глаза. — У нас нет будущего.

— Слушай, можешь играть в невинность с кем угодно, но только не со мной, — голос его звучал тихо, но отчетливо. — Я знаю, что Мэйла шпионит за тобой. Она считает тебя опасной, а значит, так оно и есть.

— Мэйла думает, что она пуп земли. Я бы не слишком доверяла ее убеждениям.

— Она тебя боится, — повторил Эрик.

— Но почему? Со мной больше нет никаких проблем.

— Не знаю. — Эрик тяжело вздохнул. Очевидно, он рассчитывал получить больше информации. — Должно быть, это как-то связано с тем, что случилось на твоём тестировании. Она сильно изменилась с тех пор, как тебя привезли.

— Неужели раньше она не была сумасшедшей?

Эрик покачал головой, и лунный свет блеснул в его золотистых волосах.

— Нет, это как раз не новость. Я думал, что мне придется убить тебя, когда ты впервые здесь появилась.

У меня вырвался стон. Как же все это было несправедливо!

— Она и впрямь меня ненавидит.

— Нет, — возразил Эрик. — Гильдия выносит приговор всем беглянкам. Обычная практика. Когда она приказала мне вколоть тебе успокоительное, я подумал...

— И ты бы сделал это, — обвиняюще произнесла я.

— Не все так просто.

— Вообще-то я не убегала, — пояснила я. — Родители пытались меня спрятать.

— Это не важно, — уверенно продолжил Эрик. — Тогда они должны были убить и тебя, и всю твою семью.

— Почему? — спросила я одними губами.

— Девочке, которая после тестирования пыталась бежать вместе с родителями, больше никогда не будут доверять. После поимки беглянки даже не всегда добираются до Ковентри, но Мэйла душу продаст за хорошую сплетню, поэтому я всегда узнаю, когда такое случается. В Западном секторе это, похоже, не редкость. Разум детей, чьи родители пытались их спрятать или обмануть тестирование, отравлен.

— А девочки, которые приходят по своей воле, заслуживают доверия? — спросила я.

— Конечно. Гильдия контролирует их семьи, Аделиса, — сказал он. — Вопросов они почти не задают, а тех, кто задает...

— Что происходит с ними?

Эрик покачал головой.

— Поэтому они и шпионят за нами? За мной? — безжизненно спросила я. — Мои родители мертвы, а маленькая сестренка уже никогда меня не узнает. Они шпионят, потому что у них нет другого способа воздействовать на меня?

— Может быть, — ответил Эрик, и я сильно ударила его в грудь.

Как же я ненавидела его за эту правду! Я колотила его снова и снова, он не сопротивлялся. В конце концов руки начало саднить, и я сдалась. Долгое время мы молчали, обнимая друг друга, и постепенно стали дышать в одном ритме, почти нормальном.

— Аделиса, — прошептал Эрик, продолжая сжимать меня в объятиях. — Я не думаю, что оба твоих родителя мертвы.

Дыхание перехватило, из головы вылетели все мысли.

— Члены Гильдии слишком умны, чтобы вырезать всю семью Пряхи и надеяться после этого, что она станет на них работать. Однако они постараются убедиться, что у тебя нет путей к отступлению, — еле слышно прошептал Эрик, прижавшись губами к моим волосам.

— У них моя сестра Ами. — Я заставила себя взглянуть в лицо фактам. — Но ее уже переплели.

— Младшая?

— Ей двенадцать.

На лбу Эрика собрались морщинки.

— А родители — ты видела их мертвыми?

Окровавленная сумка вновь возникла у меня перед глазами.

— Отца. Уверена, его убили, — хрипло ответила я.

— Но о матери тебе просто сказали, да?

Тысячи осколков моей надежды вновь склеились.

— Стой. — Отстранившись, я заглянула в глаза Эрику. Я пыталась говорить медленно, но слова вырывались единым потоком. — Ты хочешь сказать, что мама может быть жива?

— Да, она точно жива.

Эрик едва успел договорить, потому что мои губы прижались к его. Я прильнула к нему от радости или, быть может, в панике, однако вскоре поцелуй перерос в нечто более серьезное и наши тела сплелись воедино. Губы Эрика двигались медленно, рука крепче обхватила мою талию. Мне захотелось вырвать этот момент из ткани времени и переплести его так, чтобы он длился вечно, — гулкие удары сердца, легкий привкус вина на его губах, соприкосновение наших бедер.

Но у Мэйлы были другие планы.

Глава двенадцатая

Когда мы с Эриком наконец отстранились друг от друга, на мощеной тропинке всего в нескольких шагах от нас стояла Мэйла. На ее лице лежали тени, лунный свет обрисовывал лишь силуэт, но поза Пряхи была такой прямой, что все было понятно. Впрочем, конечно, не все: я не могла знать, как давно она подошла к нам. Все остальное — ее отношение к нашему поцелую, грядущее наказание — отошло на второй план. Об этом я в общих чертах догадывалась.

— Эрик, — невозмутимо произнесла Мэйла. — Нужно проводить пару министров в гостевые апартаменты. Все лакеи заняты.

Эрик посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Мэйлу. Его рука все еще покоилась у меня на талии, и, когда он убрал ладонь, ночной ветерок коснулся кожи и она тут же покрылась мурашками. Встревоженно взглянув на меня, Эрик повернулся к Мэйле.

— Сначала я провожу Аделису в ее апартаменты.

— Думаю, ты уделил ей достаточно внимания сегодня вечером, — пробормотала Мэйла, подавшись вперед. Лицо ее осветилось, и я увидела, что она плачет.

Я никогда бы не подумала, что однажды смогу испытывать к ней жалость, особенно в тот момент, когда мне удалось задеть ее. Однако при виде ее смазанного макияжа мне захотелось отступить назад и раствориться в переплетении ветвей и листьев.

— Ты следила за мной? — спросил Эрик.

— Ты был мне нужен, — мягко заметила Пряха.

— Там пятьдесят других охранников, — покачал головой Эрик. — Я не твоя собственность. Я просто работаю на тебя.

При этих словах Мэйла задрожала от ярости, и даже я поняла, какую боль они причинили ей. Мне стало неловко.

— Если бы не я, тебя бы здесь не было, — грубо одернула она Эрика. — Ты мог бы по-прежнему вкалывать на кухне или рыбачить на углой лодчонке, чтобы свести концы с концами. Так что, если не хочешь вернуться к прежней жизни, иди и проводи министров наверх. Аделиса сама найдет дорогу в свои апартаменты.

После этих слов Эрик больше не пытался возражать и молча растворился в густых зарослях сада.

Мэйла не двигалась. Я начала обдумывать варианты. Можно было попытаться сбежать, но тогда мне пришлось бы проскочить на расстоянии вытянутой руки от нее, а мысль о том, что Мэйла смогла бы до меня дотянуться, не прибавляла сил. Или можно было завести разговор, но в голове вертелась лишь мысль о губах Эрика, а Мэйле эта тема вряд ли была интересна. Оставался один вариант, самый безопасный, — победить ее психологически.

— Спокойной ночи, Аделиса, — сказала Мэйла, поворачиваясь ко мне спиной. — Вечеринка продолжается, но на сегодня с меня хватит.

Не говоря больше ни слова, она ушла в том же направлении, что и Эрик.

Когда я вернулась в зал, Эрик пытался урезонить пьяных политиков, и я прошмыгнула мимо, постаравшись не привлечь к себе внимания. Ситуация и так была не из простых. Мэйлы нигде не было видно. Не заметила я и Иноры. Что ж, хорошо. Провести ночь в камере или нарваться на очередную лекцию совсем не хотелось.

Возможно, всему виной вновь обретенная надежда, а может быть, количество выпитого

вина, но, как бы то ни было, едва коснувшись головой подушки, я провалилась в глубокий сон. Совсем вскоре — мне показалось, что прошло лишь несколько мгновений, — меня разбудили. Открыв глаза, я не сразу поняла, что надо мной склонилась перепуганная Инора.

— Который час? — прохрипела я. В горле пересохло.

— Четыре утра, — резко ответила она. Я представления не имела, что ей могло понадобиться в такое время.

— Хорошо, — пробормотала я, попытавшись свернуться обратно в клубочек.

— Все очень серьезно, — прошипела она. — Через пару минут здесь будет человек Мэйлы. У меня мало времени.

Эрик. Он идет сюда. Я резко села и отбросила волосы с лица.

— Держи, — Инора пихнула мне в руки платье. — Надевай. Твое не слишком подходит.

Я посмотрела вниз и поняла, что до сих пор не сняла шелковое бальное платье. Легким движением сбросив старый наряд, я быстро натянула тот, что дала Инора. Времени на поиски нижнего белья не осталось. Жутко волнуясь, я почувствовала себя совсем незащищенной.

— Дай мне руки, — нетерпеливо бросила Инора и тут же схватила мои ладони, а затем поспешно смазала кончики пальцев прозрачным составом. — Должно немного помочь, но избежать этого тебе все равно не удастся.

— Избежать чего? — медленно спросила я, однако ответить моя наставница не успела: в комнату стремительно вошел бритоголовый охранник Мэйлы. Я почувствовала и облегчение, и разочарование.

— Инора, — он приветливо кивнул. — Мэйла вызывает Аделису на специальное тестирование.

— Постойте, — перебила его я. — Я думала, что мы закончили с тестированиями.

Они обменялись таким взглядом, от которого мой желудок сжался в комок.

— Иногда, — Инора аккуратно подбирала каждое слово, — нас тестируют спонтанно. Это нужно для того, чтобы понять, как ты поведешь себя в трудных условиях.

Глядя на Инору, я вспомнила выражение маминого лица за секунду до того, как она вошла в тоннель. Она была беспомощна и из-за этого тосковала.

Я инстинктивно бросилась ей на шею и крепко обняла наставницу. Инора сжала меня теплыми и сильными руками, и мне отчаянно захотелось, чтобы это были руки моей мамы.

— Твоя душа принадлежит только тебе, — прошептала она мне в волосы. — Не дай им забрать ее. Что бы они ни делали.

Ее слова заставили мое сердце забиться сильнее, на глазах выступили слезы. Но, когда меня вывели из комнаты, я нашла в себе силы храбро улыбнуться, а затем, не задавая больше вопросов, последовала за охранником. Обернувшись в последний раз, я увидела встревоженный взгляд Иноры, который тут же сменился улыбкой, как только наши глаза встретились. Мы обе знали, что никакого спонтанного теста не было, что мои успехи никого не волновали. Меня просто вели на новое наказание.

В том месте, где Инора смазала мои пальцы лаком, они точно налились свинцом. Подушечки не потеряли чувствительности, но при попытке прижать их друг к другу отскакивали, словно мячики. Кожа под лаком онемела.

— К слову, — хрипло заметил охранник, — лучше бы ты этого не делала.

— Чего именно? — спросила я.

— Вот этого, — пояснил он, выразительно кивнув на мои руки. — Так ты можешь

навлечь на нее большие неприятности.

От ужаса по телу пробежали мурашки. И во что только я ввязалась?

— С Эриком все в порядке? — спросила я, стараясь казаться как можно безразличнее. — Обычно меня сопровождал он.

— Да, — фыркнул охранник. — Мэйла перераспределила наши обязанности. Теперь он будет у нее на коротком поводке.

Его слова меня ничуть не удивили, однако это не избавило от боли. Эрик был моим другом, и, пускай его намерения и не были до конца честны, он умел меня рассмешить. А потом случился поцелуй. О котором, кстати, я не представляла, что и думать.

В коридорах было очень тихо. Не раздавалось ни единого звука — все разошлись по спальням. Что за наказание ждало меня в четыре утра? Видимо, такое, о котором никто не должен узнать. Инора предупреждала, что меня ждет нечто подобное, если я не перестану увиваться вокруг Эрика, но я не послушалась.

Новый охранник подвел меня к двустворчатым дверям и открыл одну из створок.

— Кстати, меня зовут Дариус, — сообщил он напоследок и удалился, как только я вошла внутрь.

Стены пустой мастерской были отделаны белым пластиком. Одно окно. Один станок. Один человек. Мэйла была там, при полном параде. А у меня под платьем не было даже нижнего белья. Должно быть, она запирала своего стилиста в ванной, чтобы он все время был поблизости. Однако, когда она повернулась ко мне лицом, я заметила, что макияжа не было. Без подводки и румян ее лицо смотрелось гораздо мягче. Мэйла выглядела обыкновенной, даже милой, но в холодных глазах плескалась прежняя ненависть.

— Иногда, — сказала она, — мы устраиваем новым Пряхам специальный тест. Некоторые члены Гильдии изъявили желание убедиться в том, что ты готова к работе. Как ты уже знаешь, работа эта очень важна и ответственна, и мой долг — продемонстрировать им твое мастерство.

— Какие члены Гильдии? — резко спросила я, чтобы поймать ее на слове.

Но он лишь невозмутимо улыбнулась.

— Это не должно тебя волновать. Главное — выполнить задание, которое я приготовила.

— Вы говорили с Кормаком?

— Мне не нужно одобрение Кормака для обучения Прях, — ответила Мэйла, глядя в окно.

— А с Лорисель? — спросила я, задумавшись, разрешила ли она это.

— Ее не интересуют такие, как мы, — выплюнула Мэйла. — А учитывая ее почтенный возраст, она давно уже видит десятый сон.

Я кивнула, мысленно перебирая другие возможные варианты ответа. В итоге я предпочла хранить молчание.

— Прядение — тонкая работа, — проговорила она, и я впервые заметила, как тихо стало в комнате без шума работающего станка. — Уверена, ты об этом знаешь.

Мои челюсти непроизвольно стиснулись. Я видела лишь то, как Мэйла калечила ткань Арраса, — неужели теперь она собиралась давать мне советы?

— Ты должна выполнять свою работу осторожно и деликатно, не обращая внимания на происходящее за пределами этой комнаты, — продолжила она. — Мы называем это стресстестом.

Мэйла повернулась, однако посмотрела не на меня, а куда-то вдаль. Я отследила направление ее взгляда и заметила огромный дубовый станок, на котором были натянуты стальные нити. Он совершенно не был похож на новенькие машины, за которыми нас учили работать. Такой станок вряд ли годился для обучения. Деревянные части машины давно рассохлись и растрескались, а прикрепленная сбоку грубая скамейка и вовсе была вытесана из цельного неошкуренного куска дуба. Сидеть на ней вряд ли было удобно.

— Действуя тонко, можно сплести что угодно, — пробормотала Мэйла, жестом пригласив меня садиться. — Как еще Пряхи могут сплести время? Это бесценное умение. Когда-то мы не могли контролировать время, и оно утекало сквозь пальцы. Мы не имели власти над смертью, голодом и стихийными бедствиями. А затем наука создала прядение. Но, если не соблюдать осторожность, мы можем снова лишиться своей власти.

Мое терпение лопнуло.

— Это все из-за того, что произошло между нами с Эриком?

Мэйла резко втянула воздух и отвернулась.

— Это упражнение, — невозмутимо продолжила она, проигнорировав мой вопрос, — научит тебя тонкости и самообладанию.

Она наклонилась к станку и медленно, крайне осторожно коснулась стальной нити. От прикосновения та загудела. Затем Мэйла взяла в руки железную проволоку и начала аккуратно продевать ее сквозь закрепленные на станке тросики. Вверх, вниз, вверх, вниз. Вдруг она взвизгнула и поднесла указательный палец к губам.

Я хотела было спросить, что случилось, но мы ведь были врагами, поэтому я решила молча подождать, пока она разберется со своим пальцем. На пол капнула кровь, и внезапно мне все стало понятно.

— Эту катушку, — протягивая мне огромный металлический цилиндр, сказала Мэйла, — нужно вплести до полудня.

— И все? — с недоверием спросила я. Катушку страшно было взять в руки: ее металлический блеск пугал меня.

— Да. — Мэйла едва заметно улыбнулась. — К полудню, иначе тебя снимут с должности.

— Я полагаю, министры решат посмотреть на мою работу.

Челюсти Мэйлы вновь напряглись, однако она осталась спокойной.

— Разумеется.

— Разумеется, — эхом отозвалась я.

Мэйла вышла из комнаты, и я осторожно коснулась «нити». Она оказалась острой, как лезвие. Стараясь быть как можно аккуратнее, я протянула руку к стальным тросам, натянутым на станке. Они практически не гнулись. Острая проволока и фальшивый станок — в этот раз Мэйла превзошла саму себя. Мне повезло бы, если бы к концу задания мои пальцы остались на своих местах.

Первая попытка стала успешной: пальцы остались невредимыми. Во второй раз я почувствовала себя гораздо увереннее и в результате срезала подушечку указательного пальца левой руки. При виде собственной плоти я не смогла сдержать слез. Рана была серьезной, однако Мэйла готова была воспользоваться любой возможностью, чтобы сослать меня на кухню или даже куда похуже, поэтому я надела катушку на палец и, вытянув побольше проволоки, отрезала ленту от подола своей юбки. Разделив ее на несколько кусков, я по очереди обмотала каждый палец, начав с раненого. Пальцы в бинтах потеряли

гибкость, но продолжать без защиты я не могла.

Работа шла медленно. Время от времени проволока скользила по тыльной стороне моих ладоней, оставляя на них кровавые полосы, однако я упрямо продолжала, несмотря на пульсирующую боль. Импровизированные бинты помогли на какое-то время, но потом повязка на поврежденном пальце пропиталась кровью, а остальные истрепались. Сквозь восточное окно в комнату начал пробиваться свет. Прошло по меньшей мере пять часов, однако катушка выглядела нетронутой. Сделав глубокий вдох, я сорвала все обмотки, оставив только одну, на левом указательном пальце, а затем зажала проволоку между указательным и большим пальцами правой руки.

Я постаралась сосредоточиться на дыхании. Сначала глубокий вдох, затем медленный выдох. Руки были покрыты кровью, однако я продолжала плести, не обращая внимания на вспышки боли. А потом, то ли от ноющего чувства голода, то ли от вида кровавых брызг, я впала в забытие.

Тишина гудела у меня в ушах, а может, просто так громко билось мое сердце. Часов не было, и только мягкие лучи солнца свидетельствовали о том, что настало утро. Они отражались от белых пластиковых стен, и в комнате быстро стало так душно, что у меня заболел желудок. Все вокруг казалось нереальным — только теплая красная кровь на холодных стальных тросах нарушала безупречную чистоту комнаты. Несмотря ни на что, к моменту появления Мэйлы у меня было готово три четверти работы.

При виде моих окровавленных пальцев она довольно улыбнулась.

— Осталось два часа, Аделиса, — склонившись над станком, заметила она. — Я думала о том, как жестоко с нашей стороны было не рассказывать тебе о сестре.

Нить выскользнула из моих рук, и на ладони расцвел новый порез.

— Обычно во время первого обучения мы позволяем Пряхам написать письмо или передать домой сообщение, — прошептала она, наклоняясь еще ближе ко мне. — Но для изменников это исключено.

— Да, я в курсе, что вы делаете с изменниками, — ответила я.

— Тогда ты знаешь и о том, насколько благодарными мы умеем быть, — невинно заметила она. Меня охватило жгучее желание обмотать проволоку вокруг ее тощей бледной шеи.

— К несчастью, твои родители совершили измену. К тому же, в доме обнаружили множество запрещенных вещей, — промурлыкала Мэйла. — В общем, папе с мамой пришлось пройти процедуру устранения.

— Кормак уже говорил мне об этом, — холодно ответила я, однако на глаза против воли навернулись слезы. У меня не было сил с этим бороться.

— Знаю. Тебе также известно, что твоя сестра, как самая маленькая и неразумная, была переплетена. Теперь она живет в Сайпресе, где каждый год обнаруживается множество талантливых девушек. Если она унаследует твой талант, то в будущем сможет быть нам весьма полезна. Мы приглядываем за ней.

— У Ами нет никаких талантов, — пробормотала я, отчаянно желая, чтобы это оказалось правдой. — Вы только зря теряете время.

— Это не так, — произнесла Мэйла, зажигая сигарету. — Мы должны приглядывать за ней еще и из-за тебя. Пускай живет в счастливом неведении.

— Мне наплевать. Мы едва знали друг друга, — солгала я. — И никогда не были близкими друзьями. Ее интересовали лишь звезды да модные новинки.

Как только я произнесла эти слова, мне захотелось взять их обратно.

Однако, судя по выражению лица Мэйлы, ее они обрадовали.

— Вы двое слишком разные. Возможно, когда придет ее время, она добьется на поприще Пряхи большого успеха. Если, конечно, она этого захочет.

— Захочет? — удивленно воскликнула я. — А как же ее новая семья?

В памяти тут же возникло параноидальное выражение лица обнимавшей Ами женщины.

— Ты видела ее новую маму. Это прекрасная, добропорядочная семья, — усмехнулась она. — Существует огромное количество бездетных пар, и сиротки чаще всего впадают именно в такие достойные семьи.

Нить впилась мне так глубоко в палец, что я едва не срезала подушечку целиком. Я не знаю, что заставило меня остановиться. Неужели хоть кто-то мог скучать по Мэйле?

— Спасибо за компанию, но у меня еще куча работы. — Я отвернулась, а затем услышала легкий щелчок захлопнувшейся двери.

Когда Мэйла пришла в следующий раз, часы показывали полдень, и моя работа была выполнена. От злости Мэйла даже закашлялась.

— Видимо, нитей оказалось недостаточно, — едва слышно просипела она. — Уж больно скучающий у тебя вид.

— Скорее, мой талант прямо пропорционален твоему нежеланию его замечать, — сказала я, не сводя с нее прямого взгляда. Меня начала бить дрожь. Если она думала, что это задание меня сломит, она сильно ошиблась. — Кто-нибудь придет проверить мою работу?

Мэйла злобно сощурилась, однако ответила так же спокойно, как и прежде:

— Ну конечно. Позже.

— Расскажешь потом, что они думают, — сказала я как можно более надменно. Затем немногословный охранник Мэйлы проводил меня обратно до апартаментов, и всю дорогу я думала лишь о том, как бы не закапать кровью дорогие ковровые дорожки.

В комнате меня никто не ждал. Не было даже Иноры, которая, как я надеялась, кинется мне на шею прямо с порога. Слезы наконец прорвали запруду, и первые капли упали на окровавленную юбку. Я заревела. Нужно было осмотреть руки, но это оказалось выше моих сил. Тщательное обследование всех уголков ванной не дало никаких результатов: аптечки не было. В конце концов я догадалась вызвать доктора по компанели. Однако на мой запрос никто не ответил.

Спустя некоторое время кто-то осторожно постучал в мою дверь. Я понятия не имела, кто там мог быть. Стучать в Ковентри было не принято: горничная, официанты и все мои стилисты входят ко мне без стука. И тут я заметила на двери глазок. Осторожно заглянув в него, я обнаружила с другой стороны чей-то голубой глаз. На мгновение меня парализовал страх. Не важно, кто стоял на пороге — Джост или Эрик, — я не хотела видеть ни одного из них. Это было слишком опасно — и в первую очередь для них. Однако в конце концов я все же собралась с духом и открыла дверь.

Глава тринадцатая

Передо мной стоял человек, которого я одновременно и боялась, и мечтала увидеть. Мэйла никак не могла послать его ко мне. Скорее, это был сам дьявол. Знал ли он, что произошло между нами и Эриком? А может, он просто думал обо мне? Как я о нем. При этой мысли сердце заколотилось так сильно, что дрожь дошла до самых кончиков истерзанных пальцев. Не теряя времени на размышления о боли, я решила впустить человека. Когда я открыла дверь, Джост хмуро смотрел в сторону.

Я громко откашлялась, чтобы привлечь его внимание.

— Я одета, ты же знаешь.

— Постараюсь в будущем быть менее вежливым, — огрызнулся он.

— Но что ты здесь делаешь? — спросила я, осторожно оборачивая окровавленные пальцы полотенцем.

— Ты вызывала медицинскую помощь. — Тут я заметила, что в руках у Джоста была маленькая аптечка.

— Верно. У них что, нет докторов? — возмущенно воскликнула я. Однако страх быть неправильно понятой заставил меня тут же добавить: — Я рада, что ты услышал мой вызов, но все же, чем конкретно ты тут занимаешься?

— Я выполняю всю грязную работу, забыла? Первую медицинскую помощь оказать сумею. Так что, если ты пока не умираешь, это ко мне. Доктора занимаются другими вещами. — По виду Джоста можно было сказать, что на самом деле все было гораздо сложнее, однако сейчас у меня не было ни сил, ни желания что-либо выяснять. Я решила подумать об этом позже — хотя бы после того, как прекратится кровотечение.

— Выходит, твоя работа — подтирать за мной? — тихонько спросила я и запрокинула голову так, чтобы лучше видеть его лицо. Мир вокруг начал стремительно вращаться.

Джосту удалось вовремя меня подхватить.

— Точно.

Мы сели на большую подушку, и Джост осмотрел мои кровоточащие кисти. Прикосновение его теплых шершавых пальцев вызвало у меня легкое головокружение, но сейчас это не имело никакого значения.

— Хочешь рассказать о том, что произошло? — спросил он.

Я покачала головой.

— Мэйла воспылала ко мне любовью.

— Я же просил тебя держаться тише воды, ниже травы, — недовольно проворчал Джост.

— Не получается, я слишком высокая.

Несмотря на явную обеспокоенность, Джост нашел в себе силы улыбнуться.

— Нужно продезинфицировать раны. Ты ведь понимаешь, придется сначала все промыть, — заметил он, помогая мне подняться на ноги.

Должно быть, мой вид сегодня не слишком располагал к веселью. С другой стороны, поддразнивание Джоста позволяло хоть как-то отвлечься от остальных мыслей.

В ванной он сразу же включил воду, и струи с шумом обрушились на мраморный пол.

— Вот так, — сказал он и взял мои ладони в свои. Однако вместо того, чтобы засунуть их под душ, Джост набрал в пригоршню воды и аккуратно промыл каждую рану. За

последнее время меня касалось множество чужих рук: рук парикмахеров, стилистов, слуг, которые меня одевали, однако прикосновения Джоста напомнили мне о маме. Именно так она успокаивала меня, когда я лежала в кровати больная. От ее рук мне тоже всегда становилось легче.

Затем Джост достал из аптечки пузырек с мазью.

— Будет немного жечь.

— Бывало и хуже. — Однако, как только он нанес бальзам на открытые раны, мое шутливое настроение пропало. Мне пришлось собрать все силы, чтобы не закричать.

— Как ты себя чувствуешь? — мягко спросил он.

— Уже лучше, — едва слышно выдохнула я. — Так значит, к остальным твоим обязанностям теперь прибавилось лечение приболевших Прях? И ты здесь только поэтому?

Джост придвинулся ближе и прошептал мне на ухо:

— Неужели ты считаешь, что мы можем свободно разговаривать у тебя в комнате? Чтобы все здание скоро узнало, зачем я к тебе приходил?

— Я, пожалуй, не ожидала от тебя... — Мысли мои разбегались, а шею начало покалывать в том месте, где я ощущала его теплое дыхание.

— Услышать прямой ответ? — Джост отодвинулся назад, и волшебство исчезло.

— Скорее уклончивый, — отшутилась я. — Я думала, ты просто обыкновенный трудяга.

— Спасибо, — ответил он. — Немного обидно слышать.

— Прости. Я не хотела.

— Знаю. Я пытался создать такое впечатление, но не был уверен, что мне это удалось, — пояснил он, перебинтовывая мои чистые руки. — Что это?

Джост провел пальцем по отпечатку на запястье, и я не сразу нашла, что ответить.

— Послание из прошлого, — вздохнула я. — Отец сделал это, перед тем как...

Джост кивнул, показывая, что дальше можно не продолжать, но слова эхом отдавались у меня в ушах. Перед тем как умереть.

— Но почему песочные часы? — спросил Джост, пристально разглядывая клеймо.

— Даже не представляю, — пробормотала я, остро ощущая каждое его прикосновение. — Они должны напоминать мне о том, кто я такая.

— И как, работает? — выдохнул он, глядя мне прямо в глаза.

— Наверное. — Под его взглядом я ни о чем не могла думать. — Почему ты здесь, Джост? Я имею в виду твою службу в Ковентри.

— Не знаю даже, с чего начать, — ответил Джост, разглядывая мою вторую руку.

— Может, с начала? — осторожно предложила я. Он поднял глаза, и его обычно сияющий взгляд стал пустым и безжизненным.

— Когда-то у меня была семья. — Джост замолк и опять посмотрел на перебинтованные кисти. — Теперь ее нет.

Только сейчас я начала понимать, что разрыв, который существовал между нами с самого начала, на самом деле был ужасающей пропастью.

— Как это произошло?

— Когда мне исполнилось шестнадцать, я женился на девушке из нашего горстка. В предыдущие годы тестирование в нашем регионе было не особенно успешным, и мы решили, что призыв в Ковентри ее минует.

Его признание ранило меня до глубины души, но я тут же постаралась взять себя в руки. Мне не понравилось, что он был женат. Пусть даже недолго. Пусть даже в прошлом.

— Шестнадцать? А я-то думала, что и в восемнадцать слишком рано.

Через секунду я уже пожалела о своих словах.

— Да, шестнадцать, — к моему огромному облегчению, Джост рассмеялся. — Мы знали друг друга с раннего детства. Выросли рядом, в маленькой деревушке под названием Саксун, что на границе Западного и Южного секторов. Я из семьи рыбаков. В нашем городке профессия передавалась из поколения в поколение, и после того, как брат уехал от нас, я остался единственным, кто мог унаследовать лодку отца.

— Выходит, тебе не назначали профессию?

День назначений всегда был главным событием Ромена. Большинство получало рабочие места в городе, но иногда Гильдия могла выдать разрешение на работу в соседнем городском центре. Кроме того, нужно было пополнять штат Ковентри, а также департаментов различных секторов, что автоматически означало пересечение границы. Чаще всего разрешения на перемещение получали юноши, однако мечтать об этом мог кто угодно. Ни один человек в Ромене не позволил бы себе пропустить День назначений.

— Ты ведь понимаешь, что жизнь богачей и бедняков сильно различается, — с грустью произнес Джост. — Вот и отношение к ним разное.

— Ромен — третий по величине город в Западном секторе, — заметила я. — И у нас все было каким-то средним: количество домов, рабочих мест, людей.

— Гильдия вообще стремится к усреднению.

— Так значит, ты был женат до того, как попал сюда? — я пыталась говорить спокойно, чтобы Джост не заметил ревнивые нотки в моем голосе.

Он кивнул и принялся перевязывать мои раны.

— Ее звали Розенн. Она жила с отцом и братом. Я рыбачил на новой лодке и... — Джост сделал паузу, словно ему было больно говорить, но затем все-таки закончил фразу. Его слова были едва различимы за шумом воды. — Я должен был заметить опасность, но у меня не возникло ни единого подозрения.

Я положила перебинтованную руку ему на плечо и ощутила, как расслабились под кожей напряженные мускулы.

— Ее брат, Патрик. Он был одиночкой. Назначение его не устроило, девчонками он не интересовался. Ему едва исполнилось восемнадцать. Я старался относиться к нему с пониманием, ведь после моей женитьбы на Розенн он стал и моей семьей. Однако они были полными противоположностями. Она напоминала весенний день. Все оживало вокруг нее. Патрик тоже производил сильное впечатление, но совсем другого рода. Он был холодным, умел испортить любую беседу. Люди старались избегать его. И я тоже, — признался Джост. — Я не мог понять, почему он оставался таким холодным и отстраненным.

Все думали, что он начнет помогать отцу, однако вместо этого Патрик стал надолго куда-то исчезать. Однажды он вернулся далеко за полночь. Розенн переживала, что отец потерял для него всякий авторитет, поэтому попросила вмешаться меня. Она думала, я поговорю с Патриком. Может, даже подружусь с ним. Но он не хотел со мной говорить, а я не слишком усердствовал. Вместо этого я решил за ним проследить.

— И куда он уходил? — с ужасом спросила я.

— Он встречался с остальными — из нашего города и других окрестных городков. Они говорили об измене и революции. Я уже подумывал о том, чтобы их сдать, пока не услышал истории.

— Истории? — еле слышно прошептала я.

— Жуткие истории. Семьи бесследно исчезают, города переплетаются. Там собрались отчаявшиеся, одинокие люди. Но я был другим и потому ничего не сделал.

Закончив с моими руками, Джост присел на край ванны. Его голубые глаза полыхали синим пламенем. Перед ним проносились картины прошлого, разрушенного прошлого.

— Ты рассказал об этом жене? — споткнувшись на последнем слове, пробормотала я. Я начала сомневаться в Джосте, в голову закрались подозрения.

Джост покачал головой, однако взгляд его остался далеким.

— Нет, я не хотел ее расстраивать. Мог бы, но побоялся повторить услышанное. И правильно сделал, как оказалось впоследствии. Есть Пряхи, которые специально отслеживают группы мятежников.

— Да, нам рассказывали об этом во время обучения. Ткань начинает бледнеть, а затем меняет цвет. Когда люди верны Гильдии, их нити сохраняют свой естественный оттенок.

— Готов поспорить, нить Розенн была непередаваемо прекрасной, — с придыханием сказал Джост.

От того, как Джост произнес ее имя, мои глаза отчаянно защипало.

— Я до сих пор гадаю, как выглядел Саксун, когда они пришли.

— Даже не знаю. Я еще никогда не видела пятна, — ответила я. — Родители потратили восемь лет на то, чтобы подготовить меня к провалу на тестировании, но за нами никто не пришел. Не знаю, насколько ярким должно стать пятно, чтобы его заметили.

— Твои родители открыто выступали против Гильдии?

Я покачала головой. Несмотря на их поступки, я не могла сказать, что родители были мятежниками.

— Нет, они никогда не выступали против Гильдии. Они были очень осторожны. К тому же, моя мать была обыкновенным секретарем, а отец — механиком.

— Были?

— Из всей семьи не тронули лишь одну меня, — тихо сказала я. — Я думала, ты знаешь.

— Я догадывался, — ответил он. — Как бы то ни было, Саксун оказался наводнен мятежниками. Твоих родителей было всего двое.

Я вспомнила тоннели под нашим домом. Они должны были куда-то нас вывести. О родителях я по-прежнему знала очень мало.

— Видимо, маленькую измену легко проглядеть.

— Да, но только маленькую, — пробормотал в ответ Джост.

— Да. — Улыбка испарилась с моего лица. — Что произошло потом?

— Гильдия решила проучить наш городок. — Голос Джоста стал почти не слышен, и мне пришлось наклониться к нему. — Они вырвали наших сестер, наших матерей, наших дочерей...

— И ваших жен, — согласно кивнула я.

Джост низко опустил голову, и я почувствовала, как сокращается расстояние между нами. Когда он заговорил вновь, слова его с трудом складывались во фразы.

— Я все видел. Ты не представляешь, каково это, Аделиса. На что это похоже.

Я вспомнила, как нас всех выгнали из бабушкиной палаты, как медсестра закрыла занавеску, а затем повернулась к ней спиной, точно не могла на это смотреть.

— Она стояла на пристани — вместе с остальными женщинами ждала нас, чтобы пойти на обед. Розенн просто растворилась в воздухе. Сначала исчезли ноги. Она выглядела такой растерянной, что я позвал на помощь. Но никто не мог ничего поделать. Мы просто

наблюдали со своих лодок. Потом исчез ее рот, и она больше не могла закричать. Последним исчезло тело. — Джост всхлипнул, и я вдруг поняла, что по щекам его катились слезы. — Она держала на руках нашу дочь.

Я плакала вместе с ним, горя о его потере и о своей глупости. Передо мной был уже не тот ухмыляющийся парень, что кормил меня картошкой с вилки. Но печалилась я вовсе не о том, что сделала с ним Гильдия, а о том, какими разными мы были. Я плакала, потому что была глупой девчонкой, которая не могла сдерживать ревности и трепета перед давно почившей Розенн и сердилась на нее за то, что она нашла Джоста первой. Я плакала, потому что между нами всегда пролегал пропасть. Джост уже успел побывать и мужем, и отцом, а я по-прежнему оставалась никем — и этого было не исправить. Похоже, Гильдия все же определила наши роли.

— Больше я их никогда не видел. Ей было всего шестнадцать, а нашей дочери — три месяца.

Не в силах подобрать слов, я просто взяла его руку и нежно пожала ее своими перебинтованными пальцами.

— Я здесь потому, что это последнее место, где станут искать, — завершил свой рассказ Джост, наконец-то ответив на мой вопрос.

— Искать что? — спросила я, сомневаясь, хотелось ли мне в самом деле услышать ответ.

— Революцию.

Глава четырнадцатая

Мне снились любимые люди. Во сне мне было всего пять, и мама, стоя у раковины, наносила косметику на лицо. Однако каждый штрих стирал часть ее лица, а не подчеркивал красоту. Тушь уничтожала ресницы, румяна разъедали щеки, а помада крала улыбку. Мама расчесывала медные волосы, и вниз летели тонкие пряди. А потом ее обезображенное тело повернулось ко мне и будничным тоном спросило:

— Ну, как я выгляжу?

Я взяла на руки совсем крошечную Ами, но чем сильнее я прижимала ее к себе, тем прозрачнее она становилась. Я не в силах была ее защитить. Потом я увидела ее переплетенной — теперь она была молодой девушкой со светлыми косами. Я помахала ей рукой, но она смотрела сквозь меня. Исчезла именно я. Я стала призраком.

Огромный белый торт размером с прядильный станок возвышался на простеньком столе, а под ним мой отец превращался в лужу черной жидкости, которая все ближе и ближе подбиралась к моим голым ступням. Он звал на помощь, но вид грязных туфель повергал меня в ужас, поэтому я просто смотрела, как отец таял у меня на глазах.

И за всем этим со стороны наблюдал Джост. Он был неподвижен, как истукан, но глаза его двигались, и я поняла, что он ждал моей помощи. Однако стоило мне сделать шаг вперед, как впереди появилась она — прекрасная, хохочущая, беременная. Розенн взяла Джоста за руку, и я отвела взгляд. Когда я повернулась обратно, Джост превратился в Эрика, который распахнул навстречу мне свои объятия.

В моем сне я стирала и перестраивала мир, а утром пыталась вспомнить, как бы перестроить себя. Каждый день я думала, как мне вернуться за станок. Смогу ли я плести теперь, после всего, что узнала? Я не могла забыть рассказ Джоста. Я не имела к этому отношения, но это ничего не меняло, ведь я по-прежнему оставалась Пряхой.

Джост приходил смазывать мои руки каждый день, и они стремительно заживали, однако стилисты не появлялись. Прошла неделя, но не было видно и Иноры, и я переживала, не втянула ли ее в неприятности. Еду приносили вовремя. Я ходила в ночной рубашке и грелась у камина, изо дня в день ожидая лишь тех моментов, когда ко мне приходил Джост. Сегодня он принес мне обед, и мы перекусили вместе. Наш разговор казался легкомысленным, но лишь потому, что мы использовали шифр. О некоторых вещах мы могли говорить открыто, однако то, что действительно волновало меня, нельзя было обсуждать вслух. Прослушка работала исправно. Много времени приходилось проводить в ванной — шум бегущей воды заглушал звук наших голосов. Однако, несмотря на все мои попытки обсудить дальнейшие планы, Джост, похоже, гораздо больше интересовался мной.

— Это была не настоящая драка, — рассмеялась я, заканчивая рассказ о своей соседке Бет. — Она задирала Ами, и мне это надоело. Тогда я и решила ее отвадить.

— Но ты ведь любила свою сестренку, не так ли? — настаивал Джост. — Такое впечатление, что вы не раз попадали в неприятности.

— Ами всегда хорошо понимала правила, и, если я вытворяла что-нибудь опасное, она тут же приводила меня в чувства, — ответила я. — Когда я воевала с Бет, сестра переживала, что меня заберут за неадекватное поведение.

— Но тебя не забрали, — заметил Джост.

— Меня — нет, но Бет — да.

До сих пор я не вспоминала об этом. О воспоминаниях такого сорта всегда мечтаешь забыть, но ничего не получается. Бет исчезла, когда нам исполнилось двенадцать, а вернувшись, она была уже совершенно другим человеком. Она осталась такой же недружелюбной, как и раньше, но теперь не только со мной — со всеми.

— Мой брат был всего на десять месяцев старше меня, — сказал Джост, постаравшись вызвать меня на диалог. — Мама называла нас хулиганами.

Я улыбнулась, а затем сделала нехитрые подсчеты, и глаза мои округлились.

— Десять месяцев?!

Улыбка Джоста стала чуть шире.

— Не такое уж редкое явление в бедной рыбацкой деревушке.

О детях мне было известно больше, чем многим сверстницам, хотя теперь остальные девочки Ромена уже, наверное, пошли на курсы подготовки к свадьбе — именно там рассказывали о сексе. Мои родители много лет назад объяснили мне суть процесса — это было частью их плана по обучению меня законам жизни. И вот теперь я сидела рядом с парнем, от одного вида которого меня бросало в пот и в жар, лишенная по законам Ковентри «привилегий бракосочетания», как называла их моя мама, и думала о том, что вся эта информация оказалась абсолютно бесполезной. К тому же, у Джоста уже был опыт, которому в моей жизни не суждено было случиться. Похоже, настало время сменить тему разговора.

— Итак, ты был охотником? — спросила я, возвращаясь к нашему шифру, и с трудом запихнула в рот немного риса. Перебинтованные руки не позволяли мне ловко управляться с вилкой.

Джост серьезно кивнул.

— Охотился на крупных зверей. Так можно было накормить много людей и заработать неплохие деньги.

— И что же это были за звери? — поинтересовалась я, надеясь, что компанель не засечет ничего интересного.

— В основном медведи и пумы.

— Ты хочешь сказать, что ел пум и медведей? — скривившись, спросила я.

— Аделиса, если ты достаточно голодна, будешь есть все, что угодно.

Джост улыбнулся и откусил кусок куриной ножки.

Затем мы притихли. На голодный желудок разговаривать было нелегко, даже с помощью кода. Это пахивало изменой: Гильдия утверждала, что в Аррасе никто не голодал. Я выросла на окраине крупного города, оба моих родителя работали, и, хотя наш рацион был не слишком разнообразным, мы никогда не бедствовали. Джосту же приходилось добывать пищу тяжелым трудом. Многие в его деревне ложились спать голодными, ведь существенную долю добычи приходилось отдавать Гильдии.

На самом деле Джост не охотился ни разу в жизни. Он работал по пятнадцать часов в день, чтобы прокормить свою семью и нескольких соседей, но только в море. Чтобы не создавать себе проблем, мы выдумали несколько ключевых слов. Иногда это приводило к ошибкам и недопониманию, зато позволяло чувствовать себя в относительной безопасности. Медведями мы окрестили чиновников Гильдии, а пумами — Прях. Джост пытался докопаться, кто стоял за истреблением женщин в Саксуне. Кодового слова для того, как он собирался распорядиться этой информацией, у нас не было. Я и вовсе не была уверена, что хотела об этом знать.

— А ты видел когда-нибудь, чтобы пума атаковала оленя? — Я попыталась перевести разговор на Эрика, однако, сколько бы я ни спрашивала, Джост ничего не понимал.

— Думаю, одну точно видел. — Джост пожал плечами, показывая, что не понял меня. Если бы только мои вопросы были столь же прозрачны, как его язык тела!

В этот момент меня посетила блестящая идея. Решение нашей проблемы лежало на поверхности, но я лишь сейчас поняла, что надо сделать.

— Джост, что для охотника важнее: зрение или слух? — восторженно воскликнула я.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы ты охотился, ты бы предпочел видеть или слышать свою добычу?

Джост наконец все осознал и кивнул.

— Зрение — это хорошо, но я бы предпочел слышать добычу.

Так они и работали: апартаменты в Ковентри прослушивались, но не просматривались, в отличие от мастерских. По крайней мере, так полагал Джост, а он неплохо разбирался в том, как здесь все работало. Теперь я знала, что делать, но для этого мне пришлось бы нарушить обещание.

— Что ж, спасибо за то, что принес мне обед, — сказала я и направилась к двери.

Джост пошел за мной, но еще не до конца понял, что делать дальше. Еды почти не осталось, но он никогда не уходил так рано. Я открыла, а затем громко захлопнула дверь. Все это время Джост стоял неподвижно, ожидая дальнейших указаний. Я кивнула в сторону коврика у камина. Он направился туда, и я последовала за ним, по пути стараясь сосредоточиться на ткани комнаты. Время и материя были сотканы воедино, и мне пришлось сильно напрячься, прежде чем я разглядела одни временные нити. На станке все было гораздо проще, однако здесь время двигалось, и я могла отыскать нужный отрезок. Я медленно подняла истерзанные руки и начала вытягивать и переплетать нити. Огонь в камине ревел и трещал так, что у меня едва не лопались барабанные перепонки. Было прохладно, хотя обогреватель работал. Я сплетала временные нити в тонкую светящуюся паутину, которая постепенно куполом накрыла нас до самого пола. Сквозь прозрачную сетку хорошо было видно комнату, однако к тому моменту, как я вплела последнюю нить, поленья больше не трещали, а языки пламени застыли, точно нарисованные на картинке.

— Что ты сделала? — выдохнул Джост.

— Сплела новый момент, — ответила я, ошеломленная тем, что у меня все-таки получилось. — Я и не думала, что смогу.

Именно это я и сделала на тестировании. Поймала ткань комнаты — истинную, а не тот отрезок, что был на станке, — и немного изменила ее. Я оттянула канву назад совсем слегка, но этого оказалось достаточно. Столько лет изучая плетение, я должна была догадаться, что преподаватели заметят мои действия. Однако до настоящего момента я понятия не имела, как это умение может пригодиться мне.

— Что все это значит? — спросил Джост. Он протянул руку к золотой сетке, но тут же отдернул ее назад.

— Я не знаю, — ответила я.

— Нас могут слышать?

— Не думаю. — Я прижала палец к губам и вытянула несколько отделявших нас от камина нитей. Пламя вновь начало тихонько потрескивать, и я быстро вплела их обратно. Огонь замер.

— Он не двигается, — неверяще пробормотал Джост. — Но как?

— Этот момент существует вне нашей реальности. Мне трудно это объяснить. — Джост посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Я не упрекала его: он от меня явно такого не ожидал. — Знаю, ты думаешь, что Пряхам нужен станок, но я могу работать и без него.

По тому, как Джост отступил назад, я поняла, что теперь он окончательно записал меня в безумцы.

— Ты всегда умела это делать? — спросил он.

— Не совсем так, как сейчас, но я умела это с самого детства.

— Без станка? — благоговейно переспросил он.

— Да.

— Получается, ты сместила комнату? — Судя по голосу, Джосту трудно было осознать происходящее. Впрочем, мне и самой это давалось нелегко.

— Вот эти нити, которые непрерывно движутся сквозь ткань, — я указала на блестящие волокна, — время. Наверное, так оно и уходит.

— А можно его вернуть? — тихо спросил Джост, и я поняла, о чем он подумал.

Я покачала головой. Как бы мне ни хотелось вернуть родителей, теперь я даже отчасти обрадовалась, что это невозможно. Если бы я могла вернуть Джосту его семью, решилась ли бы я на это? Мне не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Но как ты делаешь это без помощи станка? — спросил он, пытаясь скрыть недоверие. — Как тебе удастся их увидеть?

— Хотела бы я знать, — сказала я, невесело усмехнувшись. — Может, тогда все было бы проще.

— А они знают?

Я замолчала, не зная, как ответить. Кормак говорил, что видел меня на тестировании, однако с того момента я ни разу не плела без станка. Стоило ли делиться всем этим с Джостом?

— Инора просила меня никому не говорить.

Джост тихонько присвистнул, внимательно изучая купол.

— Инора молодец. А что произойдет, если кто-нибудь сейчас войдет в комнату?

— Сейчас мы недоступны, — пояснила я. — Войти не смогут. Этот момент, — я указала на комнату вне паутины, — заморожен.

— Значит, мы можем сидеть здесь, — медленно произнес Джост, — и не думать о том, сколько прошло времени, потому что время замуровано в этой клетке.

— Точно. — На миг меня охватило сомнение. — Я так думаю. Но точно не знаю.

— Значит, так и есть.

Я пристально посмотрела на Джоста, пытаясь понять, на что он намекал.

— Ходят слухи, что в Ковентри объявилась наследница Лорисель. Все гадают, кто это, — сказал он. — Ты или та другая.

— Приана? — немного обиженно спросила я.

Джост кивнул, не заметив мое замешательство.

— Я был уверен, что это ты, с того момента, как тебя бросили в камеру.

— Но откуда им знать? Неужели одного-единственного случая достаточно, чтобы записать меня в новые Пряжницы?

— Я не знаю, — признал Джост. — Но сама посуди: они относятся к тебе со страхом и уважением. Получается, они знают.

Я вспомнила все угрозы, которые так и не претворились в жизнь.

— Пряжниц не появлялось очень давно. Они не могут тебя потерять, — заявил Джост.

— Но разве это работа Пряжницы? — я указала пальцем на купол. — Лорисель в моем присутствии всегда пользовалась станком.

— Пряжницы занимаются не только украшательством. — Джост уселся на ковер, и я последовала его примеру. — Раз в год Лорисель посещает удаленные уголки и собирает элементы времени, чтобы машины могли производить материал, из которого сплетается ткань Арраса. Я работал на мероприятиях, где чиновники обсуждали ее поездки. Без таланта Лорисель машины стали бы бесполезными. Поэтому она и пользуется такой свободой.

В голосе Джоста послышалось уважение.

— В академии нам рассказывали о машинах, которые извлекают элементы.

— А ты еще не чувствуешь себя машиной? — спросил он. — Смазанной, подготовленной и запрограммированной делать то, что укажут твои хозяева?

Я молчала. Ответа на этот вопрос у меня не было.

— Ты не должен никому говорить.

— Я не скажу, — пообещал Джост. — Но они и так знают.

— Они думают, что знают, — возразила я.

— Нет, Аделиса, они знают.

Сны становились более яркими, но теперь я начала их контролировать. Я оживляла мамины глаза и вплетала сестренку в свои объятия. От отца, которого так жестоко у меня отобрали, ничего не осталось. Я прекратила попытки. Джост и Эрик приходили проводить меня, и я просыпалась от ощущения их горящих взглядов, устремленных прямо в мои мысли.

К тому моменту, когда в моих апартаментах наконец-то появилась Инора, я уже всерьез начала подумывать о том, чтобы перенестись куда-нибудь подальше от комплекса. В этот раз наставница вела себя очень сдержанно и сразу перешла к делу.

— Как ты уже знаешь, Гильдия достигла беспрецедентных успехов в технологии плетения разума.

Голос Иноры звучал плоско и отстранено. В нем не осталось ни следа прежнего дружелюбия. Должно быть, я и правда втянула ее в неприятности, раз впала в такую немилость.

— И врачи будут совершенствовать эту технологию, применяя ее к каждой Пряхе, — продолжила она.

— Что? — изумилась я, едва не подпрыгнув на кровати.

Инора не повела и бровью.

— Поскольку способности Прях обеспечивают безопасность и функционирование всего Арраса, Гильдия настаивает на том, чтобы все мы прошли специальное тестирование.

— На собрании говорили, что с помощью этой технологии можно менять людей. Они что, собираются переплести нас? — спросила я, пристально вглядываясь в ничего не выражавшее лицо Иноры. С ней определенно что-то было не так.

— Не говори глупостей, — тускло ответила она. — Нельзя переплести то, что не было вплетено изначально.

В голосе Иноры не было ни следа прежней теплоты. Речь ее стала не такой простой и приятной, как раньше.

— Но не поэтому ли они делают это? Могут ли они нас переплести на самом деле?

— Было бы глупо переплестать Пряху. Все подобные попытки заканчивались провалом.

Пряха теряла все свои способности, — ответила она.

Я вспомнила слова Кормака о том, что теперь они могли подчищать и даже видоизменять человеческие нити. Инора, возможно, и сама не знала, что лгала мне. Я потеряла ладони и пристально посмотрела на наставницу. Что же с ней произошло?

— Мои руки почти зажили, — сказала я, демонстрируя повязки.

— Рада это слышать, — ответила Инора без тени улыбки.

— Инора, с тобой что-то случилось? — прошептала я, надеясь, что компанель не различит звук моего голоса.

— Я в порядке, Аделиса, — моргнув, ответила наставница. — Я немного приболела, но доктора Гильдии помогли мне, и теперь все хорошо.

В действительности это было не так. Все было не так. Моя Инора в первую очередь кинулась бы осматривать перебинтованные руки, а затем прочитала бы целую лекцию о том, как я себя веду. Она бы не избегала меня неделю. Эта девушка напоминала скорее оболочку Иноры, чем ее саму.

— Что с тобой было не так? — спросила я.

— Тревожность. Я почему-то начала переживать и сразу обратилась за советом к Лорисель, а та направила меня в клинику.

— Из-за чего ты переживала? — При этом вопросе у меня перехватило горло.

— Из-за странных, нездоровых вещей, — резко оборвала меня Инора.

— Твой мозг уже переплели?

— Ах, да. Остались только вы с Прианой. Мы шли по старшинству, — Инора прижала руки к груди и бессмысленно улыбнулась.

— Лорисель тоже прошла процедуру?

— Я не знаю. У меня нет доступа к таким сведениям, — ответила наставница. — Хотя Лорисель следовало бы пойти первой.

Пойти первой. Неужели поэтому она не навещала меня? Почему она не вмешалась, когда Мэйла меня наказывала? Может, измененная Лорисель и сотворила все это с Инорой?

— Когда вызовут меня?

— В пятницу, — сказала она. — Не беспокойся, это не больно.

— Конечно, — автоматически ответила я.

Дверь в апартаменты распахнулась, и на пороге возник Джост с серебряным подносом в руках.

— Инора, — спросил он, — ты будешь обедать с Аделисой?

— Нет, меня ждут в общей столовой, — ответила она. — Я уже уйду.

Коротко кивнув, Инора вышла в коридор. Пока я смотрела ей вслед, Джост поставил поднос на стол и громко откашлялся. Очнувшись, я быстро сплела вокруг нас временной пузырь, а затем повернулась к юноше.

— Мне кажется или с Инорой что-то не то? — спросил он, сдвинув брови.

— Тебе не кажется, — вздохнула я, пытаясь уложить в голове полученную информацию.

Джост кивнул на мои руки, и мы уселись на подушки. Сняв бинты, он внимательно осмотрел подушечки пальцев. Даже я заметила, что мазь оказалась поистине целебной.

— Думаю, перевязки тебе больше не понадобятся, — сказал он, откладывая бинты в сторону.

— Ох, — вздохнула я, пытаясь скрыть разочарование. Если я выздоровела, ему больше незачем было ко мне приходиться.

— Я подумал, у нас есть повод, — начал Джост. — И поэтому приготовил особенный обед.

— Ты все это сам приготовил? — изумленно воскликнула я.

— Нет, — ухмыльнувшись, ответил он. — Большую часть еды приготовили пищевые генераторы, однако я выбрал блюда и сервировал их.

— Это восхитительно.

Я ела руками. Мне нравилось это ни с чем не сравнимое ощущение — касаться жирной, скользкой, жесткой и кремообразной пищи. Джост смеялся, а я ловила фиолетовые ягоды, которые он кидал мне в рот. Интересно, он по-прежнему любил Розенн? От этой мысли мои щеки вспыхнули, как огонь, и Джост перестал меня кормить.

— Готова вернуться к работе? — спросил он.

— Похоже, у меня нет другого выбора.

— Ты можешь остаться здесь, — заметил Джост, внимательно изучая глазами переплетения пузыря.

— И пропустить всю потеху, когда охрана узнает, зачем ты приходишь ко мне каждый день? — отшутилась я.

— Я мог бы остаться с тобой, — тихо ответил Джост.

Мне хотелось задать ему тысячу вопросов, но с тех пор, как он произнес слово «революция», думать я могла лишь об одном.

— Какой у тебя план?

— Все не так просто, — отозвался он.

— Забудь. Это не мое дело.

— Прости. Дело не в том, что... — Джост замолк, силясь подобрать правильные слова.

— Ты не доверяешь мне, — возразила я. — Все в порядке, ты не обязан.

— Я доверяю тебе, Аделиса. Пожалуйста, помни об этом. — Он взял мое лицо в ладони нежно погладив мои скулы большими пальцами. — Я думал, что уже никогда не смогу никому поверить.

— Не ты один, — пробормотала в ответ я, прижавшись щекой к его ладони. Он вздохнул.

— Знаю, — сказал он, однако это скорее была констатация факта, нежели осознание правды. — Аде лиса, ты не единственная, кто знает, зачем я здесь.

Несколько секунд я обдумывала услышанное, а затем посмотрела Джосту прямо в глаза.

— Сколько людей знает?

— Сейчас? Двое. Ты и еще один, — ответил он, проведя ладонью по моей ноге. От его прикосновения кожу начало покалывать.

— Кто этот человек? — спросила я, стараясь не думать о своих ощущениях.

Джост покачал головой.

— Извини. Это не моя тайна.

— Но ты говорил, что доверяешь мне одной, — пыталась надавить я.

— Я не доверяю этому человеку, — просто ответил Джост.

— Но вы работаете вместе?

— Нет, мы не работаем вместе, но он знает, зачем я приехал в Ковентри. — Джост выдержал недолгую паузу, а затем добавил: — Я бы не смог с ним работать.

— Но этот человек революционер?

— Нет, — поспешно ответил он.

— И при этом знает, зачем ты здесь? Ты не боишься, что он на тебя донесет?

Мне было неловко из-за того, какой оборот принял наш разговор. С каждым полученным ответом возникали все новые и новые вопросы.

— Я не переживаю о том, что кто-то может на меня донести, — откликнулся Джост, и по его взгляду я поняла, что больше он не собирался ничего говорить.

Кивнув, я задумалась над тем, как побыстрее сменить тему.

— Так какой у нас расклад?

Джост резко убрал руку, и я поспешно добавила:

— Я хочу сказать, каков твой план и могу ли я чем-то помочь?

— Прости. — Джост, казалось, смутился собственной реакцией. Он вновь протянул ко мне руку, но тут же опустил ее. — Я не знаю.

— Как такое возможно? — спросила я, пытаюсь придумать, как поднять нам обоим настроение.

— Правда в том, что у меня никогда не было четкого плана, — силясь улыбнуться, сказал Джост. — Я приехал сюда, чтобы отомстить за Розенн, но никогда не задумывался, как именно. Я просто ждал подходящего случая, а потом ты...

— Оказалась в твоей камере? — закончила я.

— Что-то вроде того. Скорее, ты начала возмущаться, а я сбросил тебя на пол.

Недовольно скривившись, я потерла копчик.

— Кстати говоря, по-моему, ты мне кое-что сломал.

— О, конечно же, во всем виноват я, а не ночи, проведенные на сыром каменном полу.

— К слову об этом, — добавила я. — В следующий раз принеси мне, пожалуйста, подушку, ну или что-нибудь такое.

— В следующий раз? Ты собираешься снова загреметь в камеру?

— Некоторые девушки словно магнит для неприятностей, — кокетливо заметила я, пытаюсь сдержать рвавшийся наружу смех. Однако я не успела и глазом моргнуть, как Джост поймал мое лицо и притянул его к себе. Он нежно провел носом по моему подбородку, его дыхание зашепотало мне шею. Я задрожала всем телом, а затем вдруг осознала, что перестала дышать, и разомкнула губы, чтобы глотнуть хоть немного воздуха. Джост целовал меня в шею, постепенно продвигаясь все выше, пока его губы не накрыли мои.

Этот поцелуй сильно отличался от того первого, с Эриком. Однако меня охватило не менее сильное чувство. Губы Джоста впивались в мои, и я инстинктивно прижималась к нему в ответ. Пальцы запутались в его волосах, и паутина купола начала дрожать. Мир вокруг оставался абсолютно неподвижным, но мы предавались сладкому безумию, не в силах оторваться друг от друга.

Глава пятнадцатая

Мы лежали под паутиной плечом к плечу и разглядывали мерцающие переплетения нитей. Наши руки соприкасались. Не было слышно ни звука. Я могла бы лежать так вечно, вспоминая каждую подробность нашего первого поцелуя.

В конце концов Джост нарушил идиллию. Откатившись в сторону, он встал на четвереньки и склонился надо мной. А потом поцеловал меня в нос.

— Эй, предательница, ты не голодна? — спросил он, подвинув поближе уже забытый поднос.

— Не очень. — Волшебство рассеялось, и тревога охватила меня с новой силой. Есть совершенно не хотелось.

Джост протянул мне кусочек яблока.

— Подкрепи силы.

Было чудесно на миг потерять контроль и позволить земле уйти из-под ног, но потом я в очередной раз убедилась, что контролировать собственные мысли была не в силах. Я закрыла глаза и представила себя дома. Нам с Джостом выдали разрешение на брак. Ами попыталась вызнать, кто он и как выглядит, а потом, ночью, я забралась к ней в кровать, и мы хихикали по поводу его шевелюры или перешептывались, каково это — чувствовать на себе взгляд его синюющих глаз. А потом я легла в свою кровать и начала мечтать о свадебном платье. Однако, едва открыв глаза, я обнаружила, что по-прежнему лежала под куполом и вместо свадьбы впереди меня ждала назначенная Кор-маком процедура. Меня успокаивало лишь присутствие Джоста. Хотя и это было запутанно.

— Они собираются изучать мои мысли, — прошептала я.

— Что? — Джост отложил яблоко и повернулся ко мне.

— Инора приходила, чтобы сказать, что процедура назначена на пятницу.

Джост с трудом проглотил кусок и встал на ноги.

— Что, черт побери, это означает?

— Медики собираются исследовать мой мозг. Инора утверждает, будто они хотят изучить способности Прях.

— Или начать их контролировать, — предположил Джост.

— Думаю, в этом и кроется причина того, что произошло с Инорой. Они почистили ее нить, но я не совсем понимаю зачем.

— Не может быть, чтобы чистка так повлияла на нее, — сказал Джост. — Даже если они могут контролировать ваши способности...

— Уже могут. Это новейшие разработки, — перебила я. — Ты видел репортаж с собрания Гильдии?

— Нет, — ответил он. — Мы играли в карты с другими лакеями в подсобке. Изменение и зачистка слишком рискованны по отношению к Пряхам, — заметил Джост, но в голосе его послышалось сомнение.

— Технология стала безопаснее. Я не могу точно объяснить, как это работает, но премьер-министр Карма сказал, что теперь они могут устранять поведенческие проблемы. А это значит, что поведение людей можно будет контролировать. — Я рассказывала о том, что говорил Кормак по поводу изолирования проблемных участков нити и добавления новой информации, и с каждой минутой мои ногти все сильнее впивались в ладони. — Эту

технологии создавали для работы с девиантными личностями, однако Гильдия, похоже, имеет весьма широкие представления о том, что является отклонением от нормы.

Джост придвинулся ко мне и разжал мои стиснутые в кулаки пальцы, нежно переплетая их со своими.

— И ты собираешься позволить проделать все это над собой?

— У меня нет выбора. Это единственный способ выяснить, как работает процесс.

Кроме того, так я могла попасть в исследовательский корпус и найти там полезные записи, однако что-то заставило меня оставить эти мысли в секрете.

— Но ты же видела, что они сделали с Инорой, — мягко сказал Джост.

— Будем надеяться, я ошибаюсь, — пробормотала я в ответ. — И не беспокойся, я не сунусь туда без должной подготовки.

Охранник на входе в верхние мастерские взглянул на меня с подозрением. Я пришла сюда впервые, однако надеялась на свой высокий уровень доступа. В то же время о процедуре проверки мне не было известно ровным счетом ничего. Стоя около тяжелой красной двери, за которой находились мастерские, я тупо разглядывала панель. Охранник громко откашлялся.

— Вам нужно подойти к сканеру, чтобы идентифицировать личность, — заметил он, указав на панель.

Я прижала ладонь к сканеру, всеми фибрами души молясь, чтобы дверь открылась и мне не пришлось оправдываться.

— Аделиса Льюис. Доступ подтвержден, — чирикнул голос из динамика, и дверь распахнулась.

Не глядя на охранника, я прошла внутрь, понимая, что и так уже привлекла к себе достаточно внимания. Я даже не могла толком сказать, куда направлялась, однако меня вело внутреннее чутье. Раз уж все здесь было основано на иерархии, идти нужно было к лестнице. Кажется, я целую вечность карабкалась по однообразным винтовым пролетам, пока наконец, пройдя мимо нескольких пустых мастерских, не оказалась на верхнем уровне. Передо мной открылась самая удивительная комната, которую я когда-либо видела. Экраны были вмонтированы в стены таким образом, что создавалось впечатление, будто от зарослей джунглей внизу и бескрайнего неба наверху меня вообще ничего не отделяло. На западе волны океана разбивались о подножие — башни. Повернувшись на север, я увидела каменистый берег, переходящий в отроги скалистых гор, окружавших комплекс. В моей спальне использовались совершенно другие программы.

В центре комнаты красовался древний станок из желтой меди. Еще ни разу мне не доводилось видеть ничего более грандиозного. Под тиканье причудливых механизмов на нем закручивались и мерцали чудесные нити. Поверхность станка была покрыта странными письменами на неизвестном языке. Напротив высилось мягкое кресло, обитое красным бархатом, с изумрудно-зелеными, черными и синими подушками. И, хотя вокруг одновременно грохотал океан, заливались птицы и падал снег, все мое внимание оказалось приковано к станку.

— Он прекрасен, не так ли? — раздался за спиной голос Лорисель. Я обернулась, и с изумлением заметила, что на руках у нее сидел рыжий зверек. — В нашем комплексе около восьми сотен станков, и все они могут работать с тканью Арраса, но этот — самый древний. Это первый станок, установленный в Западном комплексе.

— Я прошу прощения. Я не хотела вот так вламываться к вам.

Мои щеки залила краска. Несмотря на то что мы уже общались, я чувствовала себя вором, посмевающим вторгнуться в святая святых Лорисель и лишиться последней радости.

— Не переживай, — спокойно произнесла Лорисель и тут же перевела взгляд на зверька, от которого я не могла отвести глаз. — Это кошка. Моя питомица.

— Я и не думала, что кому-то до сих пор разрешено держать питомца.

Это было невероятно. Из курса гражданской ответственности в академии я знала, что питомцы были запрещены еще двадцать лет назад. Теперь «питомцами» начальники частенько называли секретарей. Я улыбнулась, вспомнив, как мама раздражалась из-за этого.

— Обычным гражданам запрещено их заводить, — пожала плечами Лорисель. — Однако у меня как у Пряжницы есть такая привилегия.

Я кивнула. Это казалось вполне логичным. Если кто-то и мог завести питомца, так это Лорисель.

— Скажи мне, Аделиса, что ты видишь?

Медленно поворачиваясь, я принялась вслух описывать бурлящие волны, омывающие скалистый берег, и покрытые снегом горные вершины.

— Ваши экраны просто поразительны. У меня такое ощущение, будто я стою на крыше. Я чувствую себя свободной.

— Аделиса, как выглядел твой дом? — спросила она, буравя меня пристальным взглядом.

Этот вопрос меня немного смутил, но я рассказала ей об окрестностях Ромена, описала чудесную улицу с маленькими домиками и садами и огромную яблоню миссис Фиггинс, крона которой склонялась над дорогой, словно арка. В этот момент на противоположной стене вдруг выросла та самая яблоня. Судорожно вдыхая, я наблюдала, как впереди, прямо за станком, возник мой дом. Он казался таким близким... Однако как только на глаза навернулись первые слезы, он тут же растворился в непроглядной черноте.

— Так-то лучше, — сказала Лорисель. — Эти экраны покажут все, что прикажешь. Я установила программу много лет назад. Когдаходишь в комнату, они автоматически выводят изображение того места, где тебе хотелось бы сейчас находиться.

— Но я видела горы и океан, — возразила я.

— Эти виды стоят по умолчанию, — пояснила она. — Каждый, кто сюда заходит, сначала видит их. Чтобы вызвать другое изображение, надо его описать. Программа не может считывать мысли. Примерно тот же принцип используется в поисковой программе Гильдии.

— Кормак как-то пользовался ей, чтобы отыскать мою сестру, — эти слова дались мне с трудом, словно я стояла на исповеди. Больше всего на свете я боялась показать свое слабое место.

Лорисель улыбнулась, а затем кратко описала пустынный, залитый солнцем пляж.

— Я предпочитаю теплый климат.

Было просто чудесно стоять посреди заснеженных гор, или на улице моего детства, или посреди мерцающего, точно драгоценный камень, океана, что я плюхнулась на плетеный коврик около станка и попыталась собраться с мыслями.

— Что на самом деле находится снаружи? — в конце концов спросила я.

Лорисель молчала. Она подошла к краю экрана, однако не стала изменять программу. Вместо этого она очень аккуратно проделала в ткани иллюзий небольшую брешь, и я вдруг

поняла, что не только экраны, но и сами стены были иллюзорны. Я ожидала, что она покажет мне море, которое я видела у себя в комнате, или снежную бурю вроде той, что была на экране минуту назад, но к увиденному оказалась не готова. Между нитями ткани колыхались бесформенные разноцветные облачка.

То, что находилось за пределами стен мастерской Лорисель невозможно было описать словами. Хотя я пыталась манипулировать нитями ткани в течение многих лет, только сейчас я начала понимать правду. Ткань, воспроизводившаяся на станке и формировавшая мир вокруг, была всего лишь фасадом, за которым находится другой, намного более яркий слой.

— Это все ненастоящее, — прошептала я.

— Зависит от точки зрения, — возразила Лорисель. — Я могу потрогать этот пол. Я могу потрогать тебя. Я могу плотно поесть за обедом. Тогда о какой иллюзорности идет речь?

Я не знала, что ответить, потому что Лорисель была права. То, как покалывала кожу вода в ванне, как прогибалась подушка под весом моей головы, как скользили теплые пальцы Джоста по моему лицу — как это все могло быть ненастоящим? И все же с этого момента, с момента, когда я вдруг увидела плавающую в пространстве перво-материю, ничто уже не могло быть для меня абсолютно реальным.

— Так вот, значит, какова реальность, — прошептала я, и слова, вырвавшиеся из моего рта, показались назойливым, никому не нужным шумом.

Лорисель закусил губу, словно не зная, с чего начать.

— И да, и нет. Это наша реальность, но не реальность в широком смысле этого слова.

— Не понимаю, — помотала головой я.

— Гильдии не выгодно, чтобы мы понимали, однако, если ты сумела добраться сюда, значит, поймешь. — Лорисель указала на станок, но я не в силах была оторвать глаз от бреши в реальности. Мои руки дрожали от нетерпения — мне жутко хотелось коснуться того, то я видела. Лорисель быстро закрыла брешь и подвела меня к небольшому диванчику.

— И это все создали мы? — спросила я.

— Мы создали Аррас, — ответила она. — Однако все это на самом деле тонкая корочка, оболочка, если можно так сказать. Материя и время образовались на другой планете, а мы всего лишь научились с ними управляться. Станки позволяют нам плести ткань Арраса. Наша реальность лежит на вершине другого мира, имя которому — Земля.

— Земля? — Слово казалось чужим и странным, однако что-то глубоко внутри словно вздрогнуло в ответ.

— Под Аррасом лежат останки древнего мира — мира, в котором больше никто не живет, — пояснила Лорисель. — Остается все меньше тех, кто еще помнит Землю, и говорить об этом вне стен моей мастерской просто-напросто опасно. То, что ты видела, — это перво-материя, заполняющая пространство между нашим прежним домом и Аррасом. — Лорисель кивнула на стену, где недавно была брешь.

— Так это правда? — переспросила я. — Мы создали собственный новый мир поверх старого, но никто об этом не знает.

Лорисель улыбнулась.

— О нет, кое-кто знает, Аделиса, просто это держат в секрете. Правда не слишком удобна тем, кто находится у власти. Они будут отрицать все, что я тебе рассказала. Гильдия неплохо потрудились над тем, чтобы все забыли о существовании Земли. Правда известна

лишь самым крупным чиновникам, да и те всячески стараются ее скрыть. Мы встречаемся с ними каждый год, но я по-прежнему тщательно выбираю, что можно, а что нельзя упоминать в нашей беседе.

— Но зачем держать все в секрете?

— Ты удивишься, как много в этом мире несостыковок. С каждым годом авторитет Гильдии подрывается все больше. Аррас — вовсе не такое мирное место, как они хотят показать. Есть те, кто хочет покинуть наш мир, но Гильдия просто не может этого позволить.

Я вновь вспомнила родителей. Они мечтали лишь об одном — защитить меня от Гильдии. До настоящего момента я считала их действия несколько параноидальными и лишь теперь начала осознавать, как много им на самом деле было известно. И зятю Джоста, присоединившемуся к мятежникам, — тоже. Да, все эти люди знали истинное положение дел, и я прекрасно понимала, почему они держали это в секрете.

— Но у тебя есть доступ к тому, кто знает правду, — закончила Лорисель.

— Кто же это?

— Я.

— Но что это такое? Аррас? Земля? — У меня в голове роились сотни вопросов, и я старалась сдерживаться, чтобы не выпалить все разом.

— Моя предшественница была второй Пряжницей. Она знала историю лучше, чем я, но уже тогда многие знания о прошлом были утеряны. Многие теперь уже не восстановить, поскольку мы лишились и нужных слов, и описаний былой реальности, — пояснила Лорисель. — На Земле случилась война, которая должна была положить конец всем войнам. Многие регионы — в то время они назывались странами — оказались втянуты в битву. В одной из них разработали оружие, которое могло разрушить что угодно. Люди в то время называли это наукой, однако вся эта наука в действительности подчинялась тем, кто мечтал лишь о мировом господстве. Как бы то ни было, когда одна из стран уже готова была воспользоваться этим оружием, другой ученый выступил с альтернативной идеей. Хотя он тоже работал над проектом бомбы, гораздо больше его интересовали время и материя, формирующие ткань мира. Он называл части материи «элементами».

— Элементами? Как те, что мы используем для создания ткани?

Она кивнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он нашел способ изолировать канву своего мира, скопировав траву, деревья, воздух и даже животных, а затем как-то сместил их во времени, подвинув нити, тянущиеся сквозь пространство. Он знал, что, если собрать машину, которой под силу бы было сплести время и элементы, люди смогли бы манипулировать миром. Думаю, ты видела агрегаты, собирающие первоматерию.

Я кивнула, попытавшись припомнить, как они выглядели, однако на ум ничего не приходило. Нам показывали чудовищного вида шкуловины, которые вгрызались в землю, но что дальше? Обучающие ролики не объясняли сути процесса.

— Они добывают из земли основные элементы, которые мы используем для формирования ткани. Четыре Ковентри выросли в четырех местах добычи элементов, и комплексы начали сплести ткань Арраса. Под нашим миром находится еще одна грубая паутина, отделяющая наше время и действительность от остальной реальности. Мы располагаемся на краю ткани, и это дает возможность манипулировать ею без риска

повредить канву. Ученый, разработавший первые машины, назвал это прядением. Пряжи появились уже после того, как были созданы первичная канва и защитное поле. Мы помогали людям стать частью ткани, как сейчас отдел происхождения вплетает в сеть Арраса нити новорожденных.

— Но как же получилось построить Аррас без помощи Прях? Ведь только женщины могут работать за станками. — Я качала головой, пытаюсь придумать разумное объяснение.

— Да, это умение было отведено женщинам, однако я уверена, что некоторые мужчины могут плести ткань не хуже нас, — сказала Лорисель, нахмутив брови.

— Тогда зачем было доверять нам такую важную работу? — саркастически спросила я. — Зачем оставлять это женщинам?

— Женщин проще контролировать. — Увидев, что я уже открыла рот, чтобы возразить, Лорисель остановила меня взмахом руки. — Нравится тебе это или нет, они прекрасно справляются со своей задачей.

Поведение Кормака, Мэйлы и всех остальных, кто играл в эту игру, вдруг стало мне предельно ясно.

— Кем был тот ученый с Земли?

— Его имя, так же, как и имена всех остальных, кто жил на Земле, не дошли до наших дней. По-настоящему важно лишь то, что этот человек придумал, как закончить ту страшную войну миром.

— Как я понимаю, Аррас не слишком стремится прославлять гения, придумавшего ткань? — спросила я, вспомнив множество праздников, на которых превозносили чиновников, не заслуживавших и сотой доли тех почестей, которые следовало бы оказать неизвестному ученому.

Лорисель вздохнула и нахмурилась.

— Не глупи, Аделиса. Они производят зачистку и изменение, ты же знаешь. Если им кажется, что информация повредит целостности Арраса, ее удаляют. Гильдии не нужно, чтобы жители начали интересоваться станками, и уж тем более ей не нужно, чтобы кто-то узнал о Земле. Как-то раз много лет назад бабушка рассказала мне о том, что поклялась в верности Аррасу ради жизни своих близких. Пока я не попала сюда, мне и в голову не приходило, что клятва верности была обязательством держать все в тайне. Это был единственный способ выжить, сбежать от ужасов войны. Но Гильдии этого было недостаточно. Я лично участвовала в зачистке коллективной памяти.

— Почему? — с ужасом спросила я. — Если они не могли сделать это без вашей помощи, зачем тогда вы им помогали?

— Потому что один в поле не воин. Я не в силах изменить эту жизнь в одиночку. Нравится тебе это или нет — а мне это, уж поверь, не нравится, — Пряжи и Гильдия взаимозависимы. Мы не сможем делать нашу работу без бюрократии и поддержки Гильдии. Я не могла рисковать миром, по крайней мере, в тот момент. Мы и так едва избежали войны. Аррас слишком хрупок, он бы не пережил этого. Кроме того, не забывай: на каждого человека вроде Кормака приходится сотни невинных женщин и детей.

Надо отдать ей должное, в голосе Лорисель не слышалось и намека на гнев или желание оправдаться.

— Я, наверное, глупая, — сказала я, — но, честно говоря, я не очень понимаю, как создание Арраса могло привести к окончанию войны? Не перенесли ли мы все проблемы сюда? — Теперь, узнав историю возникновения Арраса, я уже не верила в

неправдоподобные истории о лишениях во благо.

— После создания Арраса его лидеры создали Гильдию двенадцати наций. Над рождаемостью был установлен жесткий контроль, а в ведение Ковентри попало поддержание мира и стабильности в Аррасе. Гильдия, какими бы жестокими ни были ее действия, отслеживает все попытки разрушить нашу жизнь.

— А как же все те, кто остался на Земле? Они что, тут же заключили мирный договор? Глаза Лорисель странно поблескивали.

— Конечно же, нет. Аррас сформировали двенадцать земных наций, которые полагали, что смогут поддерживать канву и тем обеспечить мир.

— Но куда делись все остальные?

— Остались на Земле вместе со своими бомбами. Они уничтожили друг друга много лет назад.

— А вы видели Землю? — спросила я, надеясь выяснить, как далеко простиралась власть Лорисель и что на самом деле происходило на тех разработках.

— Нет! — Мой вопрос застал Лорисель врасплох, но она постаралась не подать виду. — Не думаю, что там осталось хоть что-то.

— Но откуда вам знать? — настаивала я.

В ее глазах промелькнула тень сомнения, однако Лорисель тут же отбросила эту мысль, снова став отстраненной.

— Я верю своей наставнице. Зачем ей было обманывать меня?

Я пожала плечами и перевела взгляд на вероятное ночное небо. Если Гильдия и успела чему-то меня научить, так это тому, что ложь всегда преследовала чьи-то цели.

Глава шестнадцатая

Без косметики. Без чулок. Без укладки. И без одежды. Я чувствовала себя незащищенной по всем фронтам. Тонкая хлопковая рубашка, которую мне выдали для процедуры исследования, широким треугольником расходилась сзади, оставляя воображению еще меньше, чем мое бальное платье. На столике рядом с длинной металлической скамьей, где мне пришлось просидеть целых тридцать минут, были разложены серебристые медицинские инструменты. На фоне белоснежных стен они блестели особенно ярко. Мой зад онемел, и с каждой секундой ожидания я нервничала все сильнее.

Наконец в комнате появилась женщина в белом халате и шапочке. Она тут же подошла к металлической кушетке и привела ее в сидячее положение. Я откинулась на спинку, и медсестра установила на моей руке цифровой датчик. Мне казалось, что с началом процедуры станет немного легче, однако в реальности меня охватил необыкновенный ужас. Если истинной целью всего этого было свести меня с ума, то попытки врачей почти увенчались успехом.

— Это поможет нам измерить пульс и давление, — сказала медсестра, не отрывая глаз от цифр на датчике.

— Это опасно? — спросила я, с опаской разглядывая острые металлические предметы на соседнем столике.

— Едва ли. Если вы начнете неадекватно реагировать на процедуру, мы вколем вам «Вэлпрон» в качестве успокоительного, — ответила она, похлопав меня по руке.

Я не могла отвести взгляд от неестественно длинного ножа, в лезвии которого я видела свое отражение.

— Будет больно?

— Может, вколоть вам «Вэлпрон» прямо сейчас? — предложила медсестра, но я покачала головой. — Доктор Эллисен вот-вот придет, — добавила она, взмахнув тонкой иглой. — Сейчас вы почувствуете укол.

Когда игла впилась мне в предплечье, я судорожно вдохнула сквозь стиснутые зубы — на глаза навернулись слезы. Я попыталась проморгаться.

— Умница, — невозмутимо заметила медсестра и повесила на подставку для капельниц пакетик с янтарной жидкостью. Лекарство начало медленно стекать по трубке прямо к воткнутой в мою руку игле.

В комнату вошел неприлично молодой доктор. Глаза его не отрывались от экрана дигифайла. То, что он выглядел моим ровесником, немного нервировало меня, но, с другой стороны, здешняя медицина достигла таких высот, что в действительности он мог быть гораздо старше.

— Аделиса, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Доктора из Ромена, у которых мы проходили ежегодный осмотр, всегда были старыми и ворчливыми. Мир мужчин основывался на грубой силе, а потому врачебный такт не входил в перечень необходимых им навыков. Удивительно, но молодость этого доктора не делала его менее пугающим.

— Прекрасно, — соврала я. Капельница несколько сняла напряжение.

— Процедура будет длиться около двух часов, — объяснил врач, по-прежнему не сводя глаз с экрана. — Все это время тебе придется лежать неподвижно. Если захочешь, можешь

спать, или же я могу попросить сестру Ренни вколоть тебе «Вэлпрон».

— Пациентка отказалась, — прошептала медсестра на ухо врачу.

— Очень хорошо, — ответил он, убирая дигифайл в карман. — Я закреплю исследовательский датчик у тебя на голове. Он будет сканировать различные зоны твоего мозга. В ходе исследования я буду задавать вопросы, а датчик будет фиксировать, как реагируют на них зоны твоего мозга.

— Вы ведь сказали, что я могу спать, — пропищала я.

— Можешь, — подтвердил он. — Ментальный стимулянт введут прямо сейчас, и мы сможем получать ответы, в каком бы состоянии ты ни была.

Мне захотелось выдернуть иглу из вены. Спать во время допроса я не собиралась.

— Я буду в соседней комнате. Ты будешь слышать меня через динамик, — продолжил врач, закрепляя на моем ухе маленькую черную коробочку. — Сестра Ренни, мы уже можем разместить прибор?

Медсестра кивнула и ввела код на компанели. Потолок над моей головой разъехался в стороны.

Зажегся яркий свет, и, пока я пыталась проморгаться, вниз спустился ментальный картограф. Внешне он напоминал огромный купол, однако с более близкого расстояния я заметила, что он не был монолитным. В действительности аппарат представлял собой несколько причудливо соединенных друг с другом механизмов. Я бросила быстрый взгляд на доктора, вскоре исчезнувшего за дверью обсерватории, затем на медсестру, проверившую мою капельницу. Когда устройство опустилось на голову, я начала вглядываться в него, пытаюсь определить, как именно оно функционирует. Однако в следующую секунду передо мной вспыхнул ослепительно яркий зеленый свет и глаза ослепли.

— Это нормально, — прошептала медсестра, прикоснувшись к динамику у меня за ухом. — По окончании процедуры зрение вернется.

Я выгнулась дугой и попыталась снять прибор с головы.

— Аделиса, вдохни глубоко, иначе мне придется вколоть тебе «Вэлпрон», — предупредила сестра.

Ее слова заставили меня погрузиться обратно в темноту. Мои руки и ноги покалывало. Я чувствовала себя зверем, попавшим в западню, или мухой, залетевшей в паучью сеть.

— Аделиса, — зазвучал у меня в ушах голос доктора. — Мы начинаем тест.

Я набрала в легкие побольше воздуха, а затем медленно-медленно выдохнула.

— Аделиса, где ты родилась?

— Ромен, Западный сектор.

— Хорошо. Отвечай четко, как сейчас, — сказал он. — Как звали твоих родителей?

Я сделала еще один глубокий вдох и ответила.

— Бени и Мерия Льюис.

— Профессия отца?

— Он был механиком. Работал в мотопарке Гильдии в Ромене.

— А ваша мать?

— Она была секретарем.

— Как зовут вашу сестру?

— Ами, — прошептала я. Каждый раз, произнося ее имя, я вспоминала завитки у нее над ушами.

— Пожалуйста, повтори.

— Ами, — сказала я более твердо, но на сердце словно опустился тяжелый камень.

— Ваши родители живы?

Я втянула воздух и на одном дыхании солгала:

— Нет.

— Аделиса, соблюдала ли ты целомудрие до начала тестирования?

— Это еще что за вопрос? — возмутилась я, и пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Пожалуйста, отвечай на вопрос.

— Да, — сказала я. — Я блюла невинность.

Как будто бы у меня был выбор. Девочки жили на противоположном от мальчиков конце города, а любые перемещения по центру происходили лишь в строго ограниченные часы и под контролем родителей. Хотя так было не всегда. В детстве бабушка шепотом рассказывала мне истории о том, как люди жили раньше, в ее юности. Когда мне исполнилось четырнадцать, за месяц до ее устранения, я спросила о брачных анкетах, которые печатались в бюллетене. Девочки в академии передавали их друг другу под партами, чтобы вдоволь похихикать над фотографиями мальчиков.

— Зачем в бюллетене печатают эти брачные анкеты? — спросила я. — Разве девочки и мальчики не могут просто встречаться друг с другом лично, как только им исполнится шестнадцать?

У бабушки были глубокие карие глаза, и в этот момент я испытала всю силу ее взгляда. Она изучающе посмотрела на меня, а затем ответила:

— В наше время мальчикам и девочкам не так уж просто встретиться. Родители не допускают даже мысли об этом, к тому же, большинство юношей при встрече с девушкой разом теряет дар речи. Хотя, — бабушка тихонько хихикнула, — так было и до сегрегации.

— Я никогда не думала, что есть мир до и после сегрегации, — заметила я, почувствовав себя маленькой и ничтожной под взглядом ее больших карих глаз.

— Всегда есть мир до и мир после, со времен рождения человечества, — с грустью отозвалась она, — и когда-нибудь для нас настанет то самое «после». Но да, когда я была маленькой, мы жили вместе — мальчики и девочки. Не было никаких разделений и округов.

— А ты знала дедушку до того, как... — еле слышно спросила я. Даже просто говорить о мальчиках было для меня ужасно странно.

— Мы выросли в соседних домах, — бабушка округлила глаза в притворном ужасе. — Тогда было легче исполнять все брачные обязательства. Девушкам не нужно было выходить за незнакомцев.

— Но стандарты невинности... — я не смогла закончить мысль, ужасно смутившись.

— Ах, это, — подмигнув, усмехнулась бабушка. — Их соблюдать было куда тяжелее.

Я не стала спрашивать, блюла ли она целомудрие, посчитав этот вопрос чересчур личным даже для моей бабушки. К тому же меня очень смутило ее подмигивание.

— Но папа и мама встретились по анкетам?

— Да, наши дети стали первым поколением сегрегации, — со вздохом сожаления произнесла она.

— Но ведь они полюбили друг друга еще до того, как поженились, — поспешила успокоить ее я, не совсем понимая, почему ее голос вдруг стал таким грустным. — Значит, все в порядке.

— Да, они любят друг друга, — с теплотой в голосе ответила она, и после этих слов в моей душе воцарился мир. В тот день я больше не стала задавать вопросов. Зато теперь я

всем сердцем жалела об упущенных возможностях.

— Какова была твоя успеваемость в академии? — Голос доктора звучал у меня в голове, и я вдруг поняла, что по-прежнему отвечала на вопросы, даже не слыша их. Чертов ментальный стимулятор!

— Я была одной из лучших.

— Тебя часто наказывали? — спросил он.

— Могли бы заглянуть в мое личное дело, — злобно бросила я, изо всех сил борясь с желанием сбросить устройство с головы.

— Мы изучаем, как твой мозг реагирует на каждый из вопросов, — напомнил мне невозмутимый голос.

К тому моменту, как мы дошли до вопроса об учителе пятого класса, мне стало невыносимо скучно и я начала клевать носом. Было ужасно неудобно: из-за неестественного положения мышцы спины жутко болели, глаза слезились от бьющего по ним лазера. Я отвечала коротко, стараясь не заснуть, и готова была поспорить, что самые интересные вопросы приберегли напоследок.

— Аделиса, — продолжил доктор, — когда ты впервые поняла, что можешь работать с тканью?

— На тестировании, когда я работала на станке.

Голос в динамике замолк, и я закусила губу. Как много они узнали из моего ответа?

— Раньше твой талант никак не проявлялся?

— У меня не было доступа к станку.

— Хм-м, — врач пробормотал что-то неразборчивое. — А твоя сестра, Ами, она никогда не проявляла признаков дара?

Я впиалась пальцами в края кушетки.

— Нет.

— Хорошо, — сказал доктор. — Теперь мы перейдем к тому, что происходило в Ковентри. Какое у тебя любимое блюдо?

Я выдохнула, и пальцы постепенно расслабились. Мы вернулись к стандартным вопросам, и я снова стала отвечать механически. Врач расспрашивал меня о гардеробе, о месте работы, об обязанностях и самых трудных задачах. Он ни словом не упоминал о Мэйле, и давление мое оставалось в норме.

— Спасибо, Аделиса. Сестра Ренни снимет с тебя ментальный картограф и вынет иглу, — вскоре услышала я.

Сестра Ренни проделала что-то с капельницей, а затем вытащила иглу. Несколько мгновений я ожидала дальнейших действий, однако шлем не снимали. Меня охватила паника, и я едва не закричала, чтобы его убрали с моей головы.

— Вы можете снять с меня эту штуку? — невозмутимо спросила я.

— Одну минуту, — пробормотала медсестра.

— Аделиса, — раздался в наушнике голос доктора. — Прошу прощения, но у нас есть еще несколько дополнительных вопросов.

— Дополнительных? — Мой мозг начал работать быстрее. Хотя я не видела и не слышала Мэйлы, я не сомневалась, что вопросы подготовила она. Возможно, она обдумывала их не один час.

— Это займет всего минуту, — заверил меня врач. — Принимала ли ты какие-либо подарки от прислуги или других Прях во время своего пребывания в Ковентри?

Я вспомнила о дигифайле, который дала мне Инора перед путешествием по Аррасу, но поняла, что спрашивали меня не об этом.

— В общем-то, нет. Посол Паттон прислал мне цветы после собрания Гильдии.

Молодой доктор тихо откашлялся, и я почувствовала, как он напрягся, едва я упомянула о Кормаке.

— Состояла ли ты в сексуальных отношениях с кем-либо после того, как приехала в Ковентри?

— Вы это серьезно? — взорвалась я. — Я целовалась с Эриком. Она это знает.

Мэйла могла подавиться таким ответом.

Врач же продолжил, не обратив никакого внимания на мою вспышку.

— Кто-нибудь делал тебе предложения сексуального характера?

— Вы имеете в виду охранников? — спросила я.

— Нет, Аделиса, — пояснил он. — Я имею в виду других Прях.

— Других Прях? — медленно повторила я. — Я вас не понимаю.

— Я буду трактовать твой ответ как нет.

— Ладно, — сконфуженно сказала я. Что он имел в виду? Неужели мое поведение считали девиантным? — Что-то еще?

— Не в этот раз, — ответил он, и динамик отключился.

— Не в этот раз? — в ужасе пропищала я, но ментальный картограф уже сняли с моей головы. Мир перед глазами казался сплошным белым пятном. Медсестра просунула руку мне под спину и усадила меня. В следующую секунду по глазам ударила струя густого геля, и я взвизгнула.

— Поморгай хорошенько, — скомандовала сестра.

Несмотря на жгучую боль, передо мной вновь начали проступать очертания комнаты. Я вытянула ноги и постаралась не шевелиться, наслаждаясь радостью этого момента.

— Я доставлю тебя в смотровую, — сказала сестра Ренни.

— Смотровую? — удивилась я. — Когда меня уже отпустят?

— Мы должны убедиться, что стимуляторы не дали никаких побочных эффектов, — пояснила она, помогая мне подняться и выйти из кабинета.

Стены смотровой палаты были выкрашены в бледно-зеленый цвет, по периметру стояло несколько коек, застеленных белыми простынями. Больше я ничего не могла разглядеть. Глаза все еще сильно щипало от геля, и картинка получалась смазанной. Медсестра протянула мне мягкую рубашку, и я с наслаждением натянула ее поверх предыдущей, после чего села на ближайшую койку и обернула ноги простыней. Откинувшись на стену, я ощутила спиной грубый пластик. Этой постели было, конечно, далеко до мягкой, удобной кровати из моей комнаты, однако по сравнению с железной койкой она была невиданной роскошью.

Я прищурилась и быстро-быстро заморгала, стараясь избавиться от геля, а через минуту повторила действие еще раз. Мне необходимо было разглядеть, где я нахожусь, чтобы затем изучить это место. Однако, прежде чем я успела осмотреть даже полку в углу, передо мной вновь возникла медсестра, а на ближайшую койку плюхнулась Приана.

— Я подумала, вам, девочки, будет веселее вдвоем, — жизнерадостно сообщила медсестра.

— Как это мило с вашей стороны, — ответила я, и она одарила меня еще одной сияющей улыбкой.

Приана смотрела в сторону, не желая меня замечать.

— Было забавно, — сделала я попытку завязать разговор.

— Выглядишь не очень, — ответила она, даже не взглянув на меня.

— Возможно, но это были лучшие два часа в моей жизни.

— Два часа? — в голосе Прианы слышалось неподдельное изумление. — Так долго?

Я нахмурилась. Что бы это могло означать?

— Мое тестирование заняло не больше получаса, — заметила она, наконец-то повернувшись ко мне.

— Ох! — воскликнула я. — Может, у тебя было меньше материала для исследований.

— Может, меня просто не пришлось переплетать.

— Уверена, ты полностью соответствуешь их ожиданиям, — парировала я.

Глаза Прианы сузились, однако она взяла каталог и углубилась в него.

— Мэдилин говорила мне, что, если сканеры не регистрируют необходимость переплетения, вся процедура занимает меньше часа, — ухмыльнувшись, ответила она.

— Кто такая Мэдилин? — спросила я.

— Моя наставница, — ответила Приана так, словно это было всем известно. — Твоя что, ничего тебе не рассказала?

— Она сказала мне достаточно.

— Что ж, — подмигнув, заметила Приана, — я бы на твоём месте попросила новую наставницу. Твоя плохо справляется со своей работой.

— Хочешь предложить себя?

— Осторожно, Аделиса, а то они решат, что ты ко мне подкатываешь.

Несмотря на отвращение к Приане, я повернулась и пристально посмотрела ей в глаза.

— Тебя они тоже об этом спрашивали?

— Об этом — это о чем? — непонимающе переспросила она, однако затем вздохнула и с неохотой оторвала взгляд от журнала.

— Другие Пряхи, все такое...

— Пытались ли ко мне подкатить? — Она пожала плечами. — Да, это был странный вопрос.

Приана тут же вернулась к изучению каталога. Казалось, ей не было никакого дела до вопросов исследования. С другой стороны, если она не обманывала и ее процедура действительно заняла полчаса, у нее не было никаких поводов для беспокойства.

Шнырять по окрестностям в присутствии Прианы вряд ли представлялось возможным, и я всеми силами старалась скрыть охватившее меня разочарование, что осмотреть это крыло Ковентри теперь не получится. Впрочем, здесь все равно все было под наблюдением. Я пролистала каталог, но меня ничего не зацепило. Приана же, напротив, вводила на компанели код за кодом. Если ее гардероб составлял хотя бы половину моего, ей вряд ли пригодился бы хоть один из выбранных нарядов. Тем не менее она старалась не упустить ни одной возможности, которую давало ей положение. Через некоторое время сестра Ренни принесла в палату нашу одежду. У дверей нас уже ждал охранник. Мы последовали за ним по стерильному коридору, по обеим сторонам которого одна за другой мелькали белые двери. Невозможно было догадаться, что происходило за ними. Из-за дверей не вырывалось ни звука. Мой великолепный план по вынюхиванию новой информации грозил с треском провалиться.

Однако, когда мы оказались в главном холле, я наконец заметила медсестру.

Уткнувшись в свой дигифайл, она прошла мимо нас и исчезла за огромной серой дверью. Она стала первым работником, помимо доктора и сестры Ренни, которого я встретила здесь. Подойдя поближе к двери, я разглядела сквозь щель длинный коридор, выложенный серой плиткой, и маленькую дверь с надписью «Исследование». К счастью, датчики уже сняли, ведь сердце колотилось, как сумасшедшее.

— Леди, — голосом заправского джентльмена произнес охранник, пропуская нас вперед, и мы вышли из клиники, направившись обратно в башню.

По пути я считала количество поворотов и ступенек. Если бы мне удалось все запомнить, я смогла бы в следующий раз добраться сюда самостоятельно. Однако сначала мне нужно было каким-то образом заполучить разрешение на посещение исследовательской зоны. Доставив нас к лифту, охранник коротко кивнул и удалился.

— Какой этаж? — спросила Приана.

— П-п-пятнадцатый, — с запинкой ответила я, шокированная ее внезапным дружелюбием.

Глаза Прианы округлились.

— А какой у тебя?

— Четвертый.

Я наклонилась, чтобы нажать кнопку, однако Приана с силой отбросила мою руку.

— Не будь дурой, — прошипела она. — Если я и согласилась прокатиться на лифте вместе с тобой, так только для того, чтобы посмотреть высокую башню.

— Ты и так живешь в высокой башне, — напомнила я.

Приана бросила на меня обжигающий взгляд.

— Нет, я живу в нижней части, и лифт не повезет меня выше лобби.

Я впервые обратила внимание на кнопки панели. Ниже уровня лобби находилось пять этажей, включая тот, на котором жила Приана.

— Хм, я и не знала.

— Да, — ехидно заметила она, — это твоя вечная проблема.

— Послушай, — начала я, и щеки запылали от гнева, однако не успела я послать ее куда подальше, как лифт остановился на моем этаже.

На этом уровне было еще две двери сливового цвета, однако я ни разу не встречала здесь ни одной Пряхи и лишь поэтому сразу же не запихнула Приану обратно в лифт. Здесь не на что было смотреть, к тому же мы явно не собирались устраивать у меня в комнате пижамную вечеринку. Но как только мы вышли из лифта, я тут же начала остро сожалеть о принятом решении. В холле стояли две женщины: теперь мне было не отвертеться.

Они стояли спиной к нам, но я вдруг поняла, что видела только один затылок. Светлые волосы женщины были собраны в аккуратный французский узел. Остальное было выше моего понимания. Какие-то руки гладили светловолосую девушку по спине. Это были тонкие, оливкового оттенка руки с алыми ногтями.

— О, мой Аррас! — громко воскликнула Приана, и парочка мгновенно распалась.

Спохватившись, я толкнула Приану в лифт и нажала на кнопку ее этажа. Повернувшись обратно, я с недоумением посмотрела на замерших Инору и Валери. Теперь я поняла, почему врач задавал мне такие странные вопросы. Как и Приана.

Глава семнадцатая

Инора первой бросилась к лестнице. Валери развернулась на каблуках и уже открыла было рот, однако ничего не сказала. Мы молча смотрели друг на друга. Я никак не могла уложить увиденное в голове. Валери и Инора. Это не было жутким в моем понимании, разве что странным. И еще я почувствовала себя выбитой из колеи, как если бы узнала, что двое самых близких людей хранили от меня секреты. Я смущенно отвела глаза в сторону. Кто я такая, чтобы их судить? Если бы я сама могла так же открыто вести себя с Джостом!

Я первой нарушила молчание.

— Она из-за этого так странно вела себя в последнее время?

— Нет, — покачав головой, ответила Валери. — Это никак не связано.

Я на мгновение замолкла, затем сделала глубокий вдох.

— Идем. Не нужно стоять здесь. Я ожидала, что мы займемся волосами еще пару часов назад.

Если Валери и была озадачена, она не подала виду, просто последовав за мной к двери. Но уже у входа я поймала ее взгляд в сторону лестницы. Крепко ухватив своего стилиста за руку, я втянула ее внутрь.

Как только мы оказались в ванной, я включила душ, как до этого делал Джост. Валери начала перебирать свой реквизит: фартук, шампуни и тоники. Отложив все это в сторону, я усадила ее на свой стул и изучающе оглядела с головы до ног. Валери. Добрая, тихая Валери. Они были так похожи с Инорой.

— Ты не обязана рассказывать мне, — заметила я.

— Это длинная история, — устало ответила она.

— Так же, как и все остальные здесь. Послушай, я не могу предсказать, что сделает Приана, но я не стану соваться не в свое дело.

— Они уже все знают, — отмахнулась Валери. Голос ее дрожал, но она гордо вскинула подбородок. — Поэтому Инора и ведет себя так отстраненно.

— Она переживает, что ее могут снять с должности?

— Ничего подобного. Она ведет себя так с тех пор, как прошла исследования. Она стала такой... отрешенной.

Я прекрасно понимала, о чем она говорит.

— Я заметила. Она почти ничего мне об этом не рассказывала.

— Инора проходила их дважды.

Дважды? По спине пробежали мурашки.

— А ты уверена, что в Ковентри знают, что вы... — Я не знала, как правильно это назвать.

— О наших отношениях? — уточнила Валери. — Да.

— Прости, — сказала я, глядя мимо нее, — я бы никогда...

— Не думай об этом, — оборвала меня Валери, и голос ее задрожал от сдерживаемого гнева. — В Ковентри очень быстро убивают подобные вещи в зародыше.

— Мне казалось, они уже выявили большинство девиантов, — простодушно заметила я. Вот о чем спрашивал врач. Приана сразу поняла, что он имел в виду, но я нет, ведь я не замечала между Инорой и Валери ничего такого.

— Правила и ограничения не гарантируют отсутствие нарушений, — сказала Валери. —

Здесь много таких, как мы, просто все стараются не выставлять все это напоказ. Все становится сложнее, когда...

— Ты встречаешься с Пряхой?

— Именно так. Мы долгое время успешно это скрывали, однако недавно наблюдение ужесточилось, особенно за Инорой.

Потому что появилась я.

— Думаешь, они что-то с ней сделали? — спросила я.

Я опять вспомнила собрание Гильдии, а потом у меня в голове прозвучали слова Иноры: «Не глупи...»

— Она словно не узнала меня, — тихо сказала Валери. — Я ждала ее за углом...

— Они переплели ее.

Валери покачала головой.

— Нет, они не могут переплестать Прях. Это слишком опасно. Переплетают лишь преступников и сумасшедших! Она бы больше никогда не смогла работать с тканью.

— Поверь мне, — сказала я, осторожно положив руку ей на плечо. — Теперь появилась новая технология.

— Но зачем? Из-за нас? — Голос Валери прервался, ее глаза наполнились слезами. — Ей ведь нельзя выходить замуж. Она не ставит потомство под угрозу.

— Гильдия контролирует каждый аспект жизни Арраса. Я знаю, это ужасно, но если они решили, что выгоднее будет исправить ее...

— Исправить? Ты так это называешь? Думаешь, нас надо исправлять? — Крик Валери перекрыл даже шум льющейся воды.

Я сжала ее руку и тихо ответила:

— Никто из нас не нуждается в том, чтобы его исправляли, но у Гильдии свои воззрения.

Валери с минуту молча смотрела мне в глаза, а затем отдернула руку так, словно я ее ударила.

— Им нужна ты.

— Думаю, так и есть, — подтвердила я.

— Они бы никогда не стали тестировать новую технологию на своем главном призе, — выплюнула Валери. — Инора пыталась тебя защитить. Она перешла дорогу Мэйле.

— Я знаю.

Я могла попытаться доказать, что не виновата в том, что случилось с Инорой, сестрой Прианы и даже с родителями, но не имела права отрицать, что именно я была общим фактором всех этих событий.

— Тогда ты знаешь, что это твоя вина.

Валери встала и, всхлипнув в последний раз, протерла глаза. Затем она вышла из ванной, не глядя в мою сторону, и я осталась один на один со своим чувством вины.

Она не пришла, чтобы помочь мне собраться к ужину. Тянущая боль в животе подсказывала мне, что я больше никогда ее не увижу. Сколько усилий я ни прилагала, у меня не получалось избавиться от этого странного чувства. За столом, где мы сидели с другими Пряхами, место Иноры пустовало, и мой страх от этого только разросся.

Я настолько глубоко ушла в свои мысли, что не сразу заметила присутствие Джоста.

— Еще вина? — предложил он. Наши глаза встретились, и между бровями Джоста появилась складка.

— Лучше воды.

Мгновение спустя он вернулся с кувшином воды и тоже посмотрел на пустое место Иноры.

— Лакей, — сказала я, отхлебнув из стакана, — в моих апартаментах какая-то проблема с автоматическим разжиганием камина.

— Я проверю его позже, — ответил он и тут же растворился в толпе.

Бросив короткий взгляд на противоположный конец стола, я встретила глазами с Прианой. Улыбнувшись, она подняла бокал и чокнулась со мной в воздухе так, словно мы что-то отмечали. Я отвернулась, но ни одно из шести приготовленных блюд не вызвало у меня аппетита.

Когда я вернулась с ужина, Джост возился с кнопками на моем камине. Сняв туфли на высоком каблуке, я подошла к нему. Юноша нажал на одну из кнопок, и огонь с ревом вспыхнул.

— Как будто все в порядке, — наконец произнес он.

— Вот я глупая!

— Что-нибудь еще? — спросил Джост, подняв брови.

Таким был наш сигнал. Секундой позже я уже вплетала в комнату новый момент времени. Но не успела я ничего сказать, как Джост заключил меня в объятия. Я уткнулась лицом ему в грудь, не зная, с чего начать.

— Я не...

— Ш-ш-ш, — прошептал он в ответ.

Осторожно приподняв мой подбородок, Джост прижался губами к моим губам, и в этот момент все исчезло. Пульс забился быстрее, и я обвила руками его шею. Если бы только это могло длиться вечно!

Джост первым отстранился, и я тяжело вздохнула. Мерцающий купол вновь отделял нас от замершего мира со всеми его проблемами.

— Инора... — начала я.

— Ее не было на обеде, — отозвался он.

— Она очень странно ведет себя в последнее время, и, кажется, я знаю причину.

— Потому что она...

— Влюблена, — закончила я.

— Я знаю, — Джост выдержал паузу. — Она любит женщину.

Я удивленно посмотрела на него. Может, Валери была права, и об этом знали все, кроме меня? Как я вообще могла такое не заметить?

— Мало что может ускользнуть от старшего лакея, — пояснил Джост, словно прочитав мои мысли.

— Получается, все знают? — кисло заметила я.

— Возможно, да. Слухи ходили очень давно, — ответил он, опуская меня на пол. — Это не впервые. Но Пряхи на деревьях не растут, и Гильдия обычно закрывает глаза на некоторые вещи, если девушка талантлива.

— Тогда с чего этот внезапный интерес?

Джост ненадолго отвел взгляд.

— Честно говоря, повышенный интерес к ней появился только недавно.

— Из-за меня. — Это ранило, но от правды было не убежать.

— И с появлением новой технологии...

— У нее не осталось шансов, — закончила я вместо Джоста, а затем меня посетила еще более ужасная мысль. — Как думаешь, Приана может донести на Валери?

— Не знаю, — со вздохом ответил он. — Не исключено. Тогда Валери некому будет защитить — у нее ведь нет привилегий Пряхи.

— Но какое им до этого дело? — прорычала я. — Она ведь не одна такая. Посмотри хотя бы на нас!

Джост рассмеялся, словно я сказала что-то очень забавное. Интересно, это наши отношения казались ему столь смешными? Может, он считал все это милой шуткой? Не знаю, чего мне хотелось больше — ударить его или заплакать.

— Что? — переспросила я, стараясь казаться невозмутимой.

— Само собой, им есть дело, Аделиса. Что, если женщины начнут жениться на других женщинах? Или мужчины на мужчинах?

Спустя секунду чувство облегчения сменилось ощущением подавленности. Конечно, он говорил о Гильдии, но в голове у меня звучали слова Валери.

— А что в этом такого? Это никому не мешает.

— Ты неправильно поняла, — пояснил Джост. — Ты спрашиваешь, какое им дело. Какое дело Гильдии. Я хочу сказать, что их это пугает. Женщина без мужа...

— У меня нет мужа, — подчеркнула я.

— Он появился бы через год или два, если бы тебя не призвали.

— Но Пряхи не выходят замуж — и никто, похоже, нас не боится.

— Естественно. Вы не выходите замуж, но вы заперты в стенах Ковентри. И к тому же, — покровительственно добавил Джост, — если одной из вас удастся выбраться наружу, там вы попадаете в лапы какого-нибудь чиновника.

Мне показалось, что я вот-вот готова была начать изрыгать пламя. Вот, значит, что он думал обо мне? Я наклонилась, чтобы побольнее его ударить, решив поплакать позже.

— В действительности Пряхи далеки от идеала целомудрия. Зачем, как ты думаешь, они держат столько слуг мужского пола? Чтобы поднимать тяжести? — продолжил Джост, не обратив внимания на то, что я резко отодвинулась подальше от него.

— А у тебя, значит, большой опыт по этой части? — проревела я, не понимая, из-за чего бесилась больше — из-за себя или из-за других девушек.

Джост прищурился и подвинулся ближе.

— Ты говоришь о нас или об Иноре?

— Об Иноре.

— Не надо меня дурачить.

— Если Гильдии наплевать, что мы тайком встречаемся с половиной охранников, тогда зачем им преследовать Инору за связь с Валери? — в полный голос закричала я, ни о чем не заботясь.

— Ты дашь мне закончить? — спросил Джост. — Для Гильдии важно, чтобы Пряха хранила верность лишь своему долгу, а не какому-то человеку.

— Валери говорила, что есть и другие, — возразила я. — В Аррасе.

— Ты когда-нибудь видела хоть кого-нибудь?

— Нет, — смутилась я.

— Они сидят тихо, и их не трогают. В противном случае их могут просто переплести. Хотя это относится не только к девиантам. Если Пряха влюбляется в мужчину, пусть даже в чиновника, Гильдия быстро это пресекает.

— Переплетая ее?

— Нет, пока они на такое не отваживались. Иногда они переплетают его, если это не слишком важный человек. Других просто вырывают. Это случается гораздо чаще, чем ты думаешь. — Джост покачал головой. — Как, думаешь, я стал старшим лакеем? Просто я никогда не участвовал ни в чем подобном.

Меня охватила смесь ужаса и восхищения. Значит, других не было.

— Но что, если они узнают о...

— О нас? — закончил он, прежде чем я успела договорить. — Я ведь никто.

— Им необходимо меня контролировать, — возразила я.

— У них твоя сестра.

— Но не мое сердце.

Мы все ближе подходили к обсуждению того, что происходило между нами.

— Я не могу тебя потерять, — прошептал Джост.

— Ты не потеряешь.

— Я рискую, даже просто находясь сейчас здесь, — сказал он, внимательно изучая переплетения золотого купола.

— Они не знают, что я это умею.

— Пока что.

— Я понимаю. — Тяжело вздохнув, я поднялась на ноги. Мы подошли к опасной черте, переступив которую назад можно было и не вернуться. Но сейчас, когда Инора оказалась в таком состоянии, я отнюдь не была уверена, что справлюсь без Джоста. — Нам нужен план, но сначала мы должны кое-что выяснить.

Джост вскинул бровь.

— Мы должны узнать, что случилось с Инорой, — пояснила я.

Я до сих пор понятия не имела, где находились ее апартаменты, но Джост знал все, поэтому я быстро уничтожила купол и тонкие нити времени тут же заняли свои места в ткани комнаты. Вне пузыря мы были уязвимы, однако Джост вывел меня в коридор, и мы поднялись на два пролета выше.

— За лифтом они следят гораздо пристальнее, чем за лестницей, — пояснил он на ходу. — Ею никто не пользуется.

Коридор на этаже Иноры ничем не отличался от моего, за исключением того, что двери здесь были выкрашены в сиреневый, а не в сливовый цвет. Джост постучал в ближайшую к нам дверь, но не дождался ответа.

— Ты уверена? — спросил он.

Я кивнула, понимая, что не могла лечь спать, не поговорив с Инорой.

Джост приложил большой палец к сканеру, и замок щелкнул. На стенах апартаментов Иноры красовались огромные полотна в золотых рамах. Издалека картины напоминали изображения цветов, однако вблизи предметы сливались в цветную мешанину, и вся прелесть терялась. Напротив камина стояла небольшая кровать с балдахином. Все здесь было в идеальном порядке, отчего комната казалась нежилой.

— Ее здесь нет, — раздался от окна голос Джоста.

Я содрогнулась, но отогнала от себя черные мысли. Не могли они вот так просто устранить ее.

— Надо проверить ванную.

Джост молча последовал за мной. Ванная комната Иноры оказалась меньше, чем моя.

Лампы были выключены, и в темноте мне удалось разглядеть только белый стул, точно такой же, как у меня. На нем играли слабые блики света.

— Не представляю, где она может быть, — сказал Джост. — Я могу попробовать вычислить ее с помощью служебного локатора в комнате лакеев.

— Подожди, — прошептала я, вспомнив вдруг о шуме воды.

Я нащупала в темноте осветительную панель. Мои пальцы скользнули вдоль нее, и в ванной вспыхнул свет. Я моргнула.

Глаза Джоста привыкли к свету раньше моих.

— Черт побери!

Я заметила, как он бросился вперед, но не смогла заставить себя посмотреть на то, что он увидел. Все было понятно даже по его голосу. Я не хотела этого видеть. Если бы я отвернулась прямо сейчас, я еще успела бы вернуться в спальню, а оттуда — в пустой коридор. Тогда я бы просто осталась в неведении.

А потом он попытался приподнять ее — и стало слишком поздно.

Вода полилась на мраморный пол, и я увидела, что она красная от крови. Лицо ее казалось ужасно бледным, цвета белой бумаги. Джост перехватил ее тело под мышками, и кровавая вода потекла по обнаженной груди девушки, по ее ключицам. Я не могла отвести взгляд. На запястьях ее красовались глубокие алые полосы.

— Стоп, — тусклым голосом скомандовала я.

— Аделиса, помоги мне, — попросил Джост, не в силах справиться с тяжелым телом.

— Уже слишком поздно, — ответила я. На мраморном полу разлилась огромная лужа, вода все ближе подбиралась к моим атласным туфлям.

Джост взглянул на меня и ничего не сказал. Затем он отпустил тело, и оно медленно соскользнуло обратно в ванну. На пол выплеснулось еще немного воды, и лужа наконец добралась до носков моих туфель. Мне пришлось отступить назад.

— Мэйла, — тихо произнес Джост.

— Нет, — покачала головой я. — Инора сделала это сама.

— Она бы не стала...

— Та Инора, которую мы знали, не стала бы.

— Значит, это их рук дело, — едва слышно проговорил Джост, и все же каждое его слово звучало отчетливо. Прослушка должна была работать, но почему тогда никто не приходил?

— Конечно, их. Как и всегда, — я повернулась к двери, но, едва я переступила порог, меня повело в сторону.

К счастью, Джост вовремя успел меня подхватить.

— Я должен сообщить об этом, — прошептал он.

Усадив меня в единственное во всей комнате кресло, Джост дал мне несколько минут, чтобы прийти в себя. Я наклонилась вперед и спрятала лицо в ладонях. Тем временем в противоположном конце комнаты юноша что-то тихо передал по ком-панели. Через несколько минут кто-то должен был прийти сюда, и вот тогда нам пришлось бы объясняться. Я не представляла, что сказать. Казалось, я вообще потеряла дар речи и могла думать лишь о том, как кровавая вода стекала по груди Иноры.

— Говорить буду я, — прошептал Джост, опустившись на колени возле меня.

Я повернула голову и увидела его голубые глаза. Как же мне хотелось утонуть в них и больше ни о чем не думать!

Первыми пришли охранники, затем горничные, а последней в комнату вошла Мэйла.

— Где она? — спросила она так, словно не слышала возгласов, доносившихся из-за двери в ванную.

— Ты, — Мэйла показала на меня пальцем, — оставайся здесь.

Я подняла глаза и непонимающе посмотрела на нее. По-моему, вероятность того, что я могла уйти, и так была ничтожна.

Мэйла исчезла в ванной комнате, и я напрягла слух в надежде услышать, что там происходило. Похоже, кто-то плакал — может быть, одна из служанок, какая-нибудь бедняжка, которую много лет назад не взяли в Пряхи.

Прошла целая вечность, прежде чем Джост вновь оказался рядом со мной. Мы молчали.

— Аделиса, — вернувшись в комнату, громко спросила Мэйла, — это ты нашла ее?

Она раскурила сигарету и выпустила в мою сторону кольцо дыма.

— Да, — резко ответила я.

— В этот момент она уже была мертва?

Я стиснула зубы и кивнула.

— Когда ты видела ее в последний раз?

— Вчера, — солгала я.

Глаза Мэйлы превратились в две узкие щелки, она открыла рот, но не успела сказать ни слова: в комнату вошла Лорисель.

— Я послала сообщение в медицинский отдел, — сказала она Мэйле. — И еще в главный офис. Следователь скоро будет здесь. Ты можешь быть свободна.

Мэйла повернулась к Лорисель и гордо вскинула подбородок.

— Это я решу сама.

— Нет, — спокойно отрезала Пряжница. — Решать буду я. Инора работала в манипуляционной службе. Ты свободна.

Мэйла бросила на меня испепеляющий взгляд, а затем тихо выскользнула из комнаты.

Вздыхнув, я закрыла глаза. Если это Лорисель послала Инору на вторичное обследование, я была не слишком рада ее появлению.

— Когда ты ее видела в последний раз? — спросила Лорисель.

Я открыла рот, чтобы повторить то, что сказала Мэйле.

— Я видела ее...

— Скажи правду, — прервала меня Лорисель.

Ее лицо было чисто вымыто, и теперь, без косметики, она выглядела на весь свой возраст. Бросив выразительный взгляд в сторону двери, она картинно закатила глаза.

— Я видела ее сегодня утром, — прошептала я. — Она была с Валери.

— Спасибо, — с облегчением выдохнула Лорисель.

— Лорисель, — сказала я, — нужно защитить Валери.

Плотно сжав губы, она отвела взгляд. Я не собиралась дожидаться оправданий. Встав с кресла, я направилась к двери, прочь от Джоста и Лорисель, но успела расслышать ее ответ:

— Боюсь, с этим ты опоздала.

Так я и думала.

Я успела преодолеть один лестничный пролет, когда меня догнал Джост. Отчетливо слыша за спиной тяжелый топот его ног, я остановилась, лишь когда юноша схватил меня за плечо своей сильной рукой. Он прижал меня к груди, и я уткнулась носом в его рубашку, начав считать удары его сердца, с каждым днем все более ценного и родного, пока не

поняла, что мое собственное сердце в любую минуту готово было разлететься на куски. Как только Джост выпустил мою руку, я отступила назад.

— Аделиса...

— Нет. — Я жестом остановила его. — Это должно сейчас же прекратиться. Ты видел, что с ней сделали.

— Она сама это с собой сделала.

— Потому что ее к этому подтолкнули. Они изменили разум Иноры, Джост.

— Ее использовали в качестве подопытного кролика.

— Вот именно, — прошептала я. — Чтобы потом добраться до меня. И любого, кто встанет у них на пути.

— Значит, ты предлагаешь сделать вид, будто между нами ничего не было? — спросил он.

— Это единственный выход.

— Я не могу это принять.

— Мы оба знаем, что у нас нет будущего, — пробормотала я.

Джост сделал шаг назад и посмотрел на меня сверху вниз. Больше всего на свете мне хотелось кинуться ему на шею, но вместо этого я лишь отступила еще на одну ступеньку вниз. Должен был быть другой путь. Если я вновь разобью его сердце...

— Мне не жить без тебя, — прошептал Джост, и в глазах его отразилось все: отчаяние, предательство, печаль. Но несмотря на это, он протянул мне руку. Джост готов был рискнуть всем, даже собственной жизнью, ради нас. Только я не могла принять такую жертву. Гильдия убила бы его, узнав о наших чувствах. Я не могла потерять Джоста и потому должна была отпустить его.

— Попробуйся, — ответила я со всей возможной холодностью, а затем развернулась и побежала вниз, чтобы не слышать ответ.

Глава восемнадцатая

Я пропустила завтрак. И обед. Мне не хотелось выходить из комнаты. Я не ждала, что Валери придет, чтобы привести меня в порядок, так что имела полное право сидеть здесь, у туалетного столика, и медленно расправляться с бутылкой вина. Валери бы это одобрила. Она всегда говорила, что мне не мешает расслабиться, пока она колдует над моим образом. За тебя, Валери. И еще стаканчик за Инору. А потом за маму, она точно не стала бы возражать. Если уж на то пошло, была куча людей, за которых стоило выпить, и я делала все, что было в моих силах.

Вторую половину бутылки я выпила за Джоста, который был все еще жив. Пока что. Я прекрасно понимала, что втянуть его во все это было все равно что выписать ему билет на тот свет. От этой мысли голова мгновенно прояснилась. Я не могла позволить им убить Ами, или Джоста, или даже Лорисель. Я не имела права дать еще кому-то пострадать из-за меня. Поэтому оставалось лишь два варианта: встряхнуться и попытаться действовать с ними заодно или бежать. Проблема заключалась в том, что Аррас полностью контролировался Гильдией и меня было легко идентифицировать. Даже если мне удалось бы выбраться из комплекса, поисковик выследил бы меня прежде, чем я пересекла бы хоть одну границу. Впрочем, возможно, Кормак не стал бы особенно церемониться — просто вырвал бы меня из ткани, и дело с концом.

Наступил полдень, а озарение так и не пришло. Поскольку на работу меня вызывать не собирались, я натянула льняные брюки и мягкую хлопковую тунику — единственный комплект из моего гардероба, в котором не фигурировали сложные застёжки, молнии или чулки. Чудесный выбор для безделья. За окном морские волны мирно омывали пляж. Снежной бури в горах сегодня не намечалось. Все было абсолютно спокойно и невозмутимо — программа должна была сгладить впечатления от прошедшей ночи. В желудке плескалось вино, за окном шумел океан, а я ощущала полную апатию.

Дверь за спиной отворилась, но я не стала оборачиваться. Я сказала Джосту не приходить ко мне, поэтому он хватался за любой повод навестить мою комнату. Он мог спокойно заниматься своими делами — общаться с ним я не собиралась. Кроме того, я сейчас, наверное, воняла, как Кормак, а это не располагало к романтике. Как ни странно, Джост не прошел ни к камину, ни в ванную. И запаха еды тоже не чувствовалось. Вместе этого юноша подошел прямо ко мне и остановился у постели. Я сделала вид, что мне не было до этого дела.

— Уходи, — к счастью, язык еще не заплетался.

— Я не могу. — Это был голос Джоста, но звучал он по-другому: в словах чувствовалась уверенность и настойчивость. — Посол Паттон послал меня проводить тебя на встречу.

Впрочем, сам голос тоже отличался. Тон был деловым и отстраненным. Что-то щелкнуло у меня в голове, и я резко обернулась — как выяснилось, зря. Перед глазами вспыхнули искры, голова закружилась. Видимо, я все же выпила лишнего.

— Давно не виделись, — сказала я.

— Я подумал, что лучше... — начал Эрик.

— Не приходить?

— Я не хотел торопить события.

— А я-то думала, мы уже прошли этот этап, — холодно улыбнувшись, ответила я.

Эрик стиснул зубы, однако через секунду вернулся в прежнее безмятежное состояние. Я протянула руку, и он помог мне встать. Тело не слушалось, но Эрик, как истинный джентльмен, не сказал ни слова. Было очень странно снова касаться его. Я взяла его под руку. Моя кожа прикоснулась к шерстяной ткани его серого пиджака, я даже задела его обнаженное запястье, однако прежней искры больше не было. Тело никак не реагировало. Я вспомнила наш первый поцелуй в саду. Мой первый поцелуй. Теперь я чувствовала себя лишь сторонним наблюдателем. Если между нами что-то и было, Мэйла вытравила это вместе с подушечками моих пальцев. А может, то был просто эффект от выпитого вина.

Мы шли молча, дорога явно была хорошо знакома Эрику. У него была лишь одна цель — доставить меня на собрание. Я мечтала избавиться от него. Чудесные мгновения молчания закончились, как только мы подошли к закрытой двери. Эрик приветственно кивнул высокому мрачному охраннику.

Освободив мою руку, он пропустил меня внутрь и ушел. Однако, прежде чем за ним закрылась дверь, я успела различить тихое «прости».

Для извинений было слишком поздно.

За огромным дубовым столом в комнате сидела Лорисель, в кожаном кресле около двери расположилась Мэйла. Как только я вошла, она резко выпрямилась и презрительно задрала нос. Должно быть, она хотела изобразить гордость, но получилось у нее неважно. В углу, рядом с небольшим баром, потягивал спиртное мой давний приятель Кормак.

— Приятно видеть, что все по-прежнему! — воскликнула я.

Улыбка Лорисель тут же сменилась гримасой осуждения.

— Аделиса, — задумчиво произнес Кормак, взбалтывая жидкость в хрустальном бокале, — я, как всегда, рад тебя видеть.

Как дипломатично.

— Присаживайся, — сказала Лорисель.

Я сделала глубокий вдох и опустилась на стул, по привычке сдвинув ноги и тут же вспомнив, что на мне были штаны. Тогда, одарив Мэйлу сияющей улыбкой, я расставила ноги пошире и подалась вперед. Лицо Пряхи осталось неподвижным, однако костяшки пальцев резко побелели.

— Я был поражен, узнав о несчастном случае, который произошел с твоей наставницей, — начал Кормак, занимая соседний стул.

— Да неужели? — Я удивленно округлила глаза.

— Да, — оборвал меня Кормак. — Иногда Пряхам становится крайне сложно справляться со своими обязанностями, а мы чересчур загружены работой, чтобы приглядывать за всеми.

— За мной приглядывают очень хорошо, — сообщила я.

Мэйла громко откашлялась.

— Инора боролась с...

— Заткнись, — выплюнула я. — Мы все знаем, с чем боролась Инора.

— Помни свое место...

— Достаточно, — тихо произнесла Лорисель. — Аделиса знает свое место, а тебе надо бы поучиться помнить свое, Мэйла.

— Она и за станком-то почти не сидела, — огрызнулась Мэйла.

— В ее левом мизинце больше таланта, чем во всем твоём теле, — парировала Лорисель.

Я слегка улыбнулась.

— А ты держи свои грубости при себе, — сказала Лорисель, поворачиваясь ко мне. — Она права. Как бы то ни было, у тебя было недостаточно практики.

— Ковентри должны поддерживать свою репутацию, — заметил Кормак, отхлебнув из бокала. — И ключ к этому — Аделиса.

— Кормак, занимайся политикой, а я разберусь с этим миром, — Лорисель положила руки на стол. — Если ты планируешь поставить ее на мое место, Аделисе нужно готовиться, а не сидеть в четырех стенах.

— Может, я лучше пойду? Вы и без меня неплохо справляетесь, — спросила я.

— Прикуси язычок, девочка, — прорычал Кормак.

— На твоём месте, Кормак, я была бы повежливее с будущей Пряжницей, — усмехнулась Лорисель. — Она может оказаться не такой всепрощающей, как я.

— Правда в том, что она не готова, — напомнила Мэйла, и оба, Лорисель и Кормак, ответили ей негодующими взглядами.

— Я вполне готова.

— Ты знаешь основы, — заметила Лорисель, — но прежде, чем ты окажешься на моем месте, тебе придется еще многому научиться.

— Что, если я этого не хочу?

— Это совершенно не важно, покачав головой, ответил Кормак. — Сейчас ты подавлена гибелью своей наставницы, но не забывай, что обучение и советы никогда не бывают лишними. Смерть Иноры должна напомнить нам о том, насколько сложна и ответственна ваша работа.

— Видимо, это не только нескончаемые обеды и фантастические платья, — холодно произнесла я.

— Нет, не только, — ответил он. — Сейчас ты нужна нам, как никогда раньше.

— Лорисель планирует отправиться в отпуск?

Кормак бросил короткий взгляд на Мэйлу и покачал головой.

— Лорисель приняла решение отказаться от дальнейших омолаживающих процедур.

Я переводила взгляд с Кормака на Лорисель и обратно, однако взгляды обоих ничего не выражали.

— Что это значит?

— Это значит, что я собираюсь умереть, — мягко ответила Лорисель.

Я судорожно втянула в грудь побольше воздуха, а затем медленно выдохнула. Кормак не отрывал от меня глаз, и я старалась не показать, какой ужас охватил мое сердце при этих словах. Без Лорисель... Я даже не хотела думать о том, во что могло превратиться это место. Неужели она думала, что я справлюсь с Кормаком?

— Значит, вам нужна новая Пряжница? — спустя некоторое время спросила я.

— Нам нужна ты, — отозвался Кормак.

Я молчала.

— Ты будешь обучаться у Лорисель до тех пор, пока...

— Она не умрет, — закончила я мысль Кормака.

— Да, и, как только она нас покинет, тебе придется взять ее обязанности на себя.

— Тем более, вы уже позаботились о том, чтобы убрать прежнюю ассистентку Пряжницы.

Глаза Кормака сузились.

— У нее не было и половины твоего таланта, Аделиса.

— Зато как человек я стою даже меньше ее половины, — пожалала плечами я, из последних сил стараясь сдержать дрожь в голосе. — А это, я думаю, перевешивает.

— Есть и другие Пряхи, — ляпнула Мэйла, однако Кормак послал ей такой взгляд, что она тут же умолкла.

— Тебе не стоит беспокоиться об Аделисе, — сказал он Мэйле. — Ты и так потеряла слишком много времени.

— Если бы не я, эта девчонка вообще ничему не научилась бы, — бросила Мэйла в мою сторону.

— Эта девчонка, — едва слышно прошипел Кормак, — была бы уже мертва, дай я тебе волю. Ты перешла все границы, Мэйла.

— А мы прекрасно знаем, что случается с теми, кто переходит границы, — добавила я. Никто не улыбнулся.

— Аделиса, завтра утром тебя вызовут в мастерскую Лорисель. Я сообщу ей ваше расписание, — сказал Кормак, поднимаясь со стула и надевая пиджак.

— Кормак, — позвала Лорисель, — на пару слов.

Она сделала ему знак следовать за собой, и мы остались за столом вдвоем с Мэйлой.

— Я сожалею о твоей потере, — сказала она.

Я удивленно уставилась на нее. Не могла же она и в самом деле говорить серьезно.

— Нет, правда, — повторила Мэйла. — У нас были разногласия...

— Это мягко говоря.

— Но, — продолжила она, не обращая внимания на мои слова, — Инора была хорошей Пряхой.

— Приана тебе рассказала?

Мэйла поджала губы.

— Рассказала что?

— Насчет Иноры.

— Я получила тревожный звонок.

— Нет, насчет Иноры и Валери. В холле.

— Нет, она ничего мне не говорила. Но послушай меня, — медленно произнесла Мэйла. — Если ты считаешь, что Приана пляшет под мою дудочку, ты сильно ошибаешься. Она сама по себе.

— Да, и такой, какая она есть, ее сделала ты...

— Я дала толчок, — поправила меня Мэйла. — Не стану лгать, Аделиса, мне хотелось, чтобы вы стали врагами. Но и без этого она бы никогда не стала твоей подружкой.

— Не уверена, — ответила я. — Мы упустили свой шанс.

— Ради выгоды Приана воткнула бы нож в спину собственной сестре.

— Она выглядела очень расстроенной, когда ты вырвала ее сестру из ткани.

— Послушай, — Мэйла встала, изучающе глядя на меня сверху вниз. — Я бы на твоём месте следила, кому рассказывать о своей младшей сестренке. Приана ничего не забывает. Поверь мне, сейчас я делаю тебе одолжение.

— Оставь свои одолжения при себе, — рявкнула я.

Мэйла закатила глаза и вышла из комнаты.

С чего это вдруг она надеялась, что я поверю в ее фальшивую симпатию и внезапный интерес к моей персоне? С того момента, как меня объявили следующей Пряжницей, она

просто пыталась исправить уцерб, нанесенный ее же рукой.

— Закончилось? — спросил Эрик, просунув голову в дверной проем.

— Ты что, опять собираешься меня провожать?

— Кормак хочет быть уверен, что с тобой все в порядке.

— Ну хорошо, — вздохнула я. — Можешь разбить лагерь прямо в моей комнате.

— Скорее, я организую его у твоей двери.

Я нахмурилась. Видимо, этой ночью мне было не пошпионить за клиникой.

— Не грусти, — сказал Эрик, коснувшись моей руки. — Если вдруг не сможешь уснуть, заглядывай ко мне.

Несмотря на все, что произошло после нашего поцелуя, я захохотала. Эрик по-прежнему думал только о себе.

— Мечта любой девушки, — произнесла я, склонив голову.

— Прости, — широко улыбаясь, ответил он.

— Конечно. Все в порядке.

— Я знаю, что она с тобой сделала.

— Брось, Эрик.

— Ты должна знать, что, если бы я пришел тебя проведать, все могло бы быть гораздо хуже.

— Да, возможно, ты прав, — согласилась я, — вот только мы никогда об этом не узнаем.

— Значит, покончим с этим?

Я вздохнула и попыталась вырвать ладонь из его рук. Получилось не сразу.

— Эрик, мы целовались. Я была немного пьяна. Для меня это в прошлом.

— Но что, если для меня не в прошлом? — спросил он, замедляя шаг.

Я пошла быстрее, и ему пришлось в буквальном смысле бежать за мной.

— Неважно, насколько я могущественна сейчас или стану потом, после этого продвижения, между нами ничего не может быть.

— Продвижения? — переспросил он.

— Я займу место Лорисель, — пожав плечами, пояснила я. — Я думала, ты знаешь.

— Нет, но это объясняет, почему Мэйла вдруг сменила гнев на милость.

— А, теперь она хочет стать моей закадычной подружкой?

Эрик ответил мне кривоватой ухмылкой.

— Я бы не стал загадывать так далеко, однако она явно пытается заслужить твое расположение.

— По крайней мере, она больше не пытается меня убить.

— Повторюсь, я бы не стал загадывать так далеко.

— Много изменилось, — пробормотала я.

— Так ты меня простишь? — настаивал Эрик.

Я едва не сорвалась на него. Как можно было быть таким самовлюбленным? Он напоминал мне щенка, пытавшегося догнать свой хвост, даже не подозревая при этом, что хвост был вовсе не его, а мой.

— Я тебя прощаю, — ответила я. — Но это ничего не меняет.

— Я умею ждать.

— Эрик, — сказала я, изо всех сил стараясь не выдать лишней информации. — Дело не только в этом. Я уже не та, что несколько недель назад. Все изменилось, и ты только

впустую потратишь время, если начнешь ухаживать за мной.

Его взгляд пронзил меня насквозь, и я попыталась отвернуться.

— Я должен был догадаться, — фыркнул он, и на миг на его губах промелькнула едва заметная улыбка.

Я опустила глаза. От его последних слов у меня по коже пробежали мурашки, но ведь он не мог знать наверняка...

— Слушай, — начал он, — я все понимаю. Но есть кое-что, чего ты пока не видишь. Мое положение предоставляет гораздо больше возможностей. Кроме того, я ценный человек для Гильдии. Он — нет. Ты просто убьешь его.

Я тяжело сглотнула и ответила Эрику прямым взглядом.

— Это все, что ты хотел сказать?

— Я не пытаюсь тебя уязвить, — прошептал он. — Просто я знаю Джоста лучше, чем ты думаешь. И мне совершенно не хочется, чтобы кто-то пострадал.

— Умно с твоей стороны, — пробормотала я.

— Подумай о том, чего ты хочешь, — добавил он.

Мы стояли у дверей лифта. Эрик протянул руку, чтобы нажать на кнопку, а затем придержал мне дверь. Мы зашли внутрь. Как только двери лифта закрылись, Эрик наклонился ко мне, и я почувствовала его горячее дыхание на своей шее.

— Помнишь, что я сказал тебе той ночью на балу?

От его дыхания кожу начало покалывать, но я нашла в себе силы кивнуть.

— Помнишь, что мы обсуждали? Если у тебя наконец появился план, самое время его осуществить.

Легкое покалывание переросло в настоящий электрический разряд, и в ушах у меня бешено застучало.

— Нет, у меня его нет, — прошептала я.

— Тогда подумай хорошенько, — уткнувшись в мои волосы, выдохнул он.

На миг я закрыла глаза, пытаюсь понять, действительно ли тот поцелуй ничего для меня не значил. Зазвенел колокольчик, и двери лифта разъехались в стороны. Эрик выпрямился и одной рукой придержал мне дверь. Я вышла.

Глава девятнадцатая

Хитроумное переплетение сверкающих нитей приводило меня в непередаваемый восторг. Я вновь отыскала брешь в иллюзиях Лорисель и приоткрыла пролом. Мои пальцы так и тянулись прикоснуться к нитям, почувствовать, каковы они на ощупь. Приходилось держать себя в железных тисках. Усилием воли я заставила себя отдернуть руки. Эта комната, где можно было вызвать на экраны любое место Арраса, казалась единственным реальным клочком мира.

— Здесь можно потерять себя, — раздался за спиной голос Лорисель.

Когда я пришла, в мастерской никого не было, но Лорисель должна была вернуться с минуты на минуту. Теперь я жалела, что мне не хватило времени на пристальное изучение бреши. Будь его чуть больше, я могла бы попробовать переплести удивительные нити, вручную исследовать их структуру и куски первоматерии, что формировали пространство между Землей и Аррасом.

Лорисель подошла ко мне и встала рядом.

— Трудно даже вообразить, не правда ли?

— Я ее вижу, — ответила я, — но меня не покидает ощущение, что это еще одна иллюзия... И мне хочется потрогать ее.

— Кажется, что руки так и тянутся к ней, да? — отозвалась она.

— Вы тоже это чувствуете?

— Да.

— А вы пробовали коснуться ее?

— Нет. — В голосе Лорисель послышалась покорность судьбе. — Думаю, я просто не хочу этого знать. До тех пор, пока я ее не коснулась, можно вообразить что угодно. Может, сила первоматерии перекроет мои возможности, а может, я смогу манипулировать тканью Арраса. Я даже не знаю, чего бы мне хотелось больше, поэтому и держу руки на привязи.

— Когда вы увидели ее в первый раз? — спросила я.

— Ее показала мне Кинси — моя предшественница, — рассказала Лорисель. Она сидела, склонив голову, и внимательно разглядывала меня из-под полуприкрытых век.

— И за все эти годы вы ни разу...

— Может, я просто трусиха.

— Нет, — покачала головой я. — Думаю, не касаться ее гораздо сложнее, чем коснуться. Желание пытается одержать верх. Это словно принуждение. Я уважаю вашу способность бороться.

Лорисель фыркнула.

— Может, перед смертью я все-таки решусь.

Тяжело вздохнув, я попыталась закрыть пролом. Но, едва кончики пальцев задели первоматерию, кожу точно опалило огнем. Впервые за много недель я почувствовала свои подушечки.

— Какая она? — спросила Лорисель.

— Она пульсирует, словно живая, — тихо ответила я.

— Потому что это и есть жизнь, — заметила она. — Я понимаю, тебе сложно это осознать.

— Я бы ни за что не смогла смотреть на все происходящее сквозь пальцы. Как вам это

удавалось столько лет? — изумленно воскликнула я, подразумевая ее способность годами держать себя в руках.

— Так же, как и всем остальным, — рассмеялась она. — Представь, что работаешь на станке без остановки, пока не выбьешься из сил и больше не сможешь продолжать. После этого смотреть сквозь пальцы не так уж сложно.

— Поэтому вы и отказались от омоложения?

— Наверное, со стороны я кажусь эгоисткой. Я ведь бросаю тебя одну, но...

— Не нужно оправданий, — тихо сказала я. Мои пальцы до сих пор ощущали бескрайнюю силу первоматерии. Я просто не представляла, каково было Лорисель.

— Я не могу все бросить, — со вздохом ответила она, — пока мое место не займет новая Пряжница. Аделиса, ты не можешь не знать, как я отношусь к Гильдии. К Кормаку, Мэйле и их питомцам. Однако то, что ты ощущаешь, этот электрический разряд, не имеет никакого отношения к ним.

От желания коснуться первоматерии мои пальцы закололо сильнее, но я заставила себя забыть об этом.

— Мы делаем это не для них.

— Верно, — согласилась она. — Мы делаем нашу работу вопреки их воле.

— Они продолжают за мной шпионить? — спросила я.

— За мной шпионили до тех пор, пока мне не стукнуло семьдесят, — ответила она. — Кормака можно считать кем угодно, но именно он первым понял, что я не представляю для Арраса угрозы.

— Видимо, мне остается только ждать.

Пятьдесят четыре года.

Лорисель открыла рот, но тут же закрыла его, поджав губы.

— Что? — спросила я, растерянно озираясь по сторонам. — Они следят за нами и сейчас?

— Сквозь иллюзии этой комнаты трудно пробиться.

Теперь я поняла: Лорисель не хотела, чтобы я знала всю правду, поскольку не была уверена, что я смогу принять такую ношу. Ей нужно было убедиться, что Аррас получит новую Пряжницу, а этого не случилось бы, если бы я ушла, испугавшись.

— Ты должна понять мои сомнения, — в конце концов произнесла она. — Этот мир — вся моя жизнь. Я пожертвовала ради него всем.

— Думаю, я понимаю, — кивнула я.

— Надеюсь, что так. Но, чтобы понять до конца, придется возложить свою жизнь на алтарь, возвысится над человеческой природой, научиться подчинять и сохранять материю на долгие десятилетия.

С каждым словом морщины на лице Лорисель становились все глубже, словно на нее давил груз времени.

— А если я не...

— Тогда весь мир исчезнет.

Я опустила глаза и сделала глубокий вдох.

— То есть, если я убегу, вы все равно не останетесь?

— Нет, — сказала она. — Мое время прошло. Теперь выбор за тобой. Конечно, я надеюсь, что ты останешься. Ведь пульс жизни для тебя не пустой звук. К тому же ты понимаешь всю важность нашей работы.

— Сколько просуществует мир без Пряжницы?

— Материалов хватит лет на десять. В лучшем случае, — ответила она. — Однако в мире воцарится хаос — нас ждет долгий апокалипсис. А у власти к тому времени уже будет Кормак.

— В Ковентри? — удивилась я. — Он и сейчас ведет себя так, будто он тут главный.

— Сейчас он контролирует лишь нас, но скоро станет премьер-министром всего Арраса.

— Тогда он будет контролировать все, — прошептала я.

— Кроме тебя. Если ты останешься.

Я села на бархатный диван, обдумывая услышанное.

— Вам не о чем беспокоиться. Здесь моя сестра. Я не могу ее бросить.

— В том-то и проблема, — сказала Лорисель. — Я хочу, чтобы ты приняла взвешенное решение. Что тебе известно о новой технологии переплетения?

— Слышала кое-что на собрании Гильдии. На следующий день меня уже повели на исследования, — ответила я.

— Кормак исследовал всех нас...

— Даже вас?

Лорисель кивнула.

— Он утверждает, будто они пытаются понять, почему одни девушки могут работать с тканью, а другие нет. Но гораздо больше его интересует, почему это не удастся большинству мужчин.

— Большинству? — изумленно воскликнула я, не в силах поверить, что существуют мужчины, способные заниматься этой работой.

— Большинство не обладают талантом. Но есть множество отделов, где мужчины работают над тканью, хотя Гильдия всячески это отрицает.

— Вы думаете, они существуют? — спросила я, осознавая, что наконец-то добралась до действительно ценных сведений.

— Совершенно точно. Ковентри — всего лишь лицо Гильдии. Наша работа важна, но мы делаем далеко не все. Есть и другие.

Некоторое время я молчала, пытаюсь представить человека более могущественного, чем Лорисель.

— Более значимые, чем вы?

— Мои... наши способности, — поправилась она, — нужны для выделения элементов первоматерии. Без них Аррас рассыпется на куски. Пряжи пополняют и поддерживают в рабочем состоянии ткань мира, но на этом наши обязанности заканчиваются.

— Тем не менее мы им по-прежнему нужны.

В одном Западном Ковентри сотни девушек и женщин работали над нитями времени. Без Прях Аррас не сможет существовать.

— Да, но, если они смогут копировать наши способности, мы потеряем свою ценность.

— Наверное, поэтому они и исследовали меня, — прошептала я.

— Они еще не поняли, как все это работает, — объяснила Лорисель. — Однако агрессивное насаждение манипуляционных технологий меня пугает. Скоро они все поймут.

— Я не могу позволить им исследовать меня снова, — сказала я, и мои ладони сжались в кулаки.

— Вряд ли они будут спрашивать у тебя разрешения, — с грустной улыбкой ответила

Пряжница. — К тому же тебя уже записали на прием.

— Кормак говорил с вами об этом?

— Нет, моя работа — наврать тебе с три короба. Кормак уверен, что я побоюсь тебя спугнуть и поставлю Аррас выше тебя. — С минуту Лорисель всматривалась в мое лицо. — Раньше я всегда так поступала.

— Всегда? — удивилась я.

— Я не имею права принимать за тебя решение, особенно учитывая, что они собираются сделать. — Лорисель опустила глаза, а подняв их снова, взгляделась в пустое пространство между мной и стеной.

— Вам не обязательно рассказывать мне о том, что они планируют, — возразила я. — Не такая уж я и глупая, как кажется на первый взгляд.

Лорисель рассмеялась, однако глаза ее остались серьезными.

— Они собираются повторно исследовать твой мозг во время процедуры, — эти слова дались Лорисель с огромным трудом.

— Знаю, — тихо пробормотала я.

— Нет, не знаешь, — резко оборвала она. — Потом они планируют переплести тебя.

Я вспомнила, с какой радостью жены чиновников обсуждали на собрании Гильдии возможность переплетения собственных детей. Они надеялись сделать их более послушными. Вопль ярости так и не вырвался из моего горла — это могло привлечь ненужное внимание со стороны охранников. И все же, как они посмели?

— Они могут изучать меня как угодно, — сказала я.

— В конце концов они найдут ответ...

— А потом просто убьют меня, — произнося эти слова, я почувствовала, как замедляется биение моего сердца. Это вот-вот могло войти в привычку.

— Возможно, но сначала они попытаются тебя переплести, чтобы сделать послушнее.

— Не думаю, что им удастся этот трюк. Вряд ли меня можно сделать послушной, — ответила я, и мой голос задрожал от еле сдерживаемой ярости.

— Ты же видела, как далеко они зашли с Инорой, — возразила Лорисель.

— Как думаете, почему они решили сперва переплести Инору? Из-за связи с Валери? — задумчиво спросила я.

— Нетрадиционные отношения были лишь поводом, — пояснила Лорисель. — Просто они выбрали ее для этого теста.

— Но она об этом знала? Все было спланировано заранее? — повысила голос я.

— Понятия не имею. Ее забрали ночью. Меня даже не известили.

Они всегда приходили ночью.

Даже если большая часть из того, о чем рассказывала Лорисель, была всего лишь теорией, в ней все равно должно было скрываться зернышко правды. Мне необходимо было подготовиться.

— Сколько у меня времени?

— Неделя, — ответила она. — А то и меньше.

Я встала и подошла к стене. Мои пальцы коснулись изображения океана. Иллюзия задрожала, прогнулась и снова выровнялась в том месте, где на нее надавила моя рука. На экране осталось то же изображение, однако в месте, где я коснулась его, красовался отпечаток ладони.

— Здесь некуда бежать, — сказала я.

— Я знаю.

— Инора тоже знала. — Я повернулась к Лорисель. — Поэтому она себя и убила.

Пряжница тяжело вздохнула.

— Она запуталась, Аделиса.

— Потому что ее переплели, — упрямо покачала головой я. — Она была растеряна. Я заметила это во время нашего последнего разговора, но ничего не смогла выяснить.

— Ты не смогла бы это предотвратить, — мягко сказала мне Лорисель.

— Я могла. Если бы я начала бороться с ними еще в тот момент, когда они заявили ко мне домой. Если бы я оказалась более уверена в себе, мои родители были бы сейчас живы, а Ами — в безопасности. Никто бы не узнал тайну Иноры и Валери. Они бы...

— Жили полужизнью, — остановила мою тираду Лорисель. — Не стоит преувеличивать свою значимость. Лишь смерть освобождает нас.

— Вот этого я хочу меньше всего, — заметила я. — Мэйла говорила мне, что здесь ни для кого нет избавления, даже в смерти.

Лорисель недовольно поджала губы.

— Я не совсем понимаю, о чем именно говорила Мэйла. Амбициозность делает ее по своему могущественной, и часто о внутренних операциях Гильдии ей бывает известно гораздо больше, чем нам.

— Что происходит с людьми, которые погибают прежде, чем их нить успевают вырвать?

— Это случается так редко...

— И все-таки, — настаивала я.

— Бывает и такое. Если подобное происходит, мы вынимаем остатки нити, — ответила Лорисель.

— Остатки? — Я представила тоненькие ниточки, которые формировали толстую нить.

— Когда человек умирает еще до того, как выписан документ на устранение, часть его нити... — Лорисель замолкла и отвела глаза. — Исчезает.

По телу у меня пробежала дрожь.

— И куда она девается?

— Я не уверена. Мы опасаемся самопроизвольного обрыва нитей. Проще отыскать их еще до трагедии и выдернуть. Гильдия хочет контролировать даже вырванные нити.

Тысячи вопросов роились у меня в голове, стремясь вырваться наружу. Исследование и переплетение были сложными сферами. Я сделала глубокий вдох и задала первый вопрос.

— Почему их так волнует, что произойдет с вырванными нитями?

Лорисель пожала плечами.

— Я не знаю.

— А кому есть дело до тех частей нити, которые исчезают?

— Когда я только начала работать в Ковентри, мы не удаляли нити заранее — лишь собирали и удаляли остатки. Все изменилось примерно пятьдесят лет назад, — пояснила Лорисель.

— И почему, вы думаете, это произошло? — спросила я. Возможно, Лорисель рассказала мне лишь часть правды по поводу Земли и Арраса, однако она все равно оставалась здесь самым осведомленным человеком.

— Я подозреваю, что та часть, которая исчезает, снова сливается с Аррасом.

— Вплетается в ткань? А не может быть так, что она снова превращается в

первоматерию?

— Теоретически. — В голосе Лорисель слышались нотки недоверия. — Это могло бы укрепить Аррас.

— Тогда зачем выдергивать нити заранее? Почему не дать им порваться самостоятельно?

— Гильдия не верит в то, чего не понимает. Позволить людям умирать своей смертью для Гильдии все равно, что признаться в потере контроля над ситуацией.

Я понимала, что она была права, однако мотивы Гильдии по-прежнему казались мне сомнительными. Здесь крылось нечто большее, чем стремление ко всеобщему контролю.

— Я не понимаю, почему они ничего не рассказывают о Земле и тех, кто там остался. Должна быть какая-то причина. Вы ведь почему-то решили, что мне необходимо об этом знать, — добавила я.

— Некоторые вещи нельзя забывать.

— Воспоминания не бывают бесполезными, — повторила я слова, которые слышала от мамы еще ребенком. Мои пальцы погладили отметину на запястье.

— Ты должна знать нашу историю, Аделиса, это важно. Особенно если ты будешь участвовать в операциях по добыче элементов, — пояснила она. — Земные ресурсы могут однажды закончиться, даже если Гильдия не решит действовать без поддержки Пряжницы. Хотя отсутствие того, кто видит элементы первоматерии, вряд ли заставит их остановиться.

— Постойте, если мы берем материалы с поверхности Земли, — с ужасом произнесла я, — значит, Земля заморожена!

Лорисель склонила голову набок и окинула меня внимательным взглядом.

— Как я понимаю, ты научилась искривлять пространство.

Искривление пространства — вот, значит, как это называлось. В те моменты, когда я замораживала в комнате время, пространство искривлялось. Набрав в грудь побольше воздуха, я залпом выпалила все о своем секрете — о том, что могла плести время без помощи станка. Я даже рассказала Лорисель о тех моментах, когда мне удавалось сплести другие нити, естественно, не упоминая при этом о Джосте.

— Да, — подтвердила она. — Я знала, что ты это умеешь, но не знала, известно ли тебе самой об этом.

— Я узнала случайно, — пояснила я, мысленно вернувшись к тем моментам, которые мы с Джостом провели в моей комнате, и отвела взгляд, чтобы Лорисель не заметила, как я покраснела.

— Ты начинаешь с левой руки? — спросила она.

Я ненадолго задумалась над ответом.

— Честно говоря, не знаю. Во время работы на станке нас учили начинать с правой. А что, есть разница?

— Ты левша, — уверенно заявила Лорисель. — Пряжницы всегда были левшами. Это позволяет нам сопротивляться течению времени. И управлять им.

— Получается, я всегда должна пользоваться левой рукой? — спросила я, с удивлением разглядывая свои пальцы.

— Нет, — покачала головой Лорисель. — Левая рука очень мощная. То, что ты можешь искривлять пространство, начиная с правой, говорит о твоём высоком профессионализме. И очень впечатляет. Но будь осторожна.

— Ладно, — хмыкнула я.

— Есть еще кое-что, что тебе нужно знать об искривлении пространства, — добавила она, жестом приказав мне молча слушать. — Да, момент, в котором ты находишься, замирает. Но вместе с тем ты автоматически перескакиваешь на другую временную линию. Ты можешь прожить там всю жизнь.

— Я могу там умереть? — спросила я. Может, спокойное угасание вместе с Джостом было предпочтительнее быстрого и безболезненного переплетения? Как бы то ни было, всех нас ждал один конец.

— Да.

— И тогда я умру сразу в двух временных потоках — здесь и там?

— Да, — решительно подтвердила Лорисель.

— Но ведь мир снаружи, — размышляла я вслух, — в этот момент недвижим.

— Именно это ты и должна понять, — сказала Лорисель, подавшись ко мне. — Заморожен лишь тот момент, который ты поймала. Ты создаешь островок безопасности. Время и материя вокруг него замирают, и потому никто не может преодолеть эту преграду. Но все это относится лишь к тому конкретному месту, где ты сплела паутину.

— В других местах время по-прежнему движется?

— Да. И в конце концов Гильдия сможет прорвать твою преграду. На это просто понадобится время.

После этого предупреждения моя вера в маленький пузырь счастья оказалась изрядно подпорчена. Оказывается, никакой безопасностью там и не пахло.

— А можно ли с помощью искривления пространства вернуться в прошлое? — с надеждой спросила я.

— Ты уже знаешь ответ на свой вопрос, — грустно покачивая головой, ответила Лорисель. — Прошлое невозможно вернуть. Мы можем подчинять его себе, замораживая на полях раскопок, однако нити времени все равно движутся вперед.

— Но как же Земля?

Лорисель откинулась на спинку кресла и сложила руки на груди.

— В тех местах, где расположены разработки Ковентри, образуются черные временные дыры. Так нам проще добывать временные нити и элементы для поддержания Арраса. Машины искривляют пространство вокруг себя, и земная жизнь в тех областях останавливается.

— Но за пределами искривленных зон Земля живет своей жизнью? Там все еще могут оставаться люди.

— Не думаю, — спокойно ответила Лорисель. — Оставшиеся на Земле были помешаны на разрушении.

Я нахмурилась, разглядывая простирившийся во все стороны Аррас. Что лежало под ним?

— Знаете, я обещала Иноре, что никому не расскажу о своем умении прясть без станка, — доверительно сообщила я.

Лорисель печально улыбнулась в ответ.

— Она пыталась тебя защитить. Это умение могло сразу выдать в тебе будущую Пряжницу, вот только Гильдия к тому моменту все уже знала.

— Мне не хотелось ее огорчать, — признала я. — К тому же я надеялась, что, если смогу сидеть тихо, они решат, что ошиблись.

— В этой ситуации твоя наставница сделала все, что могла. Так же, как и ты.

Добрая, заботливая Инора. Из всего, что я узнала сегодня, успокаивало лишь одно.

— Так значит, Инора, — задумчиво произнесла я, — стала частью этого мира?

— Частично да, — согласилась Лорисель.

Часть Иноры сумела улизнуть. Эта мысль грела меня.

— Аделиса, — прервала мои размышления Пряжница, — она что-нибудь сказала тебе, перед тем как...

— Нет. — Я перебирала в памяти подробности нашей последней встречи. — Она вела себя очень странно, и я поняла, что что-то случилось.

— Кормак испугался ее смерти, — прошептала Лорисель. — Он никак не может понять, было ли ее самоубийство следствием процедуры или все это из-за отношений с Валери.

— Поэтому Валери и вырвали?

— Он сильно разозлился, — пояснила Лорисель. — Переплетение должно было изменить мышление Иноры, однако то, что Валери до нее дотянулась, все испортило. В итоге Кормак обвинил Валери в смятении Иноры, но истинных ее мотивов узнать он не мог.

— Должно быть, Приана проболталась. — Откуда еще Кормак мог узнать о встрече Иноры и Валери после переплетения? Вот почему за обедом у Прианы было такое мерзкое выражение лица. — Видимо, для нее месть важнее, чем чья-то жизнь.

— Ты недооцениваешь власть страха. Эту девочку растили так, чтобы она стала идеальной призванной, поэтому не исключено, что она покупается на всю чепуху, которой Гильдия кормит граждан, — добавила Лорисель.

— Это уже не важно, — ответила я. — Приана и Валери стали пешками в игре Мэйлы и Корма-ка. Только они виноваты в том, что случилось с Инорой.

«И они за это заплатят», — про себя добавила я.

Лорисель наклонилась вперед и взяла меня за руку.

— Нам никогда не узнать о том, что произошло на самом деле, ведь мы ничего не нашли: ни записки, ни дневника — ничего.

— Вы хотите сказать, кто-то другой...

— Нет, — оборвала она. — Инора покончила с собой. Первая карта ее мозга показала, что она мучилась от внутреннего конфликта. Ее мысли были разбалансированы, но самоубийства ничто не предвещало.

— Естественно, — согласилась я, выпустив руку Лорисель. — Она жила в постоянной лжи.

— Возможно, и все же она ничего после себя не оставила. Валери мы тоже спросить не можем. Если Инора точно ничего тебе не сказала, — Лорисель сделала паузу, словно ждала моего протеста, — значит, мы никогда не выясним истинную причину произошедшего.

Я говорила правду, но Лорисель смотрела на меня таким взглядом, что я сама начала в этом сомневаться. Откинувшись на спинку дивана, я закусил губу, размышляя, как бы перевести разговор на другую тему.

— Так вы собираетесь меня учить? — спросила я.

— Тебе не нужно обучение, — усмехнулась она.

— Но ведь вы сказали...

— Я покупала тебе время.

От этих слов мне стало еще хуже. Лорисель была готова пожертвовать ради Арраса чем угодно, а я оставалась настолько эгоистична, что она и не надеялась на такую же жертву с моей стороны. Мне оставалось лишь поблагодарить ее.

— А теперь иди займись делом, — сказала Лорисель и выставила меня из комнаты.

Я вышла из башни, миновав охранника. Он посмотрел на меня так, словно считал слабачкой. Меньше всего мне хотелось, чтобы он вызвал для меня эскорт.

— Лорисель послала меня в нижние мастерские, — соврала я.

Судя по выражению лица, охранник не поверил мне, однако остался молча стоять на своем месте.

Я пулей полетела к своим апартаментам. Лорисель могла сколько угодно отрицать причастность Кормака к гибели Иноры, однако я собственными глазами видела, что он с ней сотворил. Даже если она и раньше чувствовала себя в ловушке в этом комплексе, Инора никогда не доходила до отчаяния. Она умела радоваться каждому моему наряду и с удивительным энтузиазмом подбирала мне все, от нижнего белья до туфель. Кроме того, она меня защищала. Она слишком любила меня, чтобы вот так покинуть. А сколько ей пришлось сделать ради того, чтобы заполучить дигифайл, подаренный мне перед поездкой! И она единственная предупредила меня об Эрике.

Дигифайл!

Внезапно лифт словно замедлил движение. Кнопки замерцали у меня перед глазами. Оставалось пять этажей. Четыре. Как же высоко я жила! Как только двери открылись, я вылетела наружу.

Дигифайл мирно лежал у меня под подушкой, и первым делом я бросилась к нему.

Легонько касаясь пальцами экрана, я начала проверять все папки. Игры. Каталоги. Ежедневный прогноз погоды для каждого сектора. Ничего. Это был просто подарок. Как же глупо было на что-то надеяться! Слова Лорисель заставили меня поверить в то, что Инора объяснила бы мне свое решение — или, по крайней мере, попрощалась бы со мной.

— Быть такого не может, — пробормотала я.

Эрик и Джост сильно удивились при виде дигифайла, значит, все было не так просто. Меня охватило желание пойти напрямик к Джосту и задать свой вопрос в открытую, однако я не имела права привлекать к нему излишнее внимание.

Я вновь взяла дигифайл в руки и снова просмотрела программу за программой, на этот раз медленнее. Прогноз погоды. Я вспомнила нашу первую встречу с Инорой, когда она поймала меня за плетением грозы. Пробежав глазами по списку, я вдруг заметила файл под названием «Ливень». Остальные файлы были рассортированы по датам и месяцам. Я нажала на иконку и, пока файл загружался, вслушалась в биение собственного сердца. Могла ли я найти здесь ответы на вопросы? Или хотя бы прощальное послание?

Внутри обнаружился еще один файл, обозначенный как «Гром». Я открыла папку, и на экран выскочило множество маленьких файлов. Первый из них назывался «Для Аделисы».

Один за другим я вытаскивала из шкафа наряды и вешала их на дверь ванной комнаты. Дигифайл помещался в карманы практически всех жакетов, хотя кое-где для этого пришлось немного распороть швы. С этого момента я собиралась носить устройство с собой. На всякий случай я переименовала оставленные Инорой папки. Теперь мне, по крайней мере, было понятно, с чего следует начать, — и неважно, что остальное пока терялось в тумане.

На дигифайле содержалась информация, за которую меня вполне могли убить. Карты, системы слежения. Однако больше всего мои мысли занимало послание Иноры. Даже если бы им вдруг удалось каким-то образом отыскать все оставленные Инорой файлы, это письмо я отдавать не собиралась. Оно было слишком личным. Я перечитала ее послание столько раз, что оно глубоко отпечаталось в моей памяти — так глубоко, что я едва ли была в силах забыть его. Слова Иноры звучали в моей голове снова и снова, точно записанные на пластинку. Я прокручивала их в голове, и мне казалось, что Инора опять стояла рядом со мной, а от этого сердце разлеталось на тысячу мелких осколков.

Дорогая Аделиса,

если ты нашла это письмо случайно, сейчас же закрой файл. Ничего хорошего оно тебе не принесет, а я не хочу, чтобы ты снова попала в неприятности!

Но если ты осознанно искала его, значит, пришла пора получить ответы на все вопросы. Представь, что этот разговор происходит в реальности. Прежде всего, я хочу попросить прощения за то, что оставила тебя одну. Поверь, мне этого не хотелось. Вряд ли это имеет теперь большое значение, однако единственный человек, которому ты можешь доверять после моей смерти, — это Лорисель. Если вдруг окажешься в непростой ситуации, обратись к ней — она обязательно поможет.

К сожалению, ответы на свои вопросы тебе придется искать самостоятельно. Я оставляю тебе в помощь эти файлы, но, пожалуйста, будь крайне осторожна, иначе они придут за тобой.

И последнее — Аделиса, не грусти обо мне. Я обрела свободу и надеюсь, что однажды ее обретешь и ты. Поэтому-то я и пыталась тебя защитить. Теперь мне остается лишь предоставить тебе всю имеющуюся у меня информацию. Ты умная девочка. Доверяй себе и своей интуиции, и все будет в порядке. И никогда не забывай, кто ты есть.

С любовью,

Инора.

Слова Иноры не принесли мне успокоения, но подарили надежду. Я выбрала для ужина сиреневый костюм. В тот момент, когда мне наконец удалось натянуть липнущую к ногам юбку, раздался громкий стук в дверь. Быстро набросив жакет, я сунула дигифайл в левый карман — прямо под сердце.

За дверью стоял Кормак, и это не предвещало ничего хорошего.

— Войдите, — упавшим голосом проговорила я, а затем нервно хихикнула, понадеявшись сойти за восторженную дурочку. Впрочем, с этим я, пожалуй, припозднилась.

Кормак молча зашел в комнату и с интересом осмотрел все вокруг. Его взгляд остановился на висевших на двери нарядах.

— Пакуешь чемоданы?

— Нет, — ответила я, засовывая платье обратно в шкаф. — Планирую гардероб на неделю.

— В среду? — спросил он, заставив меня покраснеть от смущения.

Я быстро развесила костюмы по местам и захлопнула дверцы шкафа, а затем набрала в грудь побольше воздуха и повернулась к нему.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да нет, — пожал плечами Кормак. — Я вдруг понял, что еще ни разу не бывал в твоих апартаментах.

— И вот вы здесь.

— Удивительно, на что способны новейшие технологии, — пробормотал он. — Знаешь ли ты, что каждая из комнат высокой башни спроектирована с учетом предпочтений ее хозяйки? Это довольно трудоемкая задача, однако мы желаем вам счастья.

— Мне нравится эта комната, — ответила я, и это была чистая правда. Здесь, среди разбросанных по полу подушек, я чувствовала себя как дома. К тому же это была первая комната, которая принадлежала мне одной. И все же, будь у меня выбор, я бы не задумываясь променяла ее на обшарпанную спальню, которую мы делили с Ами.

— Довольно мило, — заметил Кормак. — Хотя и не в моем вкусе. Я предпочитаю более современный стиль.

Он присел на край кровати, и я сделала мысленную зарубку не забыть поменять простыни.

— Могу я вам что-нибудь предложить?

— Мартини. Чистый.

Передав заказ по компанели, я понадеялась, что на кухне работали осведомленные люди — лично я не имела ни малейшего представления, что такое чистый мартини. В ожидании я подошла к двери. Лакей появился через фантастически короткий срок, и я отступила в сторону, позволив ему передать стакан Кормаку.

Затем я села в кресло напротив камина и начала медленно считать каждый выдох и вдох. Когда я дошла до двадцати, Кормак наконец прервал молчание.

— Вне всяких сомнений, Лорисель уже предупредила тебя о грядущем переплетении, — начал он и тут же, не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Я считаю, ты должна знать, что существуют и другие варианты.

— Какова же цена? — не отводя глаз, спросила я.

— Что мне в тебе нравится, так это твоя прямота. Ты сразу переходишь к делу.

От того, как Кормак произнес слово «нравится», у меня по спине побежали мурашки. Я решила промолчать.

— Гильдия должна быть уверена в том, что люди Арраса могут на тебя рассчитывать, — сказал он, опуская стакан на поднос. — Сейчас твоя верность под сомнением.

— Я не сделала ничего такого, чтобы заслужить их недоверие, — с вызовом ответила я.

— Ты пыталась бежать, — напомнил он.

— Этого хотели мои родители, а не я. Мне было очень страшно, вот и все.

— То есть ты собиралась приехать сюда и вести себя, как хорошая девочка? — с ухмылкой спросил Кормак.

— Думаю, мы этого уже никогда не узнаем.

Я и впрямь не открыла им дверь после первого же звонка, но только потому, что обычно это делал мой отец. Я прекрасно понимала, что родители заплачут, и была напугана, однако

так или иначе собиралась уехать вместе с призывной командой. Других вариантов у меня просто не было. До тех пор, пока меня не толкнули в тоннель.

— Ты всегда выбивалась из общей массы, — заметил Кормак и направился к камину, остановившись в паре шагов от моего кресла. Упершись руками в подлокотники, он склонился надо мной, и я съежилась под его взглядом.

— Как я могу доказать свою верность?

Я надеялась, что так могла выиграть немного времени.

— Знаешь ли ты, почему существование Арраса напрямую зависит от работы Пряжницы? — спросил Кормак.

Я начала судорожно повторять все, что рассказывали мне Инора и Лорисель.

Кормак остановил меня взмахом руки.

— Да, тебе известно, чем занимается Пряжница, однако нам она нужна не только для этого.

— Она олицетворяет невинность, — едва слышно прошептала я.

— Да, хотя для молодой женщины, не испытавшей горечи настоящей утраты, это, наверное, не до конца ясно, — заметил он.

Мои родители. Инора. Даже сестра, которую переплели, превратив в незнакомку. Как он смел утверждать, что я не была знакома с горечью утраты?

Кормак внимательно посмотрел мне в глаза, оценивая произведенное впечатление. Я молчала. Облизнув губы, он продолжил:

— Ты думаешь, будто знаешь, что такое потери, однако до появления Арраса и Гильдии двенадцати Земля купалась в крови. Целые поколения молодых людей умирали ради того, чтобы несколько человек смогли расширить свое влияние.

Я не могла поверить своим ушам. Конечно, Лорисель предупреждала меня об этом, но теперь у меня не осталось никаких сомнений. Кормак действительно верил в свои слова, как будто бы считая, что отличался от тех злодеев.

— Диктаторы убивали женщин и детей из-за различий в убеждениях и цвете кожи. — Кормак выдержал паузу и подошел еще ближе к моему креслу. — Потому что тогда у нас не было возможности контролировать мир и порядок.

Контроль — вот что пугало меня. Между Землей и Аррасом была огромная разница: люди вроде Кормака могли одним взмахом руки избавиться от мятежников и возмутителей спокойствия. На Земле же это было попросту невозможно.

— И вы считаете, что ваши методы лучше? — спросила я, крепко вцепившись в подлокотники кресла.

— Мои методы направлены на поддержание всеобщего благополучия, — глаза Кормака вспыхнули, но он тут же сменил тактику. — У нас, в Аррасе, пища доступна всем и каждому. Никто не голодает. Мы контролируем погоду и больше не мучаемся от бурь или засухи. В прошлом человечество зависело от капризов природы, а теперь природа подчиняется нашим желаниям.

— Возможно, естественный порядок вещей был вовсе не так уж плох, — тихо заметила я, однако Кормак проигнорировал мои слова.

— Семьи избавлены от ухода за стареющими родственниками, и люди могут больше не бояться внезапной смерти, — продолжил он. — С помощью новых омолаживающих технологий мы победили практически все серьезные болезни...

— А те, что остались?

— Они больше не причиняют боли, — без запинки ответил Кормак.

— Потому что мертвые боли не испытывают, — поддела его я.

— А лучше жить с непрекращающейся болью? Так нам удалось избавиться от тягот старения.

Когда бабушка в последний раз сжала мою руку, ее пожатие было удивительно сильным. Я покачала головой, ведь все слова Кормака были наглой ложью. Вряд ли он сам был значительно моложе бабушки. Гильдия хотела совсем другого — иметь возможность вовремя удалять ненужные нити.

— Вы когда-нибудь кого-нибудь теряли? — спросила я.

— Можно сказать и так, — ответил он. — Кому, как не тебе, знать, что такое внезапная смерть.

«Внезапная смерть» — как дипломатично это звучало!

— Нет. Теряли ли вы кого-нибудь в результате устранения? — уточнила я.

— Проводя процедуру устранения, мы никого не теряем. Это обыкновенный контроль, — сквозь зубы произнес Кормак. Похоже, он испытывал нездоровую страсть к этому слову. — И да, оба моих родителя и жена были устранены.

— Жена? — выдохнула я. Кормак Паттон был убежденным холостяком. Мысль о том, что рядом с ним когда-то могла находиться женщина, казалась невероятной.

— Я женился, когда был еще совсем молод, — небрежно бросил он. — Как ты уже знаешь, по нашим законам молодые люди должны вступить в брак до восемнадцати лет. Я не был исключением.

На самом деле Кормак всю жизнь был исключением. Этот мужчина появлялся на всех мероприятиях Гильдии — и каждый раз с новой девушкой. Его лицо постоянно мелькало на экранах, и мой отец, увидев его, всегда в шутку называл Кормака счастливым негодяем.

Я попыталась представить девушку, на которой он мог жениться. В моем воображении возникла причудливая комбинация Мэйлы и какой-нибудь общительной официантки. Безвкусица и злоба — идеальное сочетание для Кормака.

— Что с ней произошло? — спросила я.

— Она сильно сдала в то время, когда омолаживающие технологии еще не могли контролировать психологическое здоровье. Я решил не продлевать ее мучения.

Кормак рассказывал все это сухо, оперируя лишь голыми фактами, однако я заметила, что мускулы его лица напряглись, а вены на шее вздулись. Очевидно, ему не слишком хотелось об этом вспоминать. А значит, эта тема была мне крайне интересна.

— Но ведь она не умирала, — произнесла я, и губы задрожали.

— Нет, — ответил он. — Но она уже перестала быть полноценным членом общества, а я из-за этого не мог нормально работать.

Я отвела взгляд, боясь ненароком обнаружить кипевшую внутри ненависть к этому человеку. Он избавился от своей жены в пользу политики и теперь мог наслаждаться всеми прелестями холостяцкой жизни.

— Очевидно, именно поэтому вас теперь заводят короткие интрижки, — холодно бросила я.

— В том-то и дело, Аделиса. Пришло время вернуть в Аррас семейные ценности, — широко улыбаясь, объявил он.

— Что-то я не замечала, чтобы они исчезали из Арраса, — ответила я, вспомнив брачные анкеты из бюллетеней. В другой жизни я бы уже получила разрешение встречаться

и начала подыскивать подходящую пару. От этой мысли по спине пробежала дрожь.

Однако моя колкость лишь подстегнула Кормака.

— Наши законы направлены лишь на поддержание уже существующих семей, однако среди молодежи все чаще появляются люди с неестественными, опасными наклонностями.

Вроде Иноры.

— Мы, как можем, сдерживаем эти настроения, однако факт остается фактом. Многие женщины не успевают вовремя вступить в брак и в результате остаются одинокими. В Восточном секторе эта проблема встала особенно остро. Там многие молодые люди и вовсе не стремятся публиковать брачные анкеты, — сказал он.

— И вы им позволяете? — удивилась я. — Ведь у Гильдии есть такие прекрасные методы убеждения!

Не об этом ли пятне говорил Кормака во время телефонного разговора? Или все это было лишь симптомом других, более серьезных изменений?

— Честно говоря, после того, что произошло с Инорой, я задумался об эффективности наших методов. Возможно, мы случайно повредили ее рассудок. Остатки ее нити практически разложились, когда мы доставали их из паутины. Ты можешь удивиться, но мне вовсе не хочется переплестать целое поколение женщин.

— И все же, вы это сделаете, — едва сдерживая ярость, произнесла я.

— Ну конечно, ради Арраса я готов на все, — ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Однажды ты это поймешь. Ты же пока можешь думать только о собственном благополучии. Если девушки перестанут выходить замуж, если, упаси Аррас, начнут жить сами по себе, мы не сможем их защитить.

— Так значит, вы заботитесь о безопасности женщин? — спросила я.

— Да. Если у людей одинаковые ожидания, все идет гладко, но, как только начинаешь менять правила, тут же возникают разногласия.

С каждой минутой я все больше убеждалась, что Кормака действительно верил в собственные слова, однако жизнь наглядно демонстрировала, к чему приводили эти строгие правила. Маме запретили завести третьего ребенка, девочки в городах жили изолированно от мальчиков, Иноре пришлось скрывать правду о себе. За внешнее благополучие этому миру приходилось платить высокую цену. И ценой этой было тихое отчаяние его обитателей.

— Может, они просто не готовы выходить замуж, — воинственно сказала я. — Я бы точно не была готова.

Кормака поджал губы и некоторое время молча смотрел на меня.

— Грустно это слышать, Аделиса, ведь Гильдия решила, что лучшим выходом из сложившейся ситуации будет показать всем этим молодым женщинам достойный пример.

— Какой еще пример? — настороженно спросила я.

— Привилегии, которыми пользуются Пряхи, оказались мощным стимулом для поднятия престижа вашей работы, — как ни в чем не бывало продолжил он. — Девочки сейчас мечтают попасть в Ковентри.

Кровь эхом стучала у меня в ушах, я почти ничего не слышала. Голос Кормака казался ненастоящим, словно доносился с телеэкрана.

— А значит, имеет смысл показать девочкам пример достойной жизни в лоне семьи. Мы решили действовать в той же манере, что и при популяризации призыва, — превратить замужество в привилегию. А для этого нужно использовать кого-нибудь из Ковентри в качестве примера.

— Но Пряхи не могут... — прошептала я, смутившись.

— Вступать в отношения? — насмешливо переспросил он.

Я коротко кивнула, не поднимая глаз.

— Ты не глупа, — в голосе Кормака, однако, слышались нотки сомнения. — А верить во все эти стандарты невинности довольно глупо.

— Тогда зачем заставлять нас их соблюдать? — С каждой минутой мои щеки краснели все ярче. Я не считала себя непроходимой тупицей, но, честно говоря, до сих пор верила во все эти «глупые стандарты невинности».

— Семья, Аделиса. Мы не можем позволить куче молодых женщин слоняться по городу. Они должны сидеть дома, воспитывать детей и работать на благо Арраса. Уверен, ты прекрасно знаешь, что женщины здесь...

— Но это ведь убивает наши способности.

— С момента своего появления здесь ты уже успела получить некоторый опыт, — усмехнулся Кормака, — однако это не мешает тебе работать с тканью.

Кажется, я покраснела до кончиков ушей.

— Я ни разу не переступала известных границ.

— Может, и так, — пожал плечами он.

— Значит, вы собираетесь позволить Пряхам выходить замуж? — спросила я, чувствуя себя несколько обескураженной.

— Нет, — заверил меня Кормака. — Пряхи должны быть сосредоточены на работе, а долг каждой жены — служить мужу.

Я с облегчением выдохнула. Мысль о том, что меня заставят выйти замуж, да еще на глазах у Джоста... Сложно было представить пытку мучительнее.

— Однако Пряжница заслуживает особенных привилегий, — продолжил Кормака, и внутри у меня все оборвалось.

— Вы... хотите, чтобы я... вышла... замуж?

— Считай это приказом, — с улыбкой ответил Кормака.

— В противном случае меня переплетут, — прошептала я. — У меня есть выбор?

В этом вопросе прозвучала вся моя невысказанная надежда. Никто не стал бы возражать против Джоста. Он был таким естественным, таким настоящим. Однако чем больше я размышляла об этой возможности, тем лучше понимала, что таким образом могла подставить его под удар Гильдии. Как бы больно ему ни пришлось, лучше уж мне было выйти замуж за кого-нибудь другого.

— Не думаю, что это хорошая идея, а? — приподняв бровь, сказал Кормака. — Твой выбор вряд ли совпадет с решением Гильдии.

— Значит, выбирать за меня будете вы? — медленно произнесла я. Очевидно, решение должно было стать политическим.

— Выбор уже сделан, — картинно улыбаясь, заявил Кормака. — Это я.

Резко побледнев, я едва успела опереться на подлокотники, чтобы не сползти с кресла.

Выйти за Кормака?!

— Мне всего шестнадцать, — прошептала я.

— Мы подождем, пока тебе исполнится семнадцать, как это делается в крупных городах, — спокойно пояснил он.

Пытаясь уложить все это в голове, я встала и подошла к окну.

— Но сколько вам лет?

Кормак недовольно поморщился.

— Омоложивающие технологии делают твой вопрос бессмысленным, — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

— Не для меня.

— Что? А ты надеялась, что сможешь выйти на улицу и подцепить хорошенького мальчика? — Кормак почти кричал. — Позволь тебе пояснить: все уже решено. Члены Гильдии должны быть уверены в том, что за тобой будут хорошо присматривать.

— И займетесь этим вы, — прищурившись, выплюнула я.

— Ты сможешь пользоваться прежними привилегиями и рожать детей в придачу.

Я отскочила назад. При одной мысли о Кормаке меня замутило.

— А вы все еще можете иметь детей?

— Ну конечно, — ответил он, поправив пиджак. — В свое время я сдал генетические материалы, они до сих пор в хранилище.

Видимо, это случилось очень давно. Из всех упущенных возможностей меньше всего я жалела обо всем, что было связано с детьми.

— Так, значит, меня, — я попыталась подыскать нужное слово и не смогла: мыслей было слишком много, — оплодотворят?

Лишь одна мысль обнадеживала меня: если сбежать не удастся, мне не придется зачинать детей традиционным способом. Хотя лежать на операционном столе, позволив кому-то...

— Наши генетики поработали над моим телом, и теперь я практически ничем не отличаюсь от гораздо более молодых людей, — при этих словах глаза Кормака ярко вспыхнули.

Я медленно попятилась. При мысли о том, что его провонявшее перегаром тело окажется на мне, у меня перехватило дыхание.

— А если я откажусь? — пропищала я, стараясь справиться с нарастающим чувством паники.

— Мы тебя переплетем, — резко ответил он, — а потом ты все равно выйдешь за меня замуж.

Я обхватила руками дрожащие плечи и яростно затрясла головой.

— Я сделаю все, что хотите, но только не это! — умоляюще закричала я, и по щекам потекли соленые слезы. — Я стану Пряжницей. Буду хорошо себя вести.

— Я думал, ты умнее, — надвигаясь на меня, прорычал Кормак. — Я надеялся получить жену с характером, но, раз уж такое дело, придется тебя переплести и пожениться на следующей неделе.

Кормак вцепился меня железной хваткой, но я лишь всхлипывала.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — еле слышно шептала я.

— Неужели ты думала, — презрительно бросил он, — что мы просто позволим тебе веселиться, крутить шашни со слугами и наряжаться в роскошные наряды? Придется послужить Аррасу, Аделиса.

Я вырвала руки и побежала прочь из комнаты. Кормак остался внутри. Ему не обязательно было делать что-либо сейчас, ведь он мог отыскать меня в любой момент. Оказавшись на лестнице, вдали от всевидящего ока мониторов, я разорвала пространство и сплела вокруг себя кокон безопасности. Закончив работу, я упала на холодный пол и пристально взгляделась в клеймо на запястье. Как я могла помнить, кем была, если они

отчаянно желали отобрать у меня мою же личность?

Теперь я была вне времени. Даже если мне каким-то чудом удалось бы вырваться из Ковентри, Кормак тут же объявил бы на меня охоту. Впервые за все время я поняла, какое облегчение должна была испытывать Лорисель, готовясь к смерти. Я и сама мечтала умереть.

У меня не было сил даже на то, чтобы пошевелиться. Оставался лишь один человек, способный мне помочь, хотя и она не могла сбежать от этого мира.

Как бы то ни было, я пошла к ней.

Глава двадцать первая

Стены мастерской Лорисель были пусты, станок выключен. Видимо, она ужинала вместе с остальными. Скорее всего, нашу беседу с Кор-маком решили не прерывать, поэтому меня и не искали. На экранах отобразилась программа, стоявшая по умолчанию. Сделав глубокий вдох, я задумалась над тем, где бы мне стоило поискать сначала. Нужно было лишь описать это место, и программа сразу бы вывела его на экран. Эти стены могли показать мне любую точку Арраса, однако я не знала, сколько времени осталось у меня в запасе и потому решила поторопиться.

— Я в столовой на ужине, — сказала я, почувствовав себя несколько глупо.

Стены замерцали, и я оказалась прямо в центре столовой. Повсюду, сколько хватало глаз, тянулись столы. В дальнем конце зала я заметила Лорисель. Она с кем-то беседовала, но до меня не долетало ни звука. Кожа сидевших за столами женщин казалась немного бледнее, чем была на самом деле: белая приобретала оттенок известки, коричневая — расплавленного шоколада, желтая — меда. Внезапно одна из девушек запрокинула голову. Остальные принялись хлопать в ладоши и оживленно жестикулировать. Так завершился день: длинные столы были уставлены пудингами, жареным мясом и бутербродами с воздушным паштетом. Некоторые девушки потягивали красное вино. Одна из Прях щелкнула пальцами, и рядом тут же возник слуга, который ловко наполнил опустевший бокал. Он казался совершенно невозмутимым, но в глубине синих глаз таилось презрение.

Я не могла оторвать от него взгляда. В вечернем костюме он совсем не был похож на грязного парня, который вывел меня из темницы, и все-таки эти глаза было не перепутать ни с чем. Такими они были и в ту памятную встречу, когда он снял с моих рук последние перевязки. В тот день, когда мы впервые поцеловались. Я резко отвернулась, испугавшись, что не справлюсь с собой и брошусь прямо туда, к нему.

В этот момент все взгляды обратились ко мне. Сердце сжалось от страха, но в следующую секунду на меня снизошло озарение. В столовой на моем месте должно было стоять главное блюдо: здоровенный окорок, или индейка, или утка. Одна за другой Пряхи поднимались с мест и подходили ко мне, а обратно возвращались с полными тарелками дымившегося белого мяса. Меня съедали заживо.

Я зажала рот, чтобы не расхохотаться, и попыталась сконцентрироваться на том, что мне уже было известно. Я отыскала Джоста и Лорисель. Можно было бы последовать за Джостом, однако рисковать единственным шансом заполучить нужную информацию я не имела права. Чтобы вызвать на станке место, где прятали Ами, сначала необходимо было узнать его точные координаты.

— Покажи офисы, — скомандовала я, и передо мной возникло огромное здание со сновавшими повсюду мужчинами и женщинами. Большинство из них возилось с огромными стопками бумаг. Это место находилось за пределами Ковентри. Очевидно, мой приказ оказался слишком неточен.

— Покажи офисы внутри Ковентри, — попыталась я во второй раз. Стены остались белыми.

Вытащив из кармана дигифайл, я открыла секретную папку и с радостью обнаружила, что Инора вложила туда карту комплекса. Я двигала изображение до тех пор, пока не обнаружила то, что мне было нужно, — исследовательские лаборатории. Прямо за ними

оказалась комната в два раза большего размера. На двери видела табличка «Хранилище». И то, и другое находилось рядом с клиникой, куда меня отправляли на исследование. Я вызвала изображение лаборатории, и на экране появилось несколько человек в белых костюмах. Одни суетились вокруг станков, другие изучали какие-то пробирки. Видимо, их рабочий день заканчивался позже. Я закрыла глаза и пробормотала: «Хранилище».

Смотреть мне не хотелось — от того, что я видела на карте, мне уже было не по себе. И все-таки я медленно подняла веки. Передо мной ровными рядами высились железные стеллажи. Все они были заставлены маленькими стальными коробочками. Подвинувшись ближе, я обнаружила, что каждая из них была обозначена шифром из четырнадцати цифр и букв. Лишь через некоторое время я поняла, что перестала дышать.

Четырнадцать.

03212144 WR LMLA

Эта последовательность впечаталась в мою память, когда я еще была ребенком.

— Так мы сможем тебя найти, если ты вдруг потеряешься, — объяснила тогда мама.

Так находили всех нас.

Дата рождения. Сектор. Город. Инициалы матери. Инициалы ребенка.

Не отрываясь, я смотрела на коробку. Кому принадлежала эта последовательность?

Я потянулась было открыть ее, однако пальцы наткнулись на стену.

«Это иллюзия», — вспомнила я. Изображение было таким натуральным, что хотелось подойти и проверить все коробки.

Я едва не уронила дигифайл, пытаюсь отыскать нужную информацию на карте, и, к счастью, увидела координаты для вызова этого участка на станке. Я села возле него и ввела код. Нити сплетались у меня на глазах. Командная панель замигала красным, напоминая мне, что был захвачен кусок, в котором находилась я. Мэйла однажды показывала нам эту часть комплекса, но теперь при виде красной лампочки меня охватило сомнение. Можно ли было управлять Ковентри, находясь при этом внутри него, или это могло нарушить равновесие? Однако другой, более безопасной идеи у меня не было. Я убеждала себя, что Инора вряд ли дала бы мне информацию, которой невозможно воспользоваться. Хотя, если уж быть до конца честной, глупее плана придумать было невозможно. Я совершенно не была уверена, можно ли взять кусок ткани со станка и вплести его в окружающую реальность. Никто и никогда, скорее всего, не отваживался на такое безумие. Кроме меня.

Я пробежала пальцами по поверхности ткани, и перед глазами вспыхнули искры. Раненые подушечки давали о себе знать. Осторожно поглаживая нити, я увеличила картинку до размера карты на дигифайле. Очертания хранилища были прекрасно видны. Придерживая пальцем нужную точку, я осторожно вынула оттуда несколько нитей. Главное было не выдернуть всю комнату, чтобы не вызвать подозрений. Получив заветные нити, я сконцентрировалась на ткани покоев Лорисель. Держа добычу в левой руке, правой я осторожно вытаскивала несколько волокон мастерской. Если моя теория была верна, я смогла бы вживить нити, взятые со станка, в ткань мастерской Лорисель. В результате должен был получиться разлом, который позволил бы мне проникнуть в хранилище. Я осторожно вплела все нити в нужное место.

Получилось довольно неплохо, хотя все и перевернулось с ног на голову. Я неправильно разместила нити, и в результате под ногами у меня оказался потолок, а полки стали свисать откуда-то сверху. Так мне ни за что было не добраться до коробок, поэтому пришлось вернуться в мастерскую и исправить ошибку.

Из-за соседней двери донесся странный шум. Едва переступив порог, я задрожала. Здесь было гораздо холоднее, чем в любом другом месте комплекса. Я плотнее запахнула жакет и подошла к ближайшей полке. Нужно было выяснить, что именно тут прятали.

Коробки открывались с правой стороны, и мне пришлось дважды нажать на застежку, чтобы добиться результата с первой из них. Наконец передняя стенка коробки плавно отъехала в сторону, обнажив маленький кристальный куб. Я попыталась вытащить его наружу. В центре куба сверкала тонкая нить, концы которой были завязаны в аккуратный узел. Я поворачивала куб так и сяк, но нить не двигалась. Она казалась слишком тонкой, чтобы принадлежать человеку. Однажды я уже видела нить после процедуры устранения: она расщеплялась на несколько более тонких частей. В кубе наверняка была замурована лишь часть вырванной нити. На дне я обнаружила код из цифр и черточек. Установив дигифайл напротив этого кода, я открыла папку «Система слежения» и нажала на кнопку «Считать шифр». В ту же секунду на экране появилось маленькое окошко с данными:

Имя: Риккард Блэйн

Персональный идентификационный номер:

06022103 EN VH BR

Род деятельности: банкир

Дата устранения: 10112158 EN

Заявитель: Амолия Блэйн

Статус: жена

Текущий статус: активный

Активный?

Нить была слишком тонкой, чтобы принадлежать банкиру. Если его устранили два года назад, тогда почему в его текущем статусе значилось «активный»? Я подняла куб повыше, надеясь разглядеть что-нибудь еще, однако ничего нового так и не выяснилось. Сохранив у себя в дигифайле копию данных на будущее, я убрала коробку обратно на место.

Я пошла на цыпочках по узкому проходу, опасаясь, что кто-нибудь услышит мои тихие шаги. Чем дальше я удалялась от исходной точки, тем сильнее становились мои сомнения. Что, если Лорисель вернулась бы в мастерскую или кто-нибудь вошел бы в хранилище? Медленно пятясь обратно к брешу, я успела пробежаться глазами по ближайшей полке. На ней были аккуратно расставлены металлические прямоугольники, на каждом из которых значился идентификационный номер, однако никаких кубов здесь не было. Вместо них в папках хранились тонкие пластиковые карточки. Я сосканировала одну из них с помощью дигифайла.

Имя: Аннелин Мэйз

Персональный идентификационный номер:

11262158 NU MG MA

Дата переплетения: 12162159 NU

Новое место пребывания: EN

Заявитель: офицер Джем Блис

Родственники: нет / устранены

Текущий статус: здорова

В файле была и фотография маленькой девочки. Судя по датам, ей сейчас было всего два года. Именно это я и искала — сведения о тех, кого переплели и поместили в новые семьи. Информация об Ами должна была храниться где-то здесь. Я вложила карточку Аннелин обратно в папку и с щелчком открыла следующую. Дверца отворилась, и, не успев я защелкнуть рычажок, как новая карточка вывалилась на пол. Резким движением я подняла и просканировала ее. Возможно, перемещения совершались по какому-то принципу? При виде первой строки файла все мысли разом вылетели из головы.

Себрина Белл.

Белл.

Я открыла прикрепленную к файлу фотографию и увидела малышку с ямочками на щеках. Темные кудряшки вились у нее надо лбом. Она кому-то во весь рот улыбалась — быть может, своему отцу. Ее темно-синие глаза блестели, и цвет их был мне хорошо знаком. Должно быть, эти глаза она унаследовала.

Передо мной была дочь Джоста — та самая, которая исчезла прямо у него на виду. Я постаралась взять себя в руки. Прижав карточку к груди, я прочитала информацию с экрана дигифайла.

Имя: Себрина Белл

Персональный идентификационный номер:

02262158 ES BR BS

Дата переплетения: 05282158 ES

Новое место пребывания: EN

Заявитель: посол Кормак Паттон

Родственники:

отец / покинут

мать / устранена / скончалась

Текущий статус: здорова

Примечания: новый идентификационный номер присвоен в связи с процедурой частичного устранения

Ненависть к Кормаку вспыхнула во мне с новой силой. Я положила карточку в карман и прислонилась спиной к стеллажу, чтобы восстановить сбившееся дыхание. Сохранить информацию можно было и через минуту, но сначала я решила найти данные об Ами.

Двадцать четвертое июля. Ее номер должен был начинаться на 0724. Папки девочек были отсортированы по сектору нового места жительства. Я быстро просмотрела все папки до Северного сектора. Затем, вынув сразу весь ряд, начала перебирать номера по возрастианию. На номере 0618 где-то с северной стороны входная дверь внезапно отворилась. Я задержала дыхание, прислушиваясь, как шуршал чей-то подол.

Взявшись за край стеллажа, я осторожно выглянула из-за угла. Никого. Плотнo прижавшись к полкам, я начала двигаться в сторону бреши между хранилищем и мастерской Лорисель.

Дверь снова открылась. Я замерла, ожидая, что непрошенный гость уйдет, однако вместо этого послышался крик другого человека, и тот, кто вошел первым, направился ко входу. Я не решалась сойти с места. Два мужских голоса громко о чем-то совещались, но я не обращала никакого внимания на их разговор. Их шаги раздавались все ближе и ближе к

моему убежищу. Мне удалось скользнуть за следующий стеллаж. И еще за один. И еще.

Я уже была рядом с проломом, когда один из них вдруг вскрикнул. Мои пальцы сжали лежавшую в кармане карточку: похоже, я забыла закрыть папку. Быстро нырнув в пролом, я выдернула вплетенные нити и крепко прижала их к груди, а затем водрузила их на законное место в ткани комплекса. Станок ожил, и рабочий кусок исчез с него. Я упала на стул, прислушиваясь, не бежали ли сюда охранники. Никто, кроме Лорисель, не знал о моих способностях, но надолго ли? Даже если бы искали не конкретно меня, мастерская Лорисель была первым местом, которое стоило проверить для обнаружения виновного.

Никто не появлялся, и я немного расслабилась. Лишь через некоторое время я заметила. Она сидела на диванчике и невозмутимо гладила кошку.

— Лорисель, — выдохнула я. В голосе моем звучали и удивление, и сожаление.

— Уходи.

Лорисель избегала встречаться со мной глазами.

— Лорисель, я...

— Оставь меня, Аделиса. Мне надо подумать.

Мне хотелось спросить, что она имела в виду, однако Лорисель ответила прежде, чем я успела задать вопрос.

— Мне нужно подумать, как все исправить.

— Простите меня, — прямо взглянув на нее, попросила я.

Она по-прежнему смотрела на кошку, задумчиво глядя ее. Спустя некоторое время она спросила:

— Ты нашла то, что искала?

Карточка в кармане жгла мне руку, но я отрицательно покачала головой.

— Твой интерес к сестре может подставить ее под удар, — предостерегла Лорисель, в первый раз взглянув на меня.

— Мне нужно узнать, где она, — ответила я.

— Кормак все тебе показал. Она жива и здорова, — заметила Лорисель. — Лучше было бы так и оставить, если только...

— Я не собираюсь ее искать.

По крайней мере, не сейчас.

— Если Кормак решит, что она представляет угрозу, он устранил ее. — Лорисель опустила кошку на пол и встала.

Лишь спустя минуту я поняла, что она считала координаты, оставленные мной на компанели.

— Гениальная идея, — заметила она, — однако хотела бы я знать, откуда у тебя координаты хранилища.

Я стиснула зубы и скрестила на груди руки, надеясь, что Лорисель не заметит очертания дигифайла.

— Я не стану на тебя доносить, Аделиса, — сказала она, повернувшись к пустой стене. — Как я уже говорила, выбор за тобой. И все же ты играешь в очень опасную игру.

Во рту у меня пересохло.

— Я не играю в игры, — ответила я.

— Неважно, просто будь осторожна.

Лорисель замолчала, и я вышла из комнаты.

Мои секреты остались при мне: правда о дочери Джоста и маленький кусочек ткани с

экрана мастерской.

Глава двадцать вторая

Мне удалось легко проскользнуть мимо охранника, кутившего всего в нескольких метрах от входа в верхние мастерские, но в свою комнату я не пошла. Отойдя на приличное расстояние, я выпрямила спину и напустила на себя серьезный вид. Слежка продолжалась, и мне совершенно не хотелось вызывать подозрения. Трясущимися пальцами я достала кусочек ткани с экрана Лорисель и крепко сжала его в кулаке. Шириной всего в несколько дюймов, почти прозрачный, он, однако, был миниатюрной копией своего большого собрата и отображал частичку пейзажа со стен комнаты.

Я произнесла лишь одно слово:

— Джост.

На куске экрана проступило изображение. Я увидела заставленную металлическими столами комнату, где девушки в коротеньких платяницах сваливали горы грязной посуды в приделанные к стенам стальные раковины. В дальнем углу Джост раздавал инструкции группе парней. Едва они ушли, он закрыл глаза и недовольно поморщил нос, а затем устало привалился к стене. Я вот-вот собиралась добавить ему проблем. Однако, если бы я решила не рассказывать все Джосту прямо сейчас, то едва ли нашла бы в себе силы сделать это в будущем. Свободной рукой я достала дигифайл и начала сверяться с картой. Кухня была прямо подо мной. На миг я задумалась, не отказаться ли от своей идеи. Я и так разрушила все то, что было между нами, а если Джост узнает о Себрине, ничего уже никогда не будет по-прежнему. Но потом я вспомнила об Ами. Да, это иное, но было ли у меня право скрывать от него такую информацию? Повернув направо, я подошла к ближайшей лестнице. Времени на обдумывание речи не было — не успела я оглянуться, как уже спустилась на нижний уровень.

При виде меня одна из служанок замерла как вкопанная, открыв рот. Еще несколько бросили работу, но лишь одна вытерла руки о передник и направилась ко мне.

— Мисс? — неуверенно произнесла она, окинув меня вопросительным взглядом. — Могу я вам чем-то помочь?

— Мне нужно поговорить со старшим лакеем, — сказала я, гордо подняв подбородок.

Она поджала губы и многозначительно подмигнула.

— С Джостом?

— Да, если его так зовут, — небрежно отмахнулась я, почувствовав себя жуткой стервой. Однако чем ближе я была к образу классической Пряхи, тем меньше могла навлечь на свою голову проблем.

Горничная присела в реверансе и быстрым шагом направилась в сторону генераторов пищи. По дороге она успела перегляднуться со своей подружкой, и та тихонько хихикнула. Одного взгляда на меня оказалось достаточно, чтобы улыбка тут же сползла с ее лица. Девушка вернулась к работе. Должно быть, все они ненавидели меня.

В дверном проеме возник Джост. В первую минуту глаза его округлились, однако он быстро вернул на лицо бесстрастное выражение. Перекинувшись несколькими словами с горничной, он подошел ко мне.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросил он. В его голосе не было и следа дружелюбия.

— Да, мне нужна ваша помощь, — ответила я, сделав ему знак следовать за мной.

— Я могу послать одного из своих помощников, — глухо заметил он. — У меня есть и

другие обязанности. Я здесь не для того, чтобы вас развлекать.

— Меня просили привести именно вас, — ответила я.

Несколько девушек заинтересованно наблюдали за нашей перепалкой.

— В следующий раз, когда вам понадобится помощь, воспользуйтесь компанелью, — сказал Джост, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Не думаю, что следующий раз когда-либо случится.

Джост замер на месте. Для всех остальных мои слова прозвучали, как обыкновенная грубость, но Джосту было известно достаточно, чтобы всерьез задуматься над ними. Если, конечно, он этого хотел.

— Показывайте, куда идти, — со вздохом произнес он.

Посреди лестничного пролета я резко остановилась.

— Нам надо поговорить.

— Я слушаю, — скрестив на груди руки, ответил он.

— Где-нибудь в безопасном месте, — прошептала я.

Джост убрал руки и сделал глубокий вдох. Мускулы на его шее напряглись, однако он лишь кивнул и повел меня вниз, в подвал. После второй двери я начала узнавать эти холодные камни.

— Как же давно это было, — пробормотала я, проводя рукой по влажной стене.

Джост завел меня в камеру и включил маленький фонарик. В комнате воцарился полумрак. Привалившись к стене, он вопросительно приподнял одну бровь.

— Я знаю, что обидела тебя...

— Нет, — сухо ответил он. — Я слышу это в твоем тоне. Ты этого не знаешь, Аделиса.

— Я хотела тебя защитить, — сказала я, подвинувшись ближе к нему.

— Мне не нужна твоя защита.

— Как это по-мужски. Не можешь ничего доверить девушке.

Я попыталась отвернуться, но Джост поймал мое запястье.

— Я не хочу, чтобы ты меня защищала, — мягко повторил он. — Я хочу, чтобы ты доверяла мне.

— Я доверяю тебе, идиот! — гневно воскликнула я.

— Тогда позволь мне быть рядом, — сказал он, притянув меня к себе.

— Мир крутится не только вокруг нас с тобой, — заметила я, с наслаждением вдыхая его запах — смесь дыма, пота и еще чего-то вроде жимолости. Мне захотелось вплести нас двоих в кокон и остаться там навсегда — если не в счастье, то в комфорте и безопасности. В счастье я больше не верила.

— Может, и так, — прошептал он, уткнувшись носом мне в волосы, — но это не наша проблема. Нам стоит подумать о нас с тобой.

— Нас с тобой здесь быть не может, — проговорила в ответ я. Мне было невероятно уютно в объятиях Джоста. Разомлев, я положила голову ему на грудь и прислушалась к биению его сердца.

— Но у нас есть только «здесь», — с грустью заметил Джост, перехватив мой взгляд. Притяжение между нами с каждой секундой становилось все сильнее.

Джост наклонился, чтобы поцеловать меня, но я ускользнула.

— У нас мало времени, — мягко пояснила я.

Руки Джоста опустились, и я поднялась на ноги.

— Зачем ты здесь? — спросил он, едва сдерживая ярость.

Я рассказала ему все, что успела узнать про Инору и свое грядущее переплетение, а затем перешла к рассказу о Земле и о том, как создавалась ткань Арраса. По мере моего рассказа лицо Джоста постепенно теплело. Когда я дошла до последнего визита Кормака, руки юноши вновь коснулись моего тела.

— Прости меня, — сказал он, прервав мой рассказ. — Я поступил с тобой нечестно.

Я лишь покачала головой.

— Я это заслужила.

— Ты делала то, что считала верным, а я...

— Джост, — вклинилась я, услышав первые нотки вины в его голосе. — Все уже в прошлом.

Возможно, мне следовало бы сказать гораздо больше, но я, по крайней мере, говорила от всего сердца. Меня мучил миллион вопросов и еще не раскрытый секрет, однако пока этого было достаточно.

Джост широко улыбнулся и заключил меня в объятия.

— Ты права.

В этот раз я позволила ему меня поцеловать. Все началось неторопливо, а потом я прижалась к Джосту и стиснула его плечи. Он обхватил меня за талию, а потом его теплые, сильные руки принялись ласкать мою спину. Где бы он меня ни касался, мое тело просило о большем. Его губы мягко целовали мои, но я прижималась ближе, обвивая руками его шею. И вот он ответил, накрыв мои губы своими, и меня начала бить сладостная дрожь. В конце концов он отстранился, хотя мы по-прежнему соприкасались лбами. Дыхание давалось нам обоим с огромным трудом. Мое лицо полыхало, и я силилась вспомнить, что именно хотела ему сказать.

— Нам нужно уходить, — выдохнула я прежде, чем мы успели вновь слиться в поцелуе.

— Но куда? — спросил он, выпрямившись, но продолжая держать меня за талию.

— Я все еще работаю над этим.

— Но у тебя всего несколько дней, — возразил Джост, поцеловав меня в макушку.

— Я могла бы сплести момент, — сказала я, продолжая ласкать его шею.

— И остаться в нем навсегда?

— Что-то вроде того.

— Мне нужно объяснять, почему это не лучшая идея?

Я высвободилась из его объятий и тяжело вздохнула.

— Примерно то же самое сделала Гильдия — и вот где мы оказались.

— Да, масштабы более внушительны, — усмехнулся он, — но воплощение не из лучших.

— Знаю. В любом случае, я не могу бросить Ами.

— Ами в безопасности, — переплетая свои пальцы с моими, проговорил Джост.

Мне хотелось в это верить. И больше всего я мечтала о том, чтобы убежать, забыв обо всем, что связано с Гильдией. Но я не могла оставить Ами в Сайпресе. Я понимала, что слова Джоста объяснялись лишь тем, что пока ему некого было терять, кроме меня. Хотя и это скоро должно было измениться.

— Ты бы бросил того, кого любишь? — спросила я, коснувшись лежавшего в кармане дигифайла. — Если я убегу, Гильдия может...

Жутко было даже представить.

— Зачем? Ради дурацкой мести? У них нет причин вредить ей.

— Кормак сказал еще кое-что, — добавила я. — Он считает, что Ами может им

пригодиться. Они надеются, что она тоже обладает моими способностями.

— Но нет никаких доказательств, что это умение заложено на генетическом уровне.

— Понимаю, но вряд ли их это остановит. Я не говорю, что нужно отправиться за ней прямо сейчас, однако я должна узнать, где она, прежде чем начну прорабатывать план.

Сама не заметив этого, я вцепилась в рубашку Джоста. Он осторожно разжал мои пальцы и взял мои ладони в свои.

— Нет такого места, где мы могли бы укрыться, — напомнил он. — Они легко вычислят нас и рано или поздно прорвутся сквозь твой кокон. Сколько времени им понадобится?

— Я не знаю. — Лорисель предупреждала меня о хрупкости пузыря, но другого плана у меня пока не было.

— Нам нужно выиграть время, — пробормотал Джост.

— К счастью, тебе повезло познакомиться с Пряжницей, — с улыбкой сказала я.

— Как ты собираешься искать Ами? Перебирание ткани займет десятки лет.

— Я знаю ее персональный номер, но географические координаты могут отличаться. Их поменяли после переплетения, — пояснила я.

— Хорошо, допустим, у тебя есть ее данные, но ведь нужен еще и специальный доступ к программе. Он у тебя есть?

— Нет. Зато он есть у Лорисель, — ответила я.

— И ты считаешь, она позволит тебе все это проделать? — с сомнением спросил Джост.

— А я не собираюсь просить у нее разрешения. Как, думаешь, я получила всю эту информацию?

— Нам нужен план получше, — произнес Джост, запуская пальцы в каштановые волосы.

— Я должна рассказать тебе еще кое-что, — начала я.

Мне хотелось выпалить все разом, но что-то удерживало меня от этого шага. Сейчас я могла не думать о его прошлом, но скоро все должно было измениться.

Джост внимательно посмотрел на меня, а затем набрал в грудь побольше воздуха.

— Говори.

— Я знаю, как нам найти Ами, — сказала я, достав из кармана дигифайл.

— Это подарок Иноры?

— Да, и на нем есть куча полезной информации.

Я открыла файлы прогноза погоды и показала Джосту карту.

Он внимательно изучил картинку.

— Это наш комплекс?

Я коротко кивнула.

— Вместе со всеми координатами. И я уже успела побывать в хранилище.

— Что ты успела?

— Я проникла в хранилище, — повторила я, делая вид, что ничего особенного не произошло, но Джост смотрел на меня так, будто хотел спросить, не сошла ли я с ума. — Я могу найти ее.

— И что там? — не отводя взгляда, спросил Джост.

— Наборы данных. Информация о прошедших процедурах устранения и переплетения.

Я решила не рассказывать о тонких нитях, замурованных внутри странных кубов, и о том, как жутко мне было находиться рядом с ними. Это прозвучало бы слишком безумно.

— И ты видела их собственными глазами? — уточнил Джост.

Кивнув, я опустила руку в карман. Карточка все еще была там, оставалось лишь заставить себя отдать ее.

— Что в них говорится?

— Основная информация: идентификационные номера, даты устранения. — Я открыла первый файл, чтобы показать Джосту карточку Риккарда Блэйна. — На дигифайле установлена программа, считывающая данные.

— Как ты думаешь, откуда у Иноры эта программа? — спросил Джост, шагая туда-сюда по тесной камере.

Я пожала плечами.

— Наверное, ей кто-то помог.

— Хотел бы я знать... — начал он.

— Есть еще кое-что, о чем ты должен услышать, — перебила я его, боясь потерять решимость.

Джост застыл на месте.

Прежде чем заговорить, я выдержала небольшую паузу. Мог ли Джост остаться прежним, узнав обо всем?

— Держи, — с трудом произнесла я, протянув ему карточку.

Взяв пластиковый прямоугольник, Джост какое-то время недоуменно рассматривал его.

— Что это?

— Просканируй ее. — Я протянула ему дигифайл.

Когда на экране появились данные, у меня перехватило дыхание. Морщинки на лбу Джоста внезапно разгладились, он открыл рот, но ничего не сказал. Вместо этого он сел на пол, неотрывно глядя на маленький экранчик.

— Она жива, — тихо произнесла я, потому что он явно не мог найти слов.

Обычно Джоста можно было принять за мальчика. Даже если он был небрит и не красовался в строгом костюме, черты его лица оставались мягкими, а улыбка — задорной. Но сейчас, при свете фонарика, линия его подбородка вдруг стала резкой и угловатой. Мгновением позже на лице Джоста расцвела улыбка. Но в ней больше не было мальчишеского очарования, которое я так любила. Теперь Джост был серьезен. Он выглядел, как мужчина.

— Ты нашла ее, — прошептал он, и взгляд его наполнился бесконечной благодарностью.

— Она в безопасности.

«Пока что», — добавила я про себя.

— Она жива, — повторил он, словно не мог до конца в это поверить. — Моя дочь жива.

— Сведения об Ами тоже должны быть там, — сказала я.

— Мы можем туда вернуться? — спросил Джост, продолжая неотрывно смотреть на фотографию.

— Думаю, да, но мне понадобится твоя помощь.

— Что угодно, — пообещал он.

— Джост, — сказала я, опускаясь на колени рядом с ним, — я не уверена, что мы сможем ее отыскать.

Он обхватил мое лицо обеими руками и нежно поцеловал меня. В этом поцелуе чувствовалась сила. По моему телу пробежали теплые волны — Джост словно делился со мной своей энергией. До этого момента я слабо представляла, насколько сильный след

оставила потерю в его душе.

— Мы найдем способ, — ответил он. — И отыщем их обоих.

Я кивнула и осторожно вынула дигифайл из его рук. Джост тут же вернулся к жизни и предложил мне обсудить дальнейшие планы. Я объяснила, что наша задача заключалась в том, чтобы пробраться в верхние мастерские, откуда можно будет попасть в хранилище и найти там необходимую информацию.

— А потом? — спросил он.

— А потом мы решим, что делать дальше, — отшутилась я. Вне всяких сомнений, план был кошмарен, но другого я пока не придумала.

Джост исполнил роль моего сопровождающего. В этом не было ничего необычного, однако теперь, когда я поняла, что Кормак вполне мог следить за нами, мне стало страшно. Ладони и лоб покрылись испариной. Я попыталась напустить на себя скучающий вид, но щеки заливала краска, а сердце в груди колотилось как сумасшедшее.

Как только мы подошли к двери, ведущей в верхние мастерские, охранник окинул нас внимательным взглядом.

— У него тоже есть доступ?

— Кормак велел мне никуда не выходить без сопровождения, — как можно более твердо сказала я.

— Я должен проверить...

— Послушай, парень, — отодвинув меня в сторону, хрипло сказал Джост. — Я жуть как хочу лечь спать, так что чем быстрее мы отправим Ее Величество наверх, тем лучше.

Охранник широко улыбнулся в ответ. Очевидно, он не понаслышке знал о тяготах ночной службы.

— У нее есть доступ, так что не отходи от нее ни на шаг.

В знак солидарности Джост картинно закатил глаза.

Как только мы оказались за дверью, я пихнула его в бок.

— Можешь идти в кровать хоть сейчас.

— Лучший способ пробраться куда угодно, — подмигнул он, — это показать, как тебя загоняла Пряха.

Я притворилась обиженной, и Джост взял меня за руки.

— Ты наименее противная Пряха из всех, кого я знал, — торжественно заявил он.

— Смотри у меня, Джостен Белл, — предупредила я.

Джост последовал за мной по винтовой лестнице. Постоянно оглядываясь назад, он в итоге едва не врезался мне в спину.

— Если ты не поторопишься, мы точно никуда не успеем, — прошипела я.

— Простите, Ваше Величество, — с ухмылкой ответил он.

Добравшись до верха, мы осторожно проскользнули в мастерскую. Меня не покидало ощущение, что мы вот-вот встретимся нос к носу с Лорисель, но комната была пуста. Сделав Джосту знак следовать за мной, я подошла к станку и достала дигифайл.

— Что ты собираешься делать? — спросил Джост, выглядывая из-за моего плеча.

— Я кое-чему научилась, — ответила я.

На станке появился кусок ткани Западного Ковентри, и я повернулась к Джосту.

— Разве это не прекрасно?

— Что именно? — нахмурившись, спросил он.

— Канва, — с удивлением пояснила я, указав пальцем на ткань.

— Я ничего не вижу, — широко ухмыльнувшись, ответил он.

— Прости, я не думала, что...

— Все в порядке, — оборвал меня Джост. — Это в твоей компетенции, не в моей.

Я внимательно изучила кусок ткани, а затем быстро вынула несколько нитей хранилища. Джост неподвижно стоял у меня за спиной, но резко подался вперед, как только я начала проделывать в стене комнаты брешь.

Присутствие Джоста плохо сказывалось на моей способности к концентрации, однако вскоре мне удалось создать вполне приличный портал. Хранилище, темное и мрачное, открылось прямо перед нами.

— Но как... — изумленно выдохнул юноша.

— Хороший получился фокус, верно? — Неподдельное удивление Джоста позабавило меня. — Я взяла часть нитей со станка и вплела их в канву комнаты. Так между хранилищем и этой мастерской образовался проход. Примерно то же самое происходит на станциях перемещения. Пряжи выплетают человеческую нить из одного места ткани и перемещают в другое. Только я проделала все это с комнатами.

— Ладно, кажется, я понял, — отмахнулся Джост. — Можно отправляться на поиски?

Я закусила губу и отрицательно покачала головой.

— Я хочу, чтобы ты остался на страже. Если кто-нибудь появится, дай мне знак.

«Ну а если меня поймают, беги», — про себя добавила я, понадеявшись, что Джост так и сделает в случае необходимости.

— Нам лучше держаться вместе, — возразил он.

— Я знаю, где и как там все расположено, — пояснила я. — Это займет всего минутку, к тому же я двигаюсь тише тебя.

— Не в такой обуви, — Джост многозначительно взглянул на мои ноги.

Сморщив нос, я быстро скинула туфли на каблуках, а затем сделала несколько прыжков на месте, и Джост одобрительно кивнул. Сунув туфли ему в руки, я стремительно поцеловала юношу в щеку и проскользнула в хранилище.

Все лампы были выключены, и мне пришлось выставить дигифайл прямо перед собой, чтобы осветить дорогу. Я сделала это как раз вовремя, потому что в этот момент передо мной вырос первый стеллаж. Покачнувшись, я увернулась от столкновения и поблагодарила небо за то, что сняла туфли. Вскоре я нашла полку с файлом Себрины и принялась искать информацию об Ами. Индивидуальные папки были рассортированы по дате рождения и географическому местоположению их владельцев. Для начала необходимо было отыскать файлы Сайпреса.

Я медленно проверила один ряд, затем второй, пока не наткнулась на номера с буквой E, относящиеся к Восточному сектору. Где-то здесь должен был находиться и Сайпрес. Едва не потеряв надежду, я наконец наткнулась на папку с датой рождения сестры. Мамины инициалы тоже совпадали. Я быстро вынула карточку и просканировала шифр. На дигифайле загрузилось изображение. Это была она: Ами Льюис.

В графу, где значились причины переплетения, я не отважилась даже заглянуть, хотя и знала, что в ней могла быть только ложь. Я сохранила персональные данные Ами на дигифайле и вложила карточку обратно в папку. На мгновение я задумалась, не лучше ли было забрать карточки навсегда: вдруг это помогло бы замедлить работу Гильдии, когда они пошли бы на поиски Ами или Себрины? Однако, если у них были резервные копии, кража файлов была бы признана объявлением войны. Я достала карту Себрины и принялась искать

ее папку. Мне пришлось дважды перепроверить идентификационный номер, пока я наконец не нашла нужный по чистой случайности. Пока я засовывала карту на место, рядом со мной вдруг раздались тяжелые шаги. Походка чем-то напоминала поступь Джоста. Наверное, меня не было так долго, что он разволновался и решил проверить, все ли со мной в порядке. Однако я не ждала милостей от судьбы. Отскочив в другую сторону, я прижалась к стеллажу и медленно отступила за угол.

Чисто.

Сделав глубокий вдох, я перебежала к следующему ряду полок. Шаги удалялись. Мне оставалось лишь проверить следующий проход и добежать до пространственного разлома. До щели оставалось всего несколько стеллажей, но тут пролом замерцал и начал стягиваться прямо у меня на глазах. Я заметила, как с той стороны Джост протянул ко мне руки, и бросилась вперед. Проход закрывался очень быстро, однако мне казалось, что я еще могла успеть проскользнуть в него. В последнюю секунду кто-то схватил меня за запястье. Я закричала и попыталась высвободиться, однако похититель потащил меня назад. Мужская ладонь зажала мне рот. А потом вокруг воцарилась полная темнота: пролома больше не было.

Глава двадцать третья

Я с силой пнула вцепившегося в меня мужчину, и он с криком отскочил назад. Хватка ослабела. Не теряя времени, я помчалась к месту, где секунду назад была брешь, и отчаянно замолотила руками по воздуху в надежде отыскать последние нити мастерской. За спиной слышалось тяжелое дыхание моего преследователя.

Бросив бесполезные попытки, я отступила к ближайшей полке. Вокруг ничего не было видно, поэтому я плотно прижалась к стеллажу и пошла вдоль него. Шаги мужчины замедлились. Он пытался вычислить мое местоположение. Единственной моей надеждой оставалась дверь в хранилище. Я могла бы выплести себя из этого момента и заморозить время в хранилище, однако в таком случае Джост остался бы без помощи. Я должна была во что бы то ни стало вернуться к нему.

Ряды полок тянулись бесконечно медленно. Я старалась по-прежнему держаться поближе к стеллажам, чтобы случайно не выдать себя. За последним рядом показалась дверь. Если бы я внимательнее изучила карту, то знала бы сейчас, куда она вела. Скорее всего, эта комната соединялась с исследовательскими лабораториями. В таком случае отсюда можно было попасть к ученым. Время было позднее. В лабораториях не должно было быть ни души, однако надеяться на это не имело смысла. Единственный путь к двери пролегал по центральному проходу, а это автоматически сделало бы меня прекрасной мишенью для преследователя. Ситуация была безнадежна, но ожидание сводило меня с ума. Сделав глубокий вдох, я бросилась к двери.

Мне не хватило скорости. Из-за ближайшего стеллажа появилась фигура, и неизвестный поймал меня за талию. Крепко зажав мне рот, он прошептал прямо мне в ухо:

— Прекрати бороться со мной, Аделиса.

Я обмякла в его руках и тут же оказалась на свободе. Резко развернувшись, я со всех сил толкнула нападавшего в грудь. Он охнул, и я различила на его лице неподдельное удивление.

— Напомни мне больше никогда не спасать твою задницу, — покачнувшись, сказал Эрик.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросила я.

— спасаю тебя, — ответил он, потирая грудь.

— Кто его закрыл?

— Что? — не понял он.

— Проход обратно в верхние мастерские, — прошептала я.

— Ты так здесь оказалась? — тоже шепотом спросил Эрик.

Я кивнула и быстро подошла к тому месту, где была щель. Эрик поспешил за мной, однако теперь там не было и намека на проход. Я не представляла, как теперь помочь Джосту, ведь с каждой секундой его положение наверху все ухудшалось.

— Так это и был твой великий план? — спросил Эрик.

— Да, — со вздохом ответила я. — Похоже, пришла пора переходить к плану Б.

— И каков же план Б?

— Его пока нет, — сообщила я.

— Тогда в чем состоял план А?

— Получить информацию, — ответила я.

— И это все?

— Да.

Эрик закатил глаза.

— Похоже, составление планов не твой конек.

— Как бы то ни было, мы должны вернуться назад. Я оставила там Джоста.

При звуке этого имени Эрик напрягся, и я тут же вспомнила, что двое юношей обычно держались на расстоянии.

— Они вскоре выяснят, где ты находишься, — заметил Эрик, подталкивая меня в направлении входной двери. — К тому же ты потеряла много времени, пытаясь убежать от меня.

— Мог бы сказать что-нибудь, — недовольно проворчала я.

— Я не хотел себя выдавать. — В глазах Эрика плескался гнев, однако он лишь ускорил шаг. — Идем.

— Нам нужно попасть в мастерскую Лорисель, — на бегу подсказала я.

— Я знаю. — Рука Эрика крепко вцепилась в мое запястье.

Около входной двери он резко остановился и поправил упавшую мне на лицо прядь волос. Заметив, что на мне не было обуви, Эрик нахмурился.

— Хорошо, — сказал он, — действуем так: я нашел тебя здесь и теперь веду к Кормаку.

— Значит, я преступница? — спросила я.

— Да, так что постарайся казаться испуганной.

— Это несложно, — пробормотала я.

Эрик пинком открыл дверь и грубо втолкнул меня внутрь. Я оказалась в ярко освещенном коридоре. В дальнем конце стояли двое охранников. При виде нас они резко выпрямились и пошли навстречу.

— Я поймал ее, — громко сообщил Эрик. — Теперь веду к Кормаку.

Охранники переглянулись. Оба казались как минимум лет на десять старше Эрика.

— Восемнадцатый уровень доступа, — добавил он, доставая из кармана персональную карту.

— Да, сэр, — одновременно воскликнули охранники; голос старшего из них немного дрогнул.

Я опустила глаза и ссутулилась. Как только мы с Эриком зашли за угол, его хватка немного ослабела, однако отпускать меня он явно не собирался.

— Как ты меня нашел? — прошептала я.

— Кормак совсем с ума сошел, — едва слышно произнес он. — Объявил тревогу третьей степени.

— Но как ты узнал, что я здесь?

— Когда я сопровождал тебя во время рекламного тура, — Эрик бросил на меня быстрый взгляд, — Кормак установил тебе датчик слежения.

— Да нет, не установил. — Я вспомнила слова Иноры о том, что Кормак хотел вживить мне имплант, но не смог.

— Установил, — уверенно повторил Эрик. — Его подложили в еду. Теперь датчик у тебя в тонком кишечнике.

Я инстинктивно схватилась руками за живот и с ужасом посмотрела на Эрика.

— Значит, они следили за мной на протяжении многих недель? — упавшим голосом спросила я.

— Нет, — едва слышно ответил Эрик. — Я следил. Я немного изменил их файл, так что

теперь только у меня есть поисковая программа.

— Значит, ты...

— Да, я следил за тобой.

— Но ты же не...

— Не стал тебе мешать? — закончил он мою мысль. — У нас одинаковые... союзники.

Последнее слово он произнес так высокопарно, что я бы ни за что ему не поверила, не будь он сейчас здесь, со мной. Теперь все встало на свои места. То, чему я раньше не могла найти объяснений, стало предельно ясно. Я внимательно вгляделась в лицо Эрика.

— Кто? — нетерпеливо спросила я. Этот двусмысленный разговор начинал меня беспокоить. Я боялась, что все мои подозрения могли подтвердиться.

— Сейчас не время, — пробормотал он. — Надеюсь, у тебя есть прекрасный план, как вызволить нас отсюда.

— Я же говорила, что у меня его нет, — резко ответила я.

— Так придумай, — оборвал меня Эрик. — У тебя великолепно получаются всякие фокусы. Вести нас дальше уже не в моих силах.

Оставшуюся часть пути мы молчали. Эрик подвел меня к двойным белым дверям, и мы снова оказались в главном холле Ковентри, где под ногами я ощутила мягкий ковровый ворс. Миновав гостиные, мы подошли ко входу в верхние мастерские, который был перекрыт представителями Гильдии в черных костюмах. Один из мужчин взмахом руки остановил нас.

— Сэр, доступ заблокирован, — деловым тоном сообщил он.

— Знаю, — коротко ответил Эрик, подтолкнув меня вперед. — Из-за нее.

— Э-э-э, я должен проверить...

— За ней посылал Кормака, — невозмутимо сообщил Эрик, — но можете попробовать навести справки. Он обожает ждать.

Взгляд офицера перескочил на меня. Кожа на руках тут же покрылась мурашками. В эту секунду я вдруг поняла, что Эрик мог вовсе не быть моим другом. Вполне вероятно, он действительно хотел отдать меня Кормаку.

— Проходите, сэр, — отступая в сторону, сказал офицер.

Эрик повел меня наверх. Я молчала.

— Есть идеи? — неясно пробормотал он, пока мы поднимались по винтовой лестнице.

Я покачала головой, и из груди Эрика вырвался стон. Если он меня обманывал, любые сведения о моих планах могли обернуться против меня. Впрочем, планов у меня действительно не было.

На последнем лестничном пролете — Эрик крепко схватил меня за руку и буквально забросил в мастерскую Лорисель. Стены были девственно чисты. Я не решалась оторвать глаз от пола, однако даже в таком положении прекрасно понимала, что происходит. Передо мной выстроились идеально начищенные мужские туфли, красные атласные лодочки и несколько пар грубых ботинок. Между ними кто-то стоял на коленях.

— Дорогая, — возмущенно объявил Кормака. — Какое счастье, что ты все-таки решила к нам присоединиться!

Я набрала в грудь побольше воздуха и подняла глаза. В углу бесформенной грудой осел Джост — под левым глазом у него красовался глубокий порез, из которого все еще сочилась кровь. Два дюжих охранника держали его за руки. Мэйла и Приана даже не пытались скрыть своей радости.

— У меня нет слов! — воскликнул Кормака, сделав шаг вперед и перекрыв мне обзор. —

Я уж и не надеялся, что дождусь этого дня! Кажется, мы нашли ее красную кнопку.

Эрик сильнее сжал мои руки, однако пассажиром Кормака было недостаточно, чтобы вывести меня из себя.

— Надеюсь, теперь вы оставите свои грандиозные планы на эту девку, — фыркнула Мэйла. Больше не было нужды изображать дружелюбие — меня все равно собирались убить.

— Мы выполним процедуру переплетения и забудем об этом, — тихо, но твердо сказал Кормак.

— Тогда она, конечно, станет лучшей женой, — сладко проворковала Мэйла, и при этих словах в глазах Прианы вспыхнула ярость. Должно быть, до этой минуты она не была посвящена во все детали плана. Неужто она и впрямь мне завидовала?

Джост, который все это время сидел неподвижно, вдруг резко подался вперед.

— Не нравится это слышать, да? — насмешливо воскликнула Мэйла.

— Заткнись, Мэйла, — приказал Кормак.

Ее победная улыбка моментально поблекла, и Пряха отступила к пустой стене.

Кормак повернулся к Эрику, который все еще держал мои руки.

— Где она была?

— В исследовательской части, сэр, — ответил он.

Мне хотелось, чтобы Эрик выдал меня и, если уж ничего другого не оставалось, подтвердил мои худшие опасения насчет него. Однако ответ Эрика был чересчур уклончив, и я так и не смогла решить, на чьей же стороне он стоял. Да, я была в исследовательской части, однако почему он не сказал им, что я заходила и в хранилище? Неужели он по-прежнему пытался выиграть для меня время?

— Хватит, прекратите, — раздался из дальнего конца комнаты голос Лорисель. Я повернулась к ней, однако Лорисель смотрела только на Кормака, не встречаясь со мной глазами.

— Нам нужно выяснить, что она сделала, — сказал Кормак, направляясь к станку. — Вызовите требуемый кусок паутины.

Лорисель подошла к командной панели и ввела код. На станке постепенно проступила бриллиантовая канва комплекса.

— Лорисель была так любезна, что залатала маленькую брешь, которую ты оставила в стене, — пояснил Кормак. — Однако мне бы хотелось, чтобы ты сама показала, что делала и куда ходила.

Я покачала головой, уязвленная предательством Лорисель.

— Спросите ее, — выплюнула я.

— Позволь перефразировать, — невозмутимо произнес Кормак. — Делай, что сказано, или я убью его прямо сейчас, а потом вырву твою драгоценную сестричку.

Один из охранников достал толстую черную дубинку и нажал на невидимую кнопку. Из дубинки тут же выскочило лезвие, которое офицер занес над Джостом. Наши взгляды пересеклись, и Джост слегка покачал головой. Происходящее больше не относилось к нам двоим. Мы обязаны были защитить Ами и Себрину.

Должно быть, стук моего сердца был отчетливо слышен во всех концах комнаты, однако я старалась говорить спокойно, не теряя присутствия духа.

— Хорошо, — кивнула я.

Эрик отпустил мои руки, и я направилась к станку. Заняв свое место, я пробежала пальцами по ткани и внезапно нахмурилась.

— Здесь нет того, что мне нужно, — сообщила я, не обращая никакого внимания на Лорисель.

— Что ты хочешь этим сказать? — прорычал Кормак. — Лорисель, где нужный кусок? Лорисель удивленно вскинула брови и подалась к станку.

— Должно быть, я поместила его не на то место.

Кормак сердито прищурился.

— Вот, — тяжело вздохнул он, — почему мне нужна ты, Аделиса.

Он пробормотал себе под нос что-то о некомпетентности, а затем дал Мэйле знак подойти.

— Иди к доктору Эллисену...

— Посол, сейчас уже слишком поздно, доктор покинул комплекс, — вдруг вклинилась Приана. Мэйла смерила ее злобным взглядом.

— Тогда, — прошипел Кормак, — вызови его, и пускай готовится к процедуре переплетения.

Я больше не могу ждать. Ни единого часа. Если она не желает служить на благо Арраса, значит, она не заслуживает второго шанса.

— Да, сэр, — ответила Приана.

— Пора с этим покончить. Пускай трансплантируют все сразу. И еще, Приана, — добавил он, — скажи, чтобы он назначил переплетение Аделисы на утро.

Я резко повернулась к нему.

— И кого же вы собираетесь переплестать ночью? — громко спросила я.

— Я буду скучать по твоей воинственности, — ответил он.

Лорисель тихонько откашлялась.

— Думаешь, стоит так волноваться из-за меня?

Я неверяще посмотрела на Лорисель. Неужели Кормак и впрямь собирался переплести свою единственную Пряжницу?

— Да-да, — заметив мой взгляд, кивнула Лорисель. — Кормак считает, сейчас самый подходящий момент, чтобы меня переплести.

— У меня нет времени объяснять тебе сложные принципы переплетения, старая курица...

— Выбирай выражения! — воскликнула она, выпрямив спину. — У меня пока еще осталось достоинство.

— Уведите ее, — скомандовал Кормак, повернувшись спиной к Лорисель.

Один из офицеров выпустил Джоста и подошел к Пряжнице. Другой отбросил дубинку и поставил Джоста на ноги.

— Это слишком опасно, — напомнила я. Меня охватило отчаяние. — Как вы справитесь без нее?

— У меня есть ты, — не двигаясь, ответил Кормак.

— А если вы потеряете и меня, что тогда? Рискнете всем Аррасом?

— У нас полно времени. К тому моменту, как истощатся последние запасы первоматерии, подрастет твоя сестренка, — сообщил он, смерив меня взглядом.

— Она не умеет прясть, — покачала головой я. — Она не принесет вам никакой пользы.

— Раз ты обладаешь даром, значит, у нее может быть рецессивный ген. Наши ученые верят в то, что смогут разбудить дремлющие в ней способности и активизировать их. — Он сделал паузу, чтобы до меня успел дойти смысл его слов. — Я кое-что проверил. Она

подойдет нам по всем параметрам.

Фальшивая улыбка Кормака на глазах превратилась в звериный оскал — страшнее я еще ничего не видела.

Я почувствовала себя так, словно получила удар в живот. Даже если я согласилась бы на все его требования, Ами все равно осталась бы в опасности. Я перевела взгляд на Джоста, и наши глаза встретились. Даже сейчас, избитый и обездвиженный, он сохранял присутствие духа. Его невозможно было сломать, а значит, и меня тоже.

Мэйла неспешно подошла к станку и окинула Лорисель презрительным взглядом, а потом подмигнула мне. Она стояла так близко, что от запаха ее парфюма меня замутило.

— Доктор уже в пути, Приана пошла в клинику. Буду счастлива помочь в решении этой маленькой проблемы. — Мэйла кивнула на Джоста.

В следующую секунду мой кулак врезался в ее челюсть. От удара костяшки начало саднить, но боль эта была приятной.

— Вот поэтому я и сказала, что ты не готова к настоящей ответственности, девочка, — взвизгнула Мэйла, облизнув окровавленные губы.

Ее слова действовали, как медленный яд. Я почувствовала всю ненависть, что плескалась в них, и молча вскинула одну бровь, но Мэйла продолжила жечь меня своим взглядом. Эрик взял ее за руку.

— Отпусти, — резко вырвалась она. — Ты на ее стороне.

— Я пытаюсь удержать тебя от ошибки, — тихо предупредил он.

— Можешь вешать лапшу на уши кому-нибудь другому, Эрик. Думаешь, я не знаю, что ты ей помогал? Сначала я решила: «Пуускай он затащит ее в постель. Это решит все проблемы». Я надеялась, ты уничтожишь ее собственными руками, — прошипела Мэйла в лицо Эрику, судорожно сжимая его воротник, однако под маской ярости скрывалась боль от его предательства, которую выдавали лишь глаза Пряхи.

Эрик аккуратно отцепил ее пальцы и отодвинул Мэйлу в сторону.

— Сейчас не время.

Обернувшись назад, она смерила меня угрожающим взглядом.

— Ты играешь в опасную игру. Думаешь, что сможешь спасти и его, и себя? Твоя жизнь кончена, Аделиса. А ведь еще недавно власть сама шла к тебе в руки. Чего же тебе не хватило, — рычала она, — смелости или мозгов?

А потом Мэйла захохотала, и это подействовало на меня подобно ментальному стимулянту. Перед глазами невероятно отчетливо проступили нити комнаты. Подавшись вперед, я схватила несколько штук левой рукой и резко потянула их на себя. Нити разорвались пополам. Комната словно сломалась на две части: посередине возникла глубокая трещина. Я услышала, как закричала Мэйла. Это и впрямь выглядело жутко: яркая молния ударила в центр комнаты, оставив после себя черный, как ночь, провал. Любой бы запаниковал в такой ситуации. Оставалось только бежать или испуганно жаться к стене, как и поступила Мэйла. Кормак, надо отдать ему должное, не сдвинулся с Места. Он молчал. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он сделал шаг вперед, навстречу неизвестной судьбе. Однако Кормак был умен и не терял самообладания. И тем самым сохранял себе жизнь.

— Может, я, конечно, и ничего не знаю, — сказала я, сделав ударение на последних словах, чтобы привлечь внимание Джоста: я надеялась, что, внимательно проследив за мной, он разгадает мой следующий шаг. — Но попробуй-ка сделать такое.

Я бросила ей вызов.

Мэйла что-то тихонько пробормотала себе под нос, и я поняла, что она была на грани истерики. В какой-то момент мне даже показалось, что она окончательно сошла с ума, и тогда на сцену вышла Лорисель. Она стояла по другую сторону разлома. В суматохе ее охрана забыла о своей пленнице. В глазах Лорисель сверкала решимость. Не было больше ни теплоты, ни дружелюбия. Взгляд ее был холодным, оценивающим, болезненным.

— Аделиса, в твоих силах прекратить все это, — напомнила она.

— Я знаю, — спокойно ответила я. — Но не вижу для этого причин.

— Ты знаешь, что может произойти, — настаивала Лорисель, указывая в сторону Джоста. — Неужели ты позволишь ему умереть ради тебя? А как же твоя сестра? Как же я?

Я уже готова была рассмеяться ей в лицо, но в последнюю минуту поняла, что Лорисель говорила искренне.

— Дайте-ка подумать. Я могу сохранить жизнь человеку, которого осудят как изменника Гильдии. Зачем? Чтобы его вдоволь попытали напоследок? Они даже могут сохранить ему жизнь и держать его в непрекращающейся агонии, чтобы заставить меня плясать под их дудку. Вы знаете это, Лорисель! Вы знаете, на что они способны!

Воздух в комнате дрожал от моих криков. Мэйла сильнее прижалась к стене.

— Тс-с, тс-с, Мэйла! Кто же боится маленькой непослушной девчонки? — злорадствовала я, не в силах скрыть торжество в своем голосе.

Так или иначе наша война должна была закончиться сегодня. А при определенном везении я бы смогла еще хорошенько отомстить ей напоследок.

— Мне бы хотелось, чтобы ты убрал от него свои лапы, — приказала я охраннику, который держал Джоста, и угрожающе подняла перед собой руки, словно приготовившись крушить комнату дальше.

Офицер недоуменно моргнул, а затем медленно ослабил хватку. Похоже, я действительно победила. Я подошла ближе к Джосту и застыла в паре шагов от него.

На лице Лорисель отражалась внутренняя борьба. Я знала, о чем она думала. На самом деле она была способна залатать дыру не хуже меня. Ее бездействие свидетельствовало лишь об одном — Пряжница все еще не выбрала сторону.

— Что держит вас, Лорисель? — мягко спросила я. — Они собираются вас убить. Даже хуже — они хотят украсть и использовать ваш дар.

На лице Лорисель появилась невеселая усмешка, которая постепенно сменилась злобным оскалом.

— У них ничего на меня нет.

— Я знаю. А как насчет вас самой?

Взгляд Лорисель на миг вспыхнул.

— Ты ставишь всех нас в безвыходное положение.

— Не безвыходное, — безмятежно ответила я. — Просто необычное. Для Пряхи нет ничего невозможного.

— Кроме реальности, — заметила она.

— Кроме реальности, — эхом отозвалась я. Лорисель никогда ничего не говорила просто так.

А потом до меня дошло. Мы не могли контролировать реальность, потому что работали с тканью Арраса. Наш талант заключался в разглаживании и переплетении нитей, ничего другого мы не умели. Вне Арраса мы были никем. Все, что мы создавали, было лишь

иллюзией, и лежавший перед нами черный провал тоже оставался частью этой иллюзии. Вот только под ним могло оказаться что-то совершенно другое — реальность, которую под силу было открыть только мне. Место, где Кормак не смог бы преследовать меня. Земля.

Однако я не могла бросить Джоста. И Лорисель. И сестру. Я понимала: даже если бы мне удалось сбежать, не исключено, что я бы никогда не сумела вернуться обратно. Все взгляды обратились ко мне в ожидании ответа.

— Покончим с этим, — предложил Кормак. — Я сыт по горло этой мелодрамой. Аделиса, нравится тебе это или нет, но ты несешь ответственность за каждую жизнь в Аррасе. Прекрати вести себя, как избалованный ребенок, и верни все на место.

Кормак говорил уверенно, но при этом старался держаться на приличном расстоянии от пролома.

— В том-то и суть, — ответила я. — Вы обращаетесь с нами, как с детьми. Но я знаю правду.

— Она нам больше не нужна, Кормак, — подала голос Мэйла. — Мы можем трансплантировать способности Лорисель. Кругом куча женщин, из которых выйдут чудесные жены.

— Вроде тебя? — презрительно бросил он.

Мэйла отвернулась, точно получив пощечину.

Вообще-то я считала, что даже Мэйла не заслуживала такой жестокости, однако сейчас поведение Кормака было мне на руку.

— Мэйла, — растягивая каждый слог, проговорила я. Мне необходимо было заманить ее в ловушку. — У тебя прекрасно получается портить куски времени, но умеешь ли ты что-то еще?

Мэйла не отрывала от меня глаз. Эрик молча стоял рядом. Мне нужно было заставить ее двигаться — так бы я убила сразу двух зайцев. Или, по крайней мере, нокаутировала бы их.

— Помнишь ту ночь, когда ты застала меня с Эриком? — продолжила дразнить ее я, однако Мэйла, похоже, выросла в землю.

От этих воспоминаний по телу Мэйлы пробежала дрожь. Я изо всех сил молилась, чтобы хотя бы один раз ее взбалмошность сработала в мою пользу.

— О, да ладно тебе! Что, не можешь справиться с нахлынувшими чувствами? Ты же знаешь, я не давала ему никаких авансов. Он сам меня отыскал.

Я видела, как Эрик озадаченно переводил взгляд с меня на Мэйлу и обратно, но сама старалась смотреть только на нее. Оставалось только догадываться, как сильно все эти откровения ранили Джоста. Впрочем, мне сейчас пришлось хуже. Я только что поняла, почему Эрик ввязался в эту войну, и это не имело ко мне никакого отношения. Наверное, на подсознательном уровне я всегда знала правду, просто не хотела в нее верить. Однако сейчас все стало настолько очевидно, что мне оставалось лишь удивляться, почему другие ничего не замечали. Оба они были родом из рыбацкой деревушки. Оба испытывали боль при виде друг друга. Ну и, конечно, оба пытались друг друга ненавидеть.

— Кстати, я очень рада, что Эрик меня поцеловал. — Я пошире расставила ноги: дополнительная устойчивость мне бы не помешала. — Было очень интересно сравнить его поцелуй с поцелуем Джоста.

Я рискнула бросить короткий взгляд на юношей. Растерянность на лице Джоста постепенно сменялась недоверием. Зато Эрик, казалось, начал понимать, к чему я вела.

— До сегодняшнего дня я ни разу не задумывалась о том, до чего похожи ваши глаза, —

сказала я. — Вкупе с тем, как вы целуетесь, это подсказало мне, что вы братья.

Мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Я пообещала себе когда-нибудь рассказать Джосту о том, что все это было лишь приманкой для Мэйлы, и извиниться. Но сейчас у нас не было на это времени. Мэйла больше не пыталась скрыть свои эмоции. Она набросилась на Эрика, охваченная желанием вытрясти из него информацию. Учитывая ее габариты, затея оказалась дурацкой. В центре комнаты по-прежнему зияла дыра. Мэйла и Эрик упали на пол и кубарем покатались к ней. Потрясенный охранник даже не попытался им помочь. Я бросила умоляющий взгляд на Лорисель. Ответ ясно отразился на ее лице: вмешиваться она не собиралась.

Тогда я прыгнула к Джосту и крепко схватила его за руку как раз в тот момент, когда Мэйла сбросила Эрика прямо в открытый разлом. Рот юноши раскрылся в беззвучном крике. Мэйла балансировала на краю щели, однако вскоре ей удалось обрести равновесие. Я уже потеряла несколько секунд, и теперь на счету было каждое мгновение. К счастью, Джост слишком ослабел, чтобы протестовать. Я резко притянула его к себе, и мы прыгнули вниз. В последний момент я успела увидеть, как Лорисель бросилась к разлому и принялась стремительно его зашивать. Руки Пряжницы двигались так быстро, что никому и в голову не пришло ее остановить: наказание оставили на потом. Лорисель все-таки сдержала свое обещание: она позволила мне сделать собственный выбор.

Вокруг нас плясали золотые всполохи, но мне оставалось лишь гадать, было ли это связано с закрытием разлома или с нашим стремительным падением. Джост крепко обхватил меня за талию. Даже если я сильно его обидела, сейчас он об этом не думал. Должно быть, он безгранично доверял мне — я не слышала от него ни звука. Впрочем, может быть, у него просто пропал дар речи. Я выбросила вперед руку и успела ухватиться за нить паутины. Теперь мы с Джостом скользили по ней, приближаясь все ближе и ближе к Эрику, но дотянуться до него у меня пока не получалось.

Теоретически мы могли падать целую вечность, однако проверять это на практике мне не хотелось. И все же я не имела права бросить Эрика одного. Внезапно он повернул голову и заметил нас. Собравшись с силами, он перевернулся в полете и теперь падал спиной вниз, следя за каждым моим движением. А затем случилось чудо. Возможно, всему виной была толщина паутины, а может, Эрик так же, как и я, обладал даром Пряхи, однако он выбрасывал руку снова и снова до тех пор, пока ему не удалось поймать одну из нитей. Он по-прежнему летел вниз, но теперь падение сильно замедлилось.

Джост навалился на меня всем телом, и скорость нашего скольжения возросла. В конце концов он поймал протянутую руку брата.

Это был бы чудесный момент, если бы мы не летели в пространстве между двумя мирами. Спасибо Лорисель, у меня хотя бы был план. Оставалось надеяться, что он сработает. Теперь, когда Эрик и Джост были в безопасности, я отпустила нить, и мы быстро заскользили вдоль канвы. Там, где мы ударялись о нити, во все стороны летели искры и кусочки материи. Страшно было подумать, какой урон мы наносили защитному полю. Чтобы все исправить, им было не обойтись без умелой Пряжницы. Возможно, эта проблема могла бы ненадолго отсрочить участь Лорисель, однако вряд ли такое можно было посчитать хорошей услугой.

Одной рукой Джост по-прежнему сжимал запястье Эрика, другой — держал меня за талию. Мои руки были свободны. Я аккуратно просунула пальцы под защитное поле Арраса и резко вырвала столько нитей, сколько смогла. Пальцы обдало холодом, словно они

оказались на ночном воздухе. Нити нижнего слоя выглядели толстыми и грубыми, однако они были так неплотно переплетены между собой, что справиться с ними оказалось легче легкого. От осознания того, что я остановила наше падение, меня переполнило чувство гордости.

Правда, теперь мы плавали в пустоте, поэтому хвастаться было нечем. Мы находились вне реальности Арраса, и здесь действовали совершенно иные законы времени и пространства. Хотя, честно говоря, я даже не представляла, с чем нам предстояло столкнуться на Земле. Если Лорисель была права и внизу ничего не осталось, эти мгновения стали бы последними для всех нас. Такая перспектива меня не слишком радовала, и все же идея бесконечного полета сквозь время обладала таинственной притягательностью.

Джост с Эриком предпочли хранить молчание. Здесь не было звуков, но, если бы у кого-то из них возникло желание поговорить, я бы поняла это по артикуляции. Братья не открывали рта. Им проще было наблюдать за мной, игнорируя присутствие друг друга. Похоже, узы братской любви настолько ослабли, что Джост с Эриком не слишком обрадовались своему воссоединению. Тем не менее времени на сожаления у нас не было. Выбросив из головы дурацкие мысли, я начала проделывать в канве новый проход. Когда он стал размером с ладонь, я решила посмотреть, что лежало снаружи. В конце концов, мне вовсе не хотелось свалиться в океан.

В тот момент, когда я просунула голову между нитями, за спиной послышался еле слышный ропот. Снаружи было темно. Полная луна подсвечивала пейзаж, и окружающие предметы отбрасывали на землю странные тени. Моя голова зависла над какой-то улицей, с обеих сторон которой высились ровные ряды зданий. Лунный свет разгонял тьму, и вдалеке что-то поблескивало. Все вокруг было настолько неподвижно, что в первый момент показалось фальшивым. У меня создалось впечатление, что я увидела еще одну иллюзию. Но едва я успела об этом подумать, как на меня налетел сильный порыв ветра. Волосы отбросило на лицо. Снаружи вроде бы ничего не изменилось, однако, когда глаза привыкли к темноте, я заметила, что ветер гонял по дороге мусор, и даже расслышала шелест бумаги.

Хорошая новость заключалась в том, что внизу не было океана. Плохая — в том, что я понятия не имела, где мы находились и чего следовало ожидать от этого странного мира — мира Земли. Все здесь выглядело одиноким и заброшенным. Я ожидала другого. Наверное, это было глупо, учитывая, что мне не раз рассказывали о печальной судьбе всех жителей этого слоя реальности. И все же здесь мы могли обрести кров, а если повезет, и отыскать немного еды. Мысль о тех, кто остался в Аррасе, отозвалась в груди внезапной болью. Как они собирались жить без Пряжницы?

Без меня?

К счастью, выбора у нас не было. Я могла бы попытаться открыть проход вновь, но это было слишком опасно. Лорисель помогла нам бежать, но вернуться назад мы могли навряд ли. Я даже не знала, жива ли она. Кроме того, Гильдия наверняка уже отслеживала наши идентификационные номера по всей ткани. Когда я поднялась обратно, у меня словно открылось второе дыхание. Я работала так, словно расширение прохода могло стать ключом к обретению безопасности. Я даже не смотрела на Джоста и Эрика — с их драмой мы могли разобраться позже. Сейчас у меня было задание, которое необходимо было закончить.

Нити времени пронизывали пространство насквозь, и движение их не останавливалось ни на минуту. Вскоре подушечки пальцев закололо, но я приказала себе не думать о боли. От меня зависела безопасность Джоста и Эрика, а там, в Аррасе, все еще оставались без помощи

две маленькие девочки — Ами и Себрина. Время в обеих реальностях неуклонно бежало вперед.

Когда разлом стал достаточно большим, чтобы через него можно было пролезть, я жестом пригласила Джоста и Эрика следовать за мной. Джост попытался мне что-то сказать, в его прищуренных глазах блеснуло недоверие. Я потрясла головой, показывая, что ничего не расслышала, а затем указала рукой на проход. Губы Джоста сложились в одно короткое слово: нет. Прекрасно. Раньше или позже он все равно должен был решиться пройти через портал. Если бы я отпустила его, он продолжил бы падать и тогда, возможно, уже никогда не смог бы найти дорогу назад. Через некоторое время я начала нервничать. Эрик встал и указал на точку разлома, а затем обхватил мою талию левой рукой и оттолкнулся ногами. Мы медленно поплыли по воздуху. Оказавшись у края дыры, он схватился за нее свободной рукой и отпустил меня, после чего мощным движением забросил себя внутрь. Я вопросительно посмотрела на Джоста. Он нахмурился, но все же обвинил меня руками, видимо, осознав наконец, что здесь нам больше ничего не светило. Джост двигался медленнее, чем его брат, и все же мы вскоре подплыли к краю дыры. Бросив на меня короткий взгляд, он задержал дыхание и с силой оттолкнулся от края. Через мгновение мы приземлились на бетонные плиты. Похоже, когда-то здесь проходила дорога. Я немного расстроилась, что мне не удалось проделать брешь на уровне земли, однако все и так закончилось совсем не плохо. Мы могли падать гораздо дольше.

— Я уж подумал, что вы решили меня бросить, — непривычно безжизненным голосом произнес Эрик. Не дожидаясь ответа, он резко развернулся и быстрым шагом направился к руинам.

— Размечтался, — проворчал ему вслед Джост.

Таковыми и стали первые слова, которыми братья обменялись на моих глазах. В морозный воздух взлетели два облачка пара. Разговор состоялся. Эрик пошел вперед, не останавливаясь, и вскоре его силуэт превратился в маленькую темную фигурку на фоне яркой луны. На наших глазах он растворялся в громаде заброшенного города. Джост крепко обнял меня обеими руками.

От холода я задрожала. Темные руины казались абсолютно безжизненными. Все вокруг свидетельствовало о смерти и разрушении. Такой, значит, и была эта Земля — проклятая и покинутая людьми. Мы молча созерцали пейзаж, захваченные странным величием момента. Однако прежде, чем кто-то из нас успел сдвинуться с места, на горизонте в воздух поднялась темная громада воздушного корабля, который двигался прямо на нас. В следующую секунду, словно в честь нашего возвращения домой, из него вырвался яркий столп света.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Скорее всего, я никогда не подойду ближе к церемонии вручения «Оскара» и не произнесу благодарственную речь, поэтому давайте представим, что я стою перед вами в чудесном платье и в руках у меня та самая книга, которую вы только что прочитали. Теперь, когда визуальный ряд выстроен, позвольте продолжить.

Множество благодарностей я хочу выразить моему необыкновенному литературному агенту Молли Глик, чье рвение не устает меня поражать. Спасибо тебе за эту высокую планку. Такой же букет благодарностей мне хотелось бы вручить Джанин О'Мэлли, которая прочувствовала книгу с первого же дня и стала лучшим редактором, о котором я могла только мечтать. И третье спасибо — Бет Поттер, которая помогла мне разобраться в хитросплетениях издательского дела. Этот роман — мой подарок вам троим.

От всей души я говорю спасибо Саймону Боутону и Джону Яджду. С вашей помощью мой новый дом стал ничуть не менее близким и родным, чем старый. Невозможно выразить словами мою горячую признательность командам «Фаррар, Страус Жиру» и «Макмиллан».

Агентство «Фаундри Литерари + Медиа», сотрудничество с вами — предмет моей особой гордости. Ханна Браун Гордон, Кэти Хэмблин — спасибо вам за то, что отвечали на все мои письма.

Я была бы жутко одинока в этом сумасшедшем литературном забеге, если бы не мои друзья по переписке. Мы пережили это вместе. Беттани Хаген и Робин Лукас, я обожаю вас за то, что вы смеялись, плакали и страдали вместе со мной! Кален О'Доннел, ты успел запрыгнуть в уходящий поезд и остался с нами — спасибо тебе за это.

Муж говорит, что мне пора заканчивать, а значит, пришла пора отдать долг моим учителям. Спасибо вам, Боб Бреннан и Алан Хантер, за то, что поддерживали во мне интерес к чтению в течение всех непростых школьных лет. Доктор Мириам Фуллер, это вы научили меня понимать глубинную суть рассказов. И, конечно, отдельная благодарность докторам Девони Лузер и Джорджу Джастису, которые разглядели мой талант и поверили в него, когда я сама о нем еще не подозревала.

И наконец самое главное. Огромное спасибо моей семье. Вы ни разу не засмеялись, когда я заявила, что собираюсь писать книги, и всегда поддерживали меня в трудную минуту. Спасибо моим детям, которые наперебой рассказывали всем подряд о том, что «мамочка пишет книги». И, конечно, спасибо Джошу — моему первому читателю. Ты мое все — спасибо тебе огромное!

У шестнадцатилетней
Аделис Льюис редкий
магический дар – ткать время.
Она Избранная.

Избранные повелевают
реальностью, получая взамен
вечную жизнь, красоту
и молодость.

Об этом мечтает каждая девушка,
но только не Аделис.

Аделис использовала свой
тайный дар и соткала немного
времени для себя.

Теперь у нее есть час,
о котором никто не знает.
Много это или мало?

Всего за час ей предстоит
прожить целую жизнь.

И узнать, насколько
крепко сшиты прошлое
и будущее.

«Ткачи времени» — книга о том,
как важно знать, кто ты такой
на самом деле, о судьбе
и предназначении и о том,
что в жизни всегда есть место
чувствам.

Seventeen.com

Дженнифер Албин создала настолько
захватывающий реально-нереальный
мир, что это даже пугает.

Джозефина Анджеллини, автор
романа «Слияние звезд»

